

НАТАЛИЯ СОТНИКОВА
ФАВОРИТКИ И ФАВОРИТЫ

A full-page portrait of a woman with long, dark, wavy hair adorned with small white flowers. She is wearing a white, off-the-shoulder, ruffled gown with gold star-like patterns. She is holding a fan in her left hand. The background is a soft, painterly landscape with a bush of pink flowers on the right.

*Австро-
Венгерская
династия
Габсбурги на обломках империи*

Наталия Сотникова
Австро-Венгерская династия. Габсбурги
на обломках империи

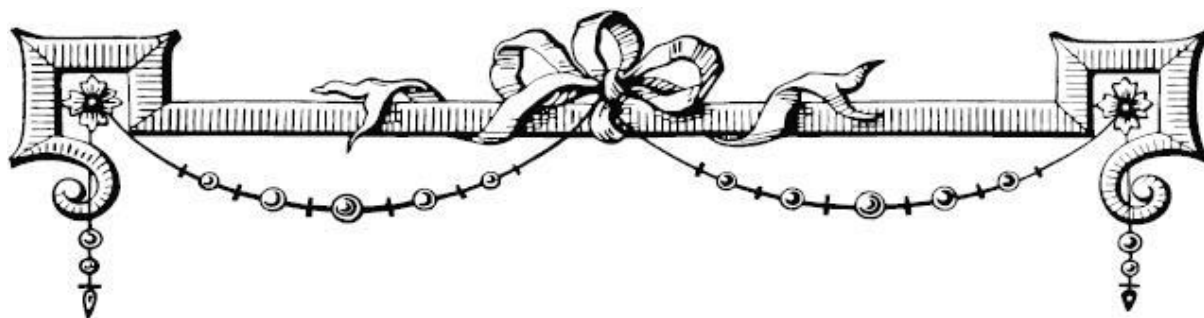

© Сотникова Н.Н., 2023

© ООО «Издательство Родина», 2023

Глава 1

Собиратели земель

Спросите рядовых россиян, что они знают об Австрии? Прискорбно, но в подавляющем большинстве – вообще ничего. Иные могут с явными затруднениями промямлить что-то невнятное о маленькой красивой нейтральной стране. Если вам повезет нарваться на любителя горнолыжного спорта, тогда вы услышите восторженные отзывы об альпийских курортах, и менее восторженные – о тамошних ценах, существенно ограничивающих широкий доступ к ним. Тяжеловатая австрийская кухня популярностью не пользуется. Не все знают, что в этой стране производится неплохое вино, а коренные жители с удовольствием поглощают самогон, лично выгнанный из фруктов. Маркам местного пива даже и мечтать не приходится о том успехе, который неизменно сопутствует их чешским или немецким собратьям. Да и не сказать, чтобы столица Вена пользовалась особой популярностью у туристов, невзирая на ее великолепные, богатейшие музеи, прекрасный оперный театр, интересную архитектуру и занимательную историю. Средний россиянин твердо уверен, что поскольку австрияки разговаривают на немецком языке, они ничем не отличаются от немцев. Правда, не совсем понятно, почему возникла отдельная страна, но ведь каких только фокусов ни выкидывала история!

А между тем немногим более полутора столетий назад Австро-Венгерская империя все еще занимала свое место в ряду великих держав – пусть стареющая, дряхлеющая, но пытающаяся сохранять все признаки былого величия и мощи. Правящая династия Габсбургов

пользовалась в Европе особым уважением. Она стояла у кормила власти этой страны более шестисот лет – сколько других королевских домов за это время возникло и ушло в небытие, а Габсбургам, казалось, не будет ни сносу, ни конца. Ни одной другой династии не удавалось собрать и объединить под своей короной столько земель и совершенно различных народов.

Габсбурги всегда были плодовиты и многочисленны, у них редко возникали проблемы с престолонаследием. По случаю празднования 80-летия императора Франца-Иосифа I в 1910 году во дворце устроили представление придворного балета на старинный манер, в котором участвовали исключительно члены царствующего семейства, от мала до велика, общим числом 60 человек. Это действо должно было вселить в сердце престарелого монарха уверенность в прекрасном будущем. К счастью, Господь смилостивился над ним, и Франц-Иосиф не увидел заката своей империи, от которой потомкам его подданных осталась в наследство всего-навсего маленькая нейтральная страна с пейзажами потрясающей красоты.

В связи с работой над этой книгой мне вспомнился один эпизод из собственной жизни. В начале двадцать первого века мне довелось сопровождать в Вену на международную конференцию по медицине профессора из Воронежа. Мы пробыли в столице 10 дней, жили в отеле на Рингштрассе, напротив оперного театра. Свободного времени было достаточно, и я постаралась познакомить медика с основными достопримечательностями столицы. Наш вылет в Россию пришелся на воскресенье, самолет из Москвы немного запаздывал. В ожидании объявления посадки мы маялись на жестких сидениях аэропорта Швехат, и я спросила у профессора, что произвело на него наибольшее впечатление в Вене. Он некоторое время поразмышлял и ответил:

– Капуцинергруфт^[1]. Шесть веков такого владычества – и в итоге только полторы сотни пыльных гробов. Настоящий символ тщеты земной власти и славы.

Справедливости ради должна сказать, что не все гробы были покрыты пылью. Такие как двойной помпезный саркофаг императрицы Марии-Терезии и ее супруга Стефана Лотарингского или ее отца императора Карла VI с двумя черепами, несущими на себе корону Священной Римской империи германской нации и венец Святого Вацлава^[2], содержались в полном порядке. Но вот крошечные

гробики в нишах стен – прах скончавшихся царственных младенцев, – действительно имели заброшенный вид, вызывая невольную жалость к этим несостоявшимся судьбам. Невзирая на довольно высокие своды, посетителей не покидало чувство подавленности. О том, что мир еще не окончательно забыл великую династию, свидетельствовали только свежие венки от венгерской делегации на саркофаге Циты^[3], супруги последнего императора Австро-Венгрии Карла I, да утопавший в зелени и белых лилиях гроб наследного принца Рудольфа. Было 21 августа, день его рождения...

Да, так проходит земная слава. Все эти властители прожили свою жизнь, наполненную более или менее значительными событиями, и ушли в мир иной, либо оставив свой след в истории Австрии, либо отметившись всего лишь пыльным саркофагом в усыпальнице. При жизни им не было чуждо ничто земное, а потому хроники правления этой династии изобилуют всяческого рода эпизодами, связанными с фаворитами и фаворитками – как правило, неизвестными российскому читателю. И этот недостаток, по моему мнению, необходимо исправить.

Корни

В одной из парадных гостиниц летнего дворца Габсбургов Шёнбрунн экскурсовод непременно обращает внимание посетителей на старинный гобелен, расположенный в темном углу. На нем изображен горный пейзаж с внушительным каменным строением весьма примитивного вида, смахивающим на донжон, средневековую башню, использовавшуюся в качестве тюрьмы. Это – родовое гнездо Габсбургов в северном швейцарском кантоне Аарау, как видно из названия, расположенного в нижнем течении реки Аар. По легенде, эта крепость (или, по-немецки, «бург») была построена близ городишка Брюгг около 1020 года неким Радботом и получила название Хабихтсбург, «замок ястребов». Согласно преданию, у этой полумифической личности здесь на охоте сначала потерялся, а потом вернулся гончий ястреб, и Радбот счел это место подходящим для возведения замка. Ястребы быстро облюбовали это строение, постоянно кружась над ним в дневное время и ночуя там. Надо полагать, в постройке замка сыграла роль не только красивая легенда, но и удобное месторасположение в долине реки Аар, на границе с Бургундией, на перекрестке дорог с севера на юг, из Италии в Германию, с Рейна на Женевское озеро.

Еще после Аварских войн (791–796) император Карл Великий основал здесь Восточное маркграфство, после Венгерских войн в 996 году в документах впервые появляется его название Ostarrichi. Постепенно оно преобразуется в немецкое Oesterreich, которое переводится на русский язык буквально как «Восточное королевство», т. е. название этому суверенному образованию было дано не по национальности проживавших там людей, а по месторасположению. Первыми наследственными австрийскими маркграфами стали Бабенберги. Император Фридрих II Барбаросса придал маркграфству статус герцогства, и власти переселились из Регенсбурга в Вену. В 1246 году умер, не оставив наследника, последний из Бабенбергов. Далее последовала четверть века анархии, когда власть над южными землями Австрии, Штирией и Каринтией, перешла в королю Богемии Оттокару II.

Тут следует упомянуть, что в ту пору Австрия была частью Священной Римской империи германской нации, неповоротливого, лоскутного образования из более чем трех сотен княжеств, епископств и вольных городов. Их объединяла христианская вера и нечто вроде общественного договора. Формально ею управлял избираемый император, суверенный монарх одной из ее составных частей, вовсе не самодержавный властелин, но обладавший преимущественным правом относительно всех прочих. В то время верховную власть в Европе на постоянной основе оспаривали папа римский как наместник Бога на земле и представитель светской власти император Священной Римской империи. Они никак не могли найти общий язык, и постоянные конфликты между сторонниками папы (гвельфами) и приверженцами императора (гибеллинами) сильно осложняли жизнь Европы, в особенности в немецких и итальянских государствах, которых тогда тоже было великое множество. Напоминаем, объединенное Итальянское королевство было создано лишь в 1870, а Германская империя – в 1871 году.

Решение нашел папа Григорий X, мечтавший создать идеальное католическое государство. Он устроил избрание императором незначительного феодального сеньора Рудольфа фон Габсбурга, довольно скромного происхождения, но чрезвычайно набожного. У князей, обладавших правом избирать императора, так называемых курфюрстов, эта кандидатура пробудила редкое единодушие, ибо кандидат имел репутацию человека «ни чрезмерно богатого, ни чрезмерно могущественного». Король Оттокар II, основной соперник выдвинутого папой претендента, презрительно называл его «графчиком без гроша в кармане». Семь курфюрстов, собравшихся во Франкфурте, пришли к выводу, что при столь незначительной персоне нет никакого риска передачи власти по наследству. Когда избранный император совершил торжественный въезд в Вену, обыватели, отпустив массу шуток по поводу весьма заурядного вида скромно одетого мужчины с огромным носом, почти единодушно пришли к выводу:

– Ну, этот долго не продержится!

Совершенно иного мнения придерживался епископ Базельский, который имел опыт распрей с Рудольфом, знал, что этому человеку палец в рот не клади, и после его избрания воскликнул:

– Господь Бог всемилостивейший, держись как следует за свой трон небесный, иначе вскоре на него сядет Рудольф!

Рудольф был трезвомыслящим человеком, предпочитавшим компромисс любой борьбе, и, несомненно, несравненным мастером интриги. Его семья к тому времени разрослась, и он не знал себе равных в обеспечении получения наследства от многочисленной родни и устройстве выгодных браков. Рудольф был собирателем как денег, так и земель, и это на века стало главной чертой всех представителей династии Габсбургов в будущем. Скупость его была столь велика, что он лично штопал дыры на своей одежде. Ко времени избрания императором в его собственности находилось большое количество богатых поместий, которыми этот рачительный хозяин весьма разумно и доходно управлял. У Рудольфа было пятеро сыновей (из которых отца пережил только граф Альбрехт I) и шестеро дочерей, вступивших в необыкновенно выгодные браки с чрезвычайно знатными особами. Император сумел заставить Оттокара II отказаться от всех притязаний на Австрию и вернул Штирию, Каринтию и Краину (бывшее название Словении). В 1278 году король Богемии потерпел жестокое поражение при Дюрнкруте, на болотистой равнине к северо-востоку от Вены, и был убит австрийскими наемниками из своей свиты.

Невзирая на то, что сыну Рудольфа Альбрехту I не сразу удалось избраться императором, через некоторое время эта корона закрепилась за Габсбургами вплоть до 1806^[4] года. Подавив несколько восстаний в Австрии, Альбрехт сумел укрепить свое положение в этих землях. К сожалению, позиции Габсбургов на родине, в Швейцарии, неуклонно теряли свою силу и, невзирая на предпринятые в течение последующих веков попытки, восстановить их так и не удалось. Следуя брачной политике отца, Альбрехт женился на дочери графа Тирольского в надежде включить эту область в свои владения. К несчастью, он вскоре пал жертвой заговора, возглавленного его племянником Иоганном Швабским. Похоже, причиной были какие-то неурегулированные наследственные проблемы. Любопытным образом после этого кровавого события к Иоганну прочно приклеилась кличка Отцеубийца.

Историческое развитие Европы шло своим чередом, создавались новые династии, исчезали старые и уважаемые, такие как Гогенштауфены, Валуа или Тюдоры. Но попавших в ряды правителей

и вкусивших от власти Габсбургов было уже не остановить. Семья мертвой хваткой держалась за кормило правления. Для укрепления своего статуса ее члены не гнушались подделывать документы, стряпать грамоты сомнительного происхождения. Так возник чисто габсбургский титул «эрцгерцог», т. е. «первейший из герцогов», закрепившийся за всеми членами династии.

Выбор женихов и невест

Политика всех поколений последующих Габсбургов придерживалась твердой линии собирания земель с наименьшими затратами, предпочтительно через выгодные браки. Это отразил в своей эпиграмме венгерский король Матиас Корвин, который мечтал о создании Великой Венгрии за счет габсбургских владений:

Bella gerant alii, tu, felix Austria nube,
Nam quae Mars aliis, dat tibi regna Venus^[5].

Собственно говоря, этот стих стал девизом династии Габсбургов. Но вопрос бракосочетаний решался совсем не просто. Член семьи Габсбургов не мог жениться или выйти замуж за кого ему заблагорассудится. Кандидат на вхождение в семью должен был происходить из среды самого знатного европейского дворянства. Необходимо было предъявить документальные доказательства того, что 16 его прапрапредков были дворянами. Так что выбор потенциальных женихов и невест оказывался весьма ограничен. Поскольку Габсбурги считали себя принадлежавшими к разряду высших правителей христианского мира, они могли вступать в браки либо в пределах своей разветвленной семьи (ниже вы увидите примеры заключения брачных союзов между австрийской и испанской ветвями Габсбургов), либо с равными по положению правящими домами Европы. Было еще одно ограничение: женихи и невесты должны были принадлежать только к католическому вероисповеданию. Это опять-таки сужало круг кандидатов для выбора.

Семьи о ту пору были многочисленными, и, как правило, Габсбурги для верности договаривались о двойных браках: брат и сестра из одной семьи шли под венец с сестрой и братом из другой. Как мы увидим ниже, супружества между близкими родственниками были обычным делом. Согласно положениям Латеранского собора 1215 года, браки между лицами, имевшими общих предков среди поколения прадедов, не допускались. Однако папа римский имел право выдавать

разрешения на их заключение и тем самым влиять на брачную политику католических династий Европы. Обычным делом были союзы между двоюродными братьями и сестрами, встречались такие прецеденты как венчание дяди с племянницей. На разницу в возрасте вообще внимания никто не обращал. О генетике в те времена, естественно, и помину не было, и если Габсбурги выигрывали территориально или политически, постепенно они начали проигрывать, так сказать, биологически. Число людей с явными психическими отклонениями или физическими изъянами среди них постепенно заметно возросло.

Герцог Эрнст Железный (1377–1424) в первом длительном браке с Маргарет Померанской детей не имел, но в 1412 году, овдовев, женился на польской княжне Цимбургис Мазовецкой. Господь благословил этот брак девятью отпрысками, унаследовавшими характерную черту внешности матери: выпяченную, несколько отвисшую мясистую нижнюю губу. Этот ген оказался настолько устойчивым, что наблюдался у некоторых Габсбургов даже три столетия спустя. Именно в этом веке Австрия значительно разрослась, от Богемии до Адриатики. Это настолько разожгло аппетит Габсбургов к власти, что Фридрих III провозгласил другой девиз: «*Austriae est imperare orbi universo*» – «Австрии предначертано судьбой править миром». Этот девиз в виде аббревиатуры по первым буквам слов, AEIOU, часто встречается на всяческих символических изображениях времен Австрийской империи^[6]. И неудивительно: этому прорицанию было суждено в какой-то период истории чудесным образом сбыться.

Естественно, что при такой брачной политике говорить о семейном счастье в правящей семье не приходилось. Тогда как женщины в полном одиночестве выполняли свою основную функцию вынашивания и произведения на свет наследников, желательно мужского пола, их мужья никоим образом не отказывались от радостей земной жизни. Особенно отличился в этом смысле эрцгерцог Сигизмунд, правитель Верхней Австрии, куда входили земли Передняя Австрия и Тироль (1427–1496). В летописях ему дали прозвище «Богатый монетой». Это неудивительно, ибо, владея месторождениями серебра, он создал Меранский монетный двор и начал чеканить гульдинер, прообраз той монеты, которая продержалась несколько

веков в Европе под названием «талер» и впоследствии дала имя американской денежной единице «доллар».

Не в деньгах счастье

В семейной жизни Сигизмунду кардинально не везло, ибо оба его брака оказались бездетными. Первая жена, Элеонора Шотландская, родила первенца по имени Вольфганг, который скончался в том же 1480 году. Мать пережила сына ненамного. Четыре года спустя 56-летний герцог женился на 16-летней Катарине Саксонской, но и та наследника не родила. Отсутствие потомства явно нельзя было поставить в вину самому Зигмунду, который в то время уже был отцом 52 побочных детей, причем 26 из них принадлежали к сильному полу. Завидовать этим мальчикам особенно не приходилось, ибо они были детьми мещанок и крестьянок, что исключало виды на какое-то успешное продвижение в средневековом обществе. Но отец заботился о своих чадах, их кормили один раз в день, а годовое содержание составляло 300 гульденов, по тем временам колоссальные деньги.

С девочками дела обстояли проще, Сигизмунд выдавал их замуж за состоятельных людей из своего окружения, снабдив привлекательным приданым в сумме 1 000 гульденов. Детям герцог давал либо фамилии вымерших дворянских родов, либо изобретал совершенно уморительные новые, например, Ганс фон Герцог. Хотя, как уже упоминалось выше, все матери были чрезвычайно низкого происхождения, среди них, надо полагать, затесалась какая-то дворянка, ибо в 1487 году при тирольском дворе разразился скандал.

По-видимому, желая занять официальное место герцогини, эта фаворитка Сигизмунда обвинила Катарину Саксонскую в том, что она намеревалась отравить законного супруга. Похоже, в результате этих наветов на законную правительницу при дворе сложилась невыносимая ситуация, ибо возмутились даже представители сословий земли Тироль. Им давно претило распутное поведение, транжирство и самодержавный стиль правления Сигизмунда. Проматывая все свои средства, он то закладывал, то продавал части своих земель, то в удачные моменты приобретал новые. Императором Священной Римской империи о ту пору был кузен Сигизмунда, Фридрих III (1415–1492), который с готовностью ухватился за повод лишить распоясавшегося родственника власти. Недовольство подданных привело к тому, что в 1490 году Сигизмунд отрекся в пользу сына

Фридриха, Максимилиана, так что земли Габсбургов вновь объединились в одних руках. Разжалованный эрцгерцог кончил свои дни в самом жалком состоянии.

Бургундское наследство

Сына Максимилиана (1459–1519) Фридрих III женил на единственной дочери бургундского герцога Карла Смелого, принцессе Марии. Известный своим воинственным нравом Карл стоял во главе богатого и высококультурного герцогства Бургундия со столицей в Дижоне. Сказочное благосостояние было плодом трудов фландрских ремесленников и купцов, опираясь на которое, бургундский двор приобрел справедливую репутацию последнего оплота рыцарской культуры. Политическое положение герцогства, состоявшего из нескольких провинций, было весьма своеобразным. Как повелитель графства Франш-Комте и герцогства Брабантского, Карл Смелый был вассалом императора Священной Римской империи германской нации, как правитель Фландрии – французского короля Людовика XI. Это делало герцогство своеобразным яблоком раздора между этими мощными властителями. Но амбиции Карла не знали границ, он мечтал о королевской короне, каковой титул можно было бы заполучить либо значимыми завоеваниями, либо милостью императора Фридриха III.

Император, усмотревший в этом желании возможность недурно пожить, предложил ему породниться. Герцог согласился, хотя его сильно смутило железное условие: свадьба их отпрысков должна состояться только после смерти Карла. Зная увлекающуюся натуру будущего свата, расчетливый Фридрих опасался, как бы эта неукротимая натура не потеряла свои владения, на которые давно зарился Людовик XI. Чтобы задобрить императора, герцог Карл устроил ему роскошный прием в Брюгге. Зато юному Максимилиану чрезвычайно понравилась полная развлечений жизнь бургундского двора, столь отличная от мелочной экономии Габсбургов. Он с восторгом писал отцу:

«Я много танцевал, затем участвовал в копьевом турнире и карнавале. Ухаживал за дамами, чем заслужил большую благосклонность, очень много и от всего сердца смеялся...».

По легенде, любовь сразила Максимилиана и Марию с первого дня их встречи. Согласно старинному бургундскому обычаю, ему предстояло найти цветок, который был спрятан в одеждах невесты.

Это считалось знаком любви. Расстегнув одеяние Марии, юноша успешно обнаружил гвоздику, после чего молодые люди на некоторое время замерли в молчании, нежно взирая друг на друга. За их спинами перешептывались придворные, ибо им было известно, что Максимилиан отнюдь не новичок в любовных делах. Его появлению в Бургундии предшествовала слава «хорошего жеребца и мужчины что надо». Молодые люди обменялись портретами и начали переписываться.

Хочешь не хочешь, вежливость требовала устроить соответствующий прием герцогу Карлу. Чтобы не ударить в грязь лицом, император Фридрих, вечно сидевший без денег, занял гобелены, картины и столовое серебро у знакомого финансиста.хлопоты прошли впустую: уязвленный условием, поставленным ему будущим сватом, Карл Смелый затеял очередную авантюру для увеличения своих владений, вторгся под надуманным предлогом в Швейцарию и был убит в битве при Нанси 5 января 1477 года. Швейцарские солдаты разграбили всю его богатую коллекцию драгоценностей, включая знаменитый бриллиант «Герцог», ибо тогда у полководцев было принято выезжать на поле битвы при полном параде. Обнаженный труп Карла вмерз в озерный лед, и его обглодали отошавшие за зиму волки.

Бриллиант весил 139 карат и имел светло-желтый цвет со слегка зеленоватым оттенком. Искусный ювелир огранил его под «паутину» со множеством граней. Какой-то швейцарский солдат снял камень с головного убора Карла Смелого и продал маркитанту за 1 гульден. Далее бриллиант переходил из рук в руки и в конце концов очутился в сокровищнице семьи Медичи, великих герцогов Тосканских, и получил название «Флорентиец». Опять-таки после сложного путешествия, камень перешел в конце концов в казну Габсбургов.

Императору Фридриху удалось разрушить коварный план французского короля выдать двадцатилетнюю Марию Бургундскую за своего девятилетнего наследника. Этот ловкий маневр положил начало более чем двухвековой, мягко выражаясь, неприязни между Австрией и Францией. Через полгода после смерти Карла Смелого, в августе 1477 года, Мария, облаченная в простое черное платье, обвенчалась в Генте с эрцгерцогом Максимилианом. Как это ни странно, это был не только политико-финансовый союз, но и брак по любви. У них

родились двое детей, Филипп (1478–1506), известный впоследствии под прозвищем Красивый, и Маргарита (1480–1530), третий ребенок Франц умер вскоре после рождения.

Император Фридрих потирал руки, заполучив столь роскошное приданое, но радость его была преждевременной. Французы немедленно захватили большую часть Бургундии и земли во Фландрии, Пикардии и Артуа. Начались длительные военные действия, которые шли с переменным успехом и завершились в декабре 1482 года Аррасским мирным договором, согласно которому во владении Марии осталась только Фландрия. Помимо этого, предусматривался брак двухлетней эрцгерцогини Маргариты с 13-летним дофином Карлом, причем она получала в приданое графства Франш-Комте и Артуа, переходившие во французские владения.

Уже в том же году дофин стал королем Карлом VIII. Состоялось заочное венчание, после чего малышку Маргариту отправили во французский замок Амбуаз для получения воспитания, подобающего будущей королеве. Семейная жизнь ее отца Максимилиана продлилась всего пять лет. В 1482 году Мария, беременная своим четвертым ребенком, упала на охоте с лошади. Чрезмерная стыдливость не позволила ей разрешить лекарю осмотреть свою поврежденную нижнюю часть тела. В результате она потеряла ребенка и скончалась от внутренних кровотечений. Но Мария успела оставить сына, Филиппа Красивого, и дочь Маргариту, судьба которой является ярчайшей иллюстрацией того, какую игрушку представляла собой даже самая высокородная принцесса в руках политиков. Покойная Мария назначила своих детей наследниками, а мужа – их опекуном вплоть до совершеннолетия.

Тем временем овдовевший Максимилиан воспользовался своей свободой, чтобы в 1490 году заключить помолвку с 13-летней Анной Бретонской (1477–1514), единственной наследницей Бретани, которая тогда была независимым герцогством. Надеясь сохранить независимость своего герцогства, она обвенчалась с Максимилианом заочно по доверенности, ибо тот был занят подавлением венгерской смуты. Идея выступить с войском на защиту далекой жены не нашла ни моральной, ни финансовой поддержки у немецких князей. Посему император обязал одного из своих дипломатов подтвердить брак согласно старинному обряду, положив обнаженную ногу на ложе

герцогини Анны. Но это возмутило французов, не отказывавшихся от мысли завладеть Бретанью, и хилый Карл VIII в декабре вступил в брак с Анной. Максимилиан поднял на всю Европу крик о двоеженстве и двоемужестве, однако папа Иннокентий VIII отнесся к этому казусу странным образом снисходительно. Формальности были без особого шума урегулированы, и, согласно Санлисскому мирному договору, в 1493 году Маргарита в июне благополучно вернулась во Фландрию, т. е. Нидерланды.

Испанские браки

Король Карл VIII тем временем занялся завоеванием Италии, что было не особо сложным делом ввиду раздробленности и слабости мелких итальянских государств. Для защиты своих интересов Максимилиан в 1495 году заключил союз с католическими монархами Испании, супругами Изабеллой Кастильской и Фердинандом Арагонским. Союзный договор предусматривал брак детей Максимилиана: Филиппа Красивого с инфантой Хуаной и инфанта Хуана Арагонского с эрцгерцогиней Маргаритой. Хуану доставили морем в Нидерланды, где она в октябре 1496 года обвенчалась с Филиппом. Отплытие Маргариты затянулось, так что ей было суждено покинуть родину лишь в 1497 году.

По дороге в Испанию судно попало в такой жестокий шторм, что пассажиры мысленно уже распрощались с жизнью. Маргарита действовала весьма необычным образом: во-первых, она крепко привязала к запястью кошелек, набитый золотыми дукатами, чтобы ее тело могли опознать и устроить ей похороны, достойные особы королевских кровей. Во-вторых, эрцгерцогиня сочинила себе надгробную эпитафию, которая, в очень вольном переводе, звучит следующим образом:

Здесь прах покоится Марго несчастной,
Что славною принцессою была,
И хоть два раза выходила замуж,
Но девственницей чистой умерла.

К счастью, все кончилось благополучно, и эрцгерцогиня Маргарита прибыла в Сантандер и переехала в город Бургос, где ее обвенчали с инфантом Хуаном, всего на два года старше ее. Это был привлекательный белокурый юноша с голубыми глазами, довольно хрупкого телосложения, несколько инфантильный и избалованный обожавшей его матерью, которая называла его не иначе, как «мой ангел». Принц был единственным отпрыском мужского пола

венценосных супругов помимо четырех дочерей. По воспоминаниям современников, Маргарита явилась из дали морской, подобно Венере, в ореоле золотистых волос, «кожа белая как молоко», с соблазнительными округлостями фигуры, веселая, умная, образованная. Свекровь была в восторге и осыпала ее драгоценностями, бриллиантами и изумрудами огромных размеров, рубиновыми ожерельями и 150 жемчужинами идеальной формы величиной с орех. Жених немедленно по уши влюбился в свою невесту, но венчание пришлось отложить до 3 апреля, когда кончится великий пост. В своих великолепных камнях невеста, по уверениям современников, «блистала как звезда».

После венчания молодые немедленно удалились в опочивальню, как целомудренно заметил летописец, они «любили взаимно и восхитительно». Хуан предавался любви безо всякой меры, так что его некрепкое здоровье начало заметно сдавать. Обеспокоенные доктора обратились к его матери, умоляя ее внушить сыну, что неплохо было бы умерить свой любовный пыл. На что Изабелла Католическая решительно ответила:

– Я не разлучу принцев. То, что соединил Господь, не может разъединить человек.

Новобрачному инфанту Хуану судьба отпустила всего 6 месяцев жизни. 6 октября он скончался, как возвышенно написали современники, «от любви». Доктора наших времен полагают, что причиной смерти стала чахотка. Он успел оставить завещание, в котором отказал все свое достояние сыну или дочери, которого родит его «дорогая и любимая жена, пребывающая в тягости».

Сказать, что мать Хуана была потрясена, значит не сказать ничего. На кону стояла не только жизнь ее единственного наследника мужского пола, но и судьба недавно объединенного из мелких суверенных монархий испанского королевства. Королева Изабелла до самой смерти не снимала траурных одежд, ибо неумолимый рок продолжал наносить ей удар за ударом. В августе 1498 года скончалась ее старшая дочь Изабелла, жена португальского короля Мануэля I. Теперь наследником становился ее сын, крошечный принц Мигель Португальский. Он вскоре умер, не дожив даже до двух лет. Таким образом, наследницей стала вторая дочь католических королей, донья Хуана, жена Филиппа Красивого Габсбурга. Испания вместе с ее

огромными заокеанскими владениями на двести лет оказалась под управлением династии Габсбургов. Лишь только в XVIII веке, в результате грандиозной Войны за испанское наследство, владения этого государства перешли под управление династии Бурбонов, каковые и ныне сидят на мадридском троне.

Что же касается самого Максимилиана I, то он, единожды заразившись соблазном красивой и пышной жизни бургундского двора, пытался насадить подобный стиль на своих землях. Бесконечные войны – именно при нем на австрийские земли впервые покусились турки, – и роскошный образ жизни требовали огромных расходов, которые не всегда удавалось покрыть бесконечными налогами и займами, преимущественно у банкирского дома Якоба Фуггера в Аусбурге, который бессовестно выторговывал себе за это многочисленные привилегии. Безденежье настолько доняло Максимилиана, что он в 1493 году женился на Бьянке-Марии Сфорца (1472–1510), особе чрезвычайно низкого происхождения, племяннице миланского правителя Лодовико Сфорца, личности также весьма неоднозначной. Императора прельстило сказочное приданое девицы, 400 тысяч флоринов звонкой монетой и 40 тысяч драгоценностями. Естественно, дядя раскошелится на такие расходы не зря: император пожаловал ему герцогский титул.

Максимилиан быстро разочаровался в молодой жене. Хотя красотой она могла соперничать с покойной Марией Бургундской, но была инфантильным, недалеким и неряшливым созданием. К тому же супруга оказалась ужасной мотовкой. Например, Бьянка-Мария ухитрилась в один день потратить 3 000 флоринов, сумму совершенно невообразимую. У императора дела обстояли настолько неважно, что ему время от времени приходилось закладывать драгоценности короны. Но жена совершенно потрясла его, когда прислала мужу гонца с вестью, что для уплаты долгов заложила свою исподнюю одежду. Разумеется, она чувствует себя без нее не совсем уютно, а потому просит его срочно выкупить эти предметы туалета.

Максимилиан I стал первым меценатом среди Габсбургов. Характерен такой эпизод: великий живописец немецкого Возрождения Альбрехт Дюрер много работал на Максимилиана, выполнив целый ряд заказов, от великолепного портрета императора до иллюстраций его молитвенника. Однажды в Аугсбурге монарх наблюдал за тем, как

художник трудился над фреской в огромном зале, где заседал парламент империи. Дюрер стоял на весьма неустойчивой лестнице, и император сделал знак стоявшему рядом с ним дворянину поддержать это шаткое сооружение. Тот весьма высокомерно ответил, что считает подобное действие ниже своего достоинства. На это император весьма раздраженно ответил:

– Если мне заблагорассудится, я могу любого крестьянина сделать дворянином. Но невозможно из дворянина, кем бы он ни был, сделать Дюрера, – и тут же возвел художника в дворянское достоинство.

Поскольку большую часть своей жизни император был вдовцом, Максимилиан имел множество любовных связей, ему приписывали около семидесяти побочных детей. О некоторых из них упоминали в письмах его внуки. Фердинанд I писал Карлу V о «трех сыновьях и трех девицах». Многие из этих побочных детей после смерти Максимилиана осаждали Фердинанда, требуя денег. Кое-что известно о двух узаконенных сыновьях, Георге и Корнелиусе, от одной матери, то ли одинокой жительницы Зальцбурга, то ли дворянки из дома Бримё де Меген. Оба получили университетское образование (Георг – в Испании, Корнелиус – в Падуанском университете), Георг, начинавший дипломатом, вскоре предпочел духовную карьеру и дослужился до епископа Люттиха, Корнелиус же в неизвестности сгинул в Италии. Третий известный побочный сын Леопольд стал епископом Кордовы.

Максимилиан не особенно заботился о побочных детях, считая, что обеспечил себе достаточное законное потомство. Поэтому к столь грешным созданиям как продажные женщины он относился весьма снисходительно, не настаивая на применении к ним каких-либо карательных мер. Во все средневековые хроники вошло описание преуморительного эпизода, имевшего место в городе Регенсбург, где заседало некоторое подобие парламента Священной Римской империи. На время сессии город из соображений безопасности практически изолировался от окружающего мира, массивные ворота наглухо запирались, и охрана приводилась в состояние боевой готовности.

Но тут к императору прорвалась депутация проституток, странствовавших по городам и весям. Эти жрицы порока обычно промышляли на ярмарках, устраиваемых по случаю престольного праздника святых покровителей тех населенных пунктов, где водились деньги. Женщины настаивали на своем праве усладить пребывание

съехавшихся в Регенсбург немецких князей и прочих влиятельных особ. Максимилиана эта просьба рассмешила, и он решил обойти запрет отцов города, организовав контрабандное проникновение блудниц внутрь его стен. Монарх поставил проституткам следующее условие: одна из них должна была уцепиться за хвост лошади императора, вторая – за ее подол и так далее. За последней женщиной следовала официальная свита императора. Можно представить себе, какой фурор произвел подобный торжественный въезд императора!

Максимилиан не упускал случая крепить свои политические связи за счет родственников. Когда дочь Маргарита овдовела, он немедленно начал переговоры о ее замужестве с герцогом Савойским, ибо это давало ему преимущества в антифранцузской политике. Маргарита вступила в брак с Филибером II Савойским в декабре 1501 года. Герцог очень полюбил свою жену, которая тут же проявила недюжинные политические способности, положив конец опасным козням его сводного брата Рене и добившись изгнания интригана. К сожалению, этот счастливый брак продлился недолго, в 1504 году Филибер погиб в результате несчастного случая на охоте. Отец тотчас же начал строить планы насчет ее третьего брака, но Маргарита наотрез отказалась, тем более, что для нее вскоре открылась блестящая возможность проявить свои управленческие и воспитательные способности.

Большой интерес представлял собой замысел императора по заключению двойных браков с отпрысками короля Богемии и Венгрии Владислава II из династии Ягеллонов. Тут в ход пошли уже внуки Максимилиана. Переговоры шли о замужестве внучки Марии с принцем, который еще не появился на свет! К счастью, родился мальчик, мать умерла в родах, но ребенка, будущего наследного принца Людвига, выносили, помещая его в чрево свежезабитых животных. Его сестра, принцесса Анна, была предназначена в жены внуку императора Фердинанду, но тот находился на воспитании в Испании, где ему предстояло со временем унаследовать корону. Тогда была сделана оговорка, что в случае смерти несовершеннолетнего принца Анна выйдет замуж за 60-летнего Максимилиана. Так что император преклонил колени в соборе Св. Стефана подле маленькой девочки и обменялся с ней кольцами. И подобные, с точки зрения здравого смысла, нелепости совершались Габсбургами с совершенной трезвой единой целью: как можно больше прирастить свои владения.

История безумной любви

Напоминаем, что у Маргариты был старший брат Филипп Красивый (1478–1506). После того как его отец-император заполучил территорию Нидерландов, ему пришлось там несладко, дело доходило до открытых мятежей. В конце концов сошлись на том, что Максимилиан будет представлен в Нидерландах сыном Филиппом, родившимся в Брюгге, что с большой натяжкой облегчало ему задачу играть роль коренного жителя. За его воспитанием и образованием следил специальный совет, так что юноша вырос с сознанием человека, которому дороги интересы этой страны, и в 1495 году был объявлен ее правителем. В октябре 1496 года он вступил в брак с прибывшей из Испании семнадцатилетней принцессой Хуаной, художавой брюнеткой с зелеными глазами. Девушка была воспитана в глубокой набожности, но, увидев своего суженого, немедленно страстно влюбилась в него. Трудно сказать, почему к Филиппу приклеилось прозвище Красивый, по средневековым портретам такого не скажешь, но, определенно, тогда критерии пригожести были иными, в особенности когда речь шла о персонах королевской крови.

Страсть Хуаны была столь всепоглощающей, что превратилась у нее в настоящую манию. По-видимому, эта неистовая любовь стала настолько досаждать Филиппу, что, по свидетельству венецианского посла, он запретил жене приближаться к супружескому ложу. Разумеется, та и слышать не хотела о подобном ущемлении ее законных прав и устраивала мужу бурные сцены. Совершенно отказаться от совместной жизни Филипп не мог, ему требовалось многочисленное потомство, поскольку Хуана, вследствие ухода из жизни своих сестер, постепенно оказалась практически единственной претенденткой на наследование испанских владений. За девять лет супружества она произвела на свет двух сыновей и четырех дочерей, но развившаяся у нее ревность превосходила все мыслимые границы. Окружение как Габсбургов, так и испанского двора стало проявлять явное беспокойство по поводу столь неуравновешенного поведения Хуаны, однако испанцы старались по возможности скрывать тот факт, что родители и брат королевы Изабеллы Католической страдали слабоумием.

В феврале 1500 года Хуана родила в Генте младенца, которому было суждено стать великим императором Карлом V. В ноябре 1501 года ей предстояло отправиться в Вальядолид, дабы принести там собранию кортесов клятву в качестве наследной принцессы. Хуана вместе с Филиппом выехали туда через Францию, где их весьма дружелюбно приняли король Людовик XII и его супруга Анна Бретонская. Однако эта любезность и внимание монаршей пары, а также придворных дам только выводили из себя Хуану, не стеснявшуюся закатывать супругу безобразные сцены и оскорблять французских суверенов. Когда она прибыла в Испанию, королева-мать Изабелла пришла в ужас. Дочь, беременная третьим ребенком, выглядела тяжело больной. После принесения клятвы перед кортесами стало ясно, что отправлять ее обратно в Нидерланды в подобном состоянии невозможно. Филипп поспешно заявил, что не может долго устраниваться от исполнения своих обязанностей правителя Нидерландов, и убыл туда в одиночестве. После его отъезда Хуана стала проявлять явные признаки безумия. Филиппу пришлось вернуться и успокоить жену, поскольку она была беременна в четвертый раз. После его отъезда покинутая жена принялась слать в Нидерланды гонца за гонцом, дабы доподлинно знать, что супруг делает и с кем видится. В марте 1503 года она родила сына Фердинанда, но вернуться в Нидерланды не могла из-за слишком беспокойного моря. Отправить ее сушей через Францию не представлялось возможным из-за скверного поведения на пути в Испанию. Мать поместила ее в замок Мота, но Хуана сумела сбежать оттуда, проявляя признаки явного безумия. Поскольку море успокоилось, помешавшуюся отправили в Нидерланды, а ее слабенького крохотного сына Фердинанда оставили в Кастилии.

Окружение Хуаны надеялось, что ее воссоединение с мужем успокоит несчастную ревнивицу. Сначала так оно и было, но вскоре супруга вновь начала донимать мужа приступами диких подозрений в неверности. Естественно, в ее отсутствие Филипп обзавелся любовницей, полной противоположностью своей мрачной супруге: сдобной фламандкой, ликом кровь с молоком, и с восхитительными льняными волосами. Узнав о разлучнице, Хуана схватила ножницы, обрезала у незадачливой соперницы волосы и изранила ее. Время от времени на помешанную находило просветление, и она изрекала вполне разумные суждения, но затем вновь уходила в свой, никому не

понятный мир. Филипп был вынужден изолировать ее в одном из дворцов Брюсселя. Невзирая на свое душевное расстройство, физически Хуана была вполне крепкой, и в 1505 году родила своего пятого ребенка, дочь Марию.

С учетом такого душевного состояния дочери королева Изабелла решила исключить ее из числа наследников. По кончине Изабеллы в 1504 году регентом был назначен ее супруг Фердинанд, который не желал признавать права мужа дочери на испанскую корону. Филипп возмутился, но его неожиданно поддержали испанские гранды, которые видели в Фердинанде всего-навсего короля Арагона. Филипп вступил в борьбу за утверждение прав Хуаны на испанскую корону, а затем своего признания как короля Кастилии, поскольку болезнь жены все усиливалась.

Однако корона так и норовила ускользнуть от него, поскольку через два года после кончины супруги Изабеллы Фердинанд женился на Жермен де Фуа (1488–1536), по матери племяннице французского короля Людовика XII и по отцу внучке короля Наварры (она также приходилась внучатой племянницей самому Фердинанду), а также сестре герцога Гастона Немурского, известного полководца. В детстве брат и сестра рано осиротели, а потому воспитывались при французском дворе под надзором королевы Анны Бретонской. Анна немало поспособствовала этому браку, который был весьма неодобрительно встречен в Испании, где покойную Изабеллу чрезвычайно почитали, и не только там. Разгневался король Англии, пресловутый многоженец Генрих VIII, супруг младшей дочери Изабеллы и Фердинанда, Катарины Арагонской. В том случае, если бы у Фердинанда и Жермен родился сын, ребенок становился бы законным наследником испанской короны.

Филиппу удалось защитить перед кортесами права Хуаны на престол. Его тесть Фердинанд отказался от регентства и убыл вместе с молодой женой в Неаполитанское королевство, которое о ту пору принадлежало Испании. Жермен родила сына, но прожил младенец недолго. Как ни старался пожилой супруг накачивать себя чудодейственным зельем из бычьих тестикул, больше детей у монаршей четы не было. Тем временем Филиппу Красивому приходилось очень тяжело. После смерти матери, королевы Изабеллы, Хуана погрузилась в глубокий траур, а мужа объявила своим врагом.

Тем временем кастильцам не понравилось, что Филипп привез с собой многочисленную фламандскую свиту, и они начали исподволь создавать противодействие пришельцам. В один из жарких дней 1506 года, сыграв партию в мяч, разгоряченный Филипп выпил много ледяной воды и после пяти дней мучений скончался. Лекари так и не поняли, что же, собственно, стало причиной его смерти. Немедленно пошли слухи, что Филиппа отравили. Вину возлагали либо на жену, чья ревность превзошла уже все мыслимые границы, либо на тестя, который ловко отделался от зятя.

К полному смятению окружающих, после кончины мужа безумие Хуаны только углубилось. Она отказывалась верить в смерть Филиппа, каждый день приезжала в монастырь, где покоилось его набальзамированное тело, приказывала открыть гроб и страстно обнимала труп. Хуана верила, что муж ее заснул, обязательно должен проснуться и запрещала хоронить его. Весной она родила своего шестого ребенка, четвертую дочь Катарину, долгое время остававшуюся при ней. Ее отец Фердинанд сумел устроить так, что дочь отказалась от власти в его пользу. Хуана Безумная, как ее теперь называли, была заключена в замок Тордесильяс, где провела еще 46 лет, не обращая внимания на ужасную грязь и пренебрежительное отношение обслуги к себе.

После смерти Филиппа Красивого правительницей Нидерландов стала его сестра Маргарита, обосновавшаяся в городе Мехельн, прославившемся своими кружевами. Она очень ловко вела дела, стараясь сохранить нейтралитет Австрийских Нидерландов, развивать их торговлю и ремесла. Будучи прекрасно образованной женщиной, Маргарита щедро поощряла культуру и науки. Правительница также занималась воспитанием племянника и трех племянниц, которое сумела устроить на очень высоком уровне. Ей отдали под опеку и побочного сына ее отца, Георга, который потом уехал вместе с Карлом V в Испанию и изучал юриспруденцию в одном из старейших университетов Испании, в Алькала-де-Энарес. После завершения курса он занимал важные управленческие и дипломатические должности, причем папа Клемент одно время был склонен женить его на своей родственнице. Однако в конце концов Георг предпочел избрать путь служителя церкви.

Всем императорам император

Теперь в нашем повествовании пришла очередь внука Максимилиана I, великого императора Карла V (1500–1558). Он прожил не так уж долго, но, оказавшись волею судеб повелителем огромных земель, все время находился в центре европейской политики. Как было принято выражаться, в «его владениях никогда не заходит солнце». Для представления о могуществе Карла V следует привести перечень его титулов: король Испании, Сицилии, Неаполя, Иерусалима, Балеарских, Канарских и индийских островов, а также заокеанских земель, эрцгерцог австрийский, герцог Бургундии и Брабанта, Штирии, Каринтии и Краины, Люксембурга, Лимбурга, Афин и Патраса, граф габсбургский, фландрский и тирольский, пфальцграф Бургундии, Геннегау, Пфирта и Русильона, ландграф Эльзаса, князь в Швабии, властитель в Азии и Африке.

Ровно четверть своей жизни он провел в странствиях, сменив ложе для ночлега около 3200 раз. Все поступки Карла V были подчинены трем основным целям: сохранить единство христианства через укрепление владений династии Габсбургов, уничтожить угрозу Священной Римской империи, исходившую от Франции, и защитить христианские государства от нападений со стороны Османской империи. Все это были чрезвычайно значимые задачи, тем более, что тогда в Европе начали распространяться идеи реформации католической церкви, основанные на 95 тезисах немецкого пастора Мартина Лютера (1483–1546).

Карл V, мужчина среднего роста, не отличался привлекательностью. Его лицо выглядело бы вполне заурядным, если бы его не портила массивная нижняя челюсть, настолько выступавшая вперед, что верхние зубы не заходили за нижние. Оттого постоянно открытый рот придавал ему несколько удивленный вид и портил речь: император имел обыкновение глотать концы предложений, отчего его временами было трудно понять. Надо сказать, что из-за внутрисемейных браков в Габсбургах очень сильно укоренялись присущие им особые как физические, так и духовные черты, становясь их отличительными свойствами. Здесь уже упоминалась выпяченная нижняя губа, но это

был чисто физический признак, не игравший большой роли. Произошли глубокие изменения в их духовном облике.

До Карла V для Габсбургов была характерна приземленность мышления, исключительная практичность и склонность к простоте. С Карлом в династию пришла предрасположенность к долгому раздумию, мрачность, угрюмость, приступы меланхолии, налет сомнения и скепсиса в отношении окружающей действительности. Габсбурги стали более ранимыми и уязвимыми. Были ли эти свойства отголосками душевного заболевания Хуаны? Невзирая на тяжкое бремя его политических и военных задач, императору не был чужд мир искусства. Широко известен тот случай, когда во время сеанса позирования знаменитому итальянскому живописцу Тициану Вечеллио Карл V поднял уроненную престарелым художником кисть и подал ему. В ответ на смущенный лепет Тициана монарх ответил:

– Тициан достоин услуги императора.

С 1526 по 1539 год Карл был женат на своей двоюродной сестре, принцессе Изабелле Португальской (их матери, безумная Хуана и Мария, были родными сестрами), ибо заключение этого брака обеспечило династии Габсбургов выгоду полной власти над Иберийским полуостровом. Такое близкое родство привело к тому, что из семерых детей супругов выжил лишь первенец, будущий король Испании Филипп II, все прочие умирали в младенчестве. Надо сказать, что в течение супружеской жизни Карл V почитал жену и не был замечен в прелюбодейных связях, но до и после брака он имел, результатом чего стали несколько побочных детей.

Здесь стоит вспомнить в первую очередь вторую жену его деда, отставного короля Испании Фердинанда Католического, молодую Жермен де Фуа, племянницу французского короля, обладательницу прав наследования на королевство Наварры. В 1516 году дед скончался, то ли от злоупотребления зельем для повышения сексуальной активности – несостоявшийся монарх тщетно пытался обзавестись сыном-наследником, – то ли от последствий сифилиса, который в ту пору начал расползаться по Европе, наводя ужас на обывателей^[2]. Фердинанд по-царски обеспечил свою вдову годовым доходом в пятьдесят тысяч флоринов и в завещании попросил внука Карла не оставить ее своими заботами.

В 1518 году Карл V прибыл в Испанию для принесения клятвы кортесам в качестве короля Кастилии и Арагона, поскольку состояние здоровья его матери Хуаны исключало всякую возможность ее правления. Встретили его неважно, ибо он плохо говорил по-испански, но здесь не стоит углубляться в эти подробности. Видимо, 29-летняя мачеха произвела на него сильное впечатление, поскольку он устроил в ее честь несколько празднеств и турниров. В августе 1519 года Жермен родила дочь Изабеллу (1519–1537), которую всегда называла инфантой – титул дочери короля, – хотя в Испании гранды этот титул за ней не признавали. В 1523 году император Карл выдал Жермен замуж за безземельного немецкого маркграфа Иоганна Бранденбург-Ансбахского и назначил чету вице-королями Валенсии. В 1525 году маркграф скончался, но бывший любовник Карл тут же обеспечил вдову новым супругом, итальянцем Фердинандом, герцогом Калабрии и Апулии, пожаловав ему пост вице-короля Валенсии. Супруги внесли большой вклад в развитие высокого уровня культуры при дворе Валенсии. В 1536 году Жермен скончалась, назвав в завещании Изабеллу «дочерью его величества». К сожалению, девушка через год умерла, иначе, несомненно, Карл V использовал бы дочь в своих политических интересах так же, как поступал со всеми своими побочными детьми, ярким примером чему служит судьба Маргариты Австрийской.

Маргарита означает «жемчужина»

Осенью 1621 года Карл V посетил в Уденаре замок барона де Монтиньи, где ему на глаза попалась хорошенькая живая горничная жены хозяина, Иоганна ван дер Гейнст. Она была дочерью простого ковроткача, но за сообразительность и милое личико была принята на службу в аристократический дом. Любовная связь длилась недолго, и в июле 1522 года на свет появилась девочка, которую нарекли Маргаритой в честь тетки императора, уже известной нам правительницы Нидерландов. Младенца тут же отдали на воспитание в брюссельскую семью Дуврен. Матери положили весьма скромное годовое содержание и через пару лет выдали замуж за чиновника-юриста, с которым она прожила долго и счастливо, нарожав еще множество детей. Видимо, Карл быстро сообразил, что даже побочные дети императора могут сыграть очень существенную роль в его политических играх, и уже в 1525 году отправил ее на жительство при мехельнском дворе своей тетки Маргариты. После ее кончины император поместил дочь под крылышко своей сестры Марии, вдовствующей венгерской королевы, заместившей Маргариту-старшую на ее посту правительницы Нидерландов.

Ребенку было всего три года, когда у отца созрел план выдать ее замуж за сына Альфонса, герцога Феррары. Политическая обстановка менялась буквально ежедневно, а потому мысли отца перестроились в направлении союза с Францией. Вскоре и эта затея показала свою несостоятельной, но прицел на столь высокородные браки для Маргариты, с точки зрения ее образования, принес ей лишь дополнительные преимущества. Все исторические источники в один голос называют ее воспитание не иначе, как «княжеским». Как и полагалось будущей супруге суверенного правителя, ей преподали все необходимые предметы, а также воспитали из нее первоклассную наездницу и охотницу. В 1529 году девочке вручили оформленную по всем правилам искусными писцами грамоту на латинском языке, в которой Карл V объявлял себя ее отцом. В 1533 году принцесса получила разрешение ставить на всех своих посланиях подпись «Маргарита Австрийская». Такая поспешность свидетельствовала о

том, что ее как можно быстрее постараются использовать в политических замыслах отца.

На сей раз речь шла о налаживании отношений с папой римским, которые существенно подпортил еще император Максимилиан I, совершенно серьезно возмечтавший под конец жизни стать преемником папы Юлия II. Карл V решил устранить все дипломатические шероховатости, породнившись со Святым престолом. На смену Юлию пришел Клемент VII из рода тосканских правителей Медичи. Он покровительствовал последнему представителю старшей ветви этого рода, молодому Алессандро, прозванному за темный цвет кожи Мавром (1510–1537). Происхождение его скрывал покров таинственности, хотя он был признанным побочным сыном Лоренцо-Пьеро ди Медичи. Возможно, что на самом деле юноша являлся отпрыском Джулио ди Медичи, ставшего папой Клементом VII. Что касается матери, то ею была эфиопская рабыня по имени Симонетта. Папа даровал Алессандро герцогский титул, который Карл V сделал наследственным.

В октябре 1536 года Алессандро вступил в брак с Маргаритой Австрийской, но, похоже, не отказался от своей любовницы Таддеи Маласпина, родившей ему нескольких детей. Семейная жизнь продолжалась недолго, ибо уже 6 января 1537 года Алессандро заколол его дальний родственник по прозвищу Лоренцаччо, причем истинная причина этого поступка так и осталась невыясненной. В возрасте всего 15 лет Маргарите пришлось надеть вдовье покрывало.

Но благодаря заботливому и предприимчивому отцу юной вдове не пришлось навсегда отрешиться от мирской жизни. Уже через год ее использовали как некий залог примирения между очередным папой и Карлом V. Папа Павел III из мощного рода римских патрициев Фарнезе выступил посредником в переговорах между императором и французским королем Франциском I, но потребовал за это солидное вознаграждение. 16-летняя вдова пошла к алтарю с 13-летним Оттавио Фарнезе, внуком папы. Подобная степень родства в отношении католического главы церкви звучит довольно странно, но для уточнения стоит ознакомиться с особенностями биографии Павла III.

Род Фарнезе в основном поставлял Италии военачальников^[8], так что со стороны выбор Алессандро религиозной стези выглядел весьма нетипично. Дело же заключалось в том, что семья направила его на

этот путь ввиду блестящих перспектив открывшейся перед ним карьеры. Его сестра Джулия, славившаяся на весь Рим своей красотой, стала любовницей престарелого кардинала Родриго Борджа, впоследствии папы Александра VI. Еще в бытность кардиналом Алессандро Фарнезе от связи с знатной римлянкой обзавелся тремя сыновьями и дочерью, законность которых признали папы Юлий II и Лев X. Сын Пьер-Луиджи порадовал его внуками Алессандро и Оттавиано. Для их благополучной жизни требовались титулы, выгодная женитьба и роскошный образ жизни. В качестве свадебного подарка Карл V даровал Оттавиано титул герцога.

Сначала Маргарита выражала свое неудовольствие тем, что ее выдали замуж за мальчика, и даже отказывалась делить ложе с ним. Впоследствии она все-таки смирилась с выпавшей ей участью. В своих письмах Карл выражал свое чрезвычайное удовлетворение ее послушанием и умолял дочь уважать и почитать мужа, а также «проявлять любезность в отношении папства и всего дома Фарнезе». В 1545 году герцогиня родила сыновей-близнецов, из которых один умер в возрасте 4 лет, второй же, Алессандро, впоследствии дослужился до фельдмаршала у испанского короля Филиппа II, сводного брата Маргариты. Папа Павел III даровал свекру Маргариты, Пьер-Луиджи Фарнезе, герцогство Пармы и Пьяченцы. Сообразительный внучок папы Оттавиано составил заговор против отца, который был убит, и герцогство досталось Оттавиано. По легенде, папа Павел скончался от горя, узнав о предательстве внука.

Папу похоронили в соборе Святого Петра под помпезным надгробием, украшенным не только его скульптурным изображением, но и аллегорической обнаженной статуей Справедливости, моделью для которой послужила его сестра Джулия. В конце XVI века, когда в Риме стали более заботиться о благопристойности, статую облачили в мраморное одеяние. Далее заметим, что герцогство Пармы и Пьяченцы как вотчина рода Фарнезе просуществовало до начала XVIII века. Но сам род не растворился в закоулках истории: последняя в роде Фарнезе, принцесса Елизавета, в 1714 году вступила в брак с королем Испании уже иной династии, Филиппом V Бурбоном, и все последующие тридцать лет играла чрезвычайно важную роль во внешней политике этого государства с целью укрепления положения

своих сыновей на троне Испании и сохранения испанских владений в Италии.

В 1559 году Филипп II назначил Маргариту правительницей Нидерландов, и она сумела в среде бурных выступлений против ненавистных испанцев снискать уважение дворянства и жителей Австрийских Нидерландов. После того как на усмирение туда отправили прославившегося своей жестокостью герцога Альбу, она сложила с себя свои полномочия и отправилась доживать последние годы в Пьяченце.

Прежде чем приступить к описанию жизни самого примечательного побочного отпрыска Карла V, следует сказать пару слов о его внебрачных дочерях, хотя, прямо скажем, заметного следа в истории они не оставили. Почти ничего не известно о донье Хуане, которая была помещена в монастырь августинок Мадригал де лас Альтас Торрес в Авиле и умерла там в возрасте восьми лет.

Вторая дочь, донья Тадеа, родилась в 1523 году в Болонье, ее матерью была сеньора Орсолина де ла Пенья, по прозвищу прекрасная Пенина, из Перуджи. Отец никогда не порывал связи с ней и ее воспитательницей, некой доньей Хуаной из Бургундии, дважды встречался с ними, в 1530 и 1533 году. При последнем свидании император приказал воспитательнице не отдавать донью Тадеа ни ее матери, ни кому либо другому до его особого распоряжения. Видимо, в его уме уже зрели какие-то замыслы относительно будущего девочки. Но вскоре после этой встречи воспитательница донья Хуана умерла, перед смертью завещав монашкам «хорошо надзирать за доньей Тадеа, ибо она совершенно точно есть дочь его величества императора Карла V».

Но, невзирая на столь высокое происхождение, а возможно, именно вследствие него, вся жизнь девочки пошла наперекосяк. В возрасте десяти лет братья матери насильно выдали ее замуж – тогда подобные браки были в порядке вещей. В двадцать пять лет донья Тадеа осталась вдовой и предпочла вести уединенную жизнь в Риме, где и закончила свои дни.

Любимый брат и нелюбимый сын

Самым примечательным отпрыском Карла V был, безусловно, его сын дон Хуан Австрийский. Надо сказать, что обстоятельства его рождения были окружены некой тайной, что давало повод для возникновения самых диких предположений относительно его происхождения. Он будто был сыном мещанки из Регенсбурга Барбары Бломберг. Ничего не известно о точной дате его рождения и крещения, но, поскольку сам отец назвал его в завещании Херонимо, именно таким именем его и окрестили. Касательно даты рождения, ее также установили приблизительно, исходя из того, что он приносил присягу своему племяннику дону Карлосу, принцу Астурийскому, в 1560 году в возрасте 14 лет. На памятной же медали, посвященной победе в битве при Лепанто в 1571 году под его предводительством, был вычеканен его возраст – 24 года. Дон Хуан справлял свой день рождения в день святого Матиаса, 24 февраля.

Отсюда пошли слухи, что Хуан Австрийский был плодом кровосмесительной связи императора с его дочерью Маргаритой или сестрой Марией, королевой венгерской. Вторая легенда связана с пребыванием Карла V в Ратисбоне, во дворце герцогов Баварских, который был предоставлен в его распоряжение с 11 апреля по 2 августа 1546 года в виде помощи для военной кампании против протестантов. У герцога Вильгельма V Баварского было трое сыновей и 14-летняя дочь Метхильд (1532–1565). Возникла легенда, что император не устоял перед соблазном, нарушил священные каноны гостеприимства и изнасиловал дочь хозяина. Это будто бы подтверждается словами инфанты Изабеллы Клары Евгении много лет спустя, которые были записаны иезуитом падре Страда:

«Дон Хуан не был рожден Бломберг, как наши думали до сих пор, но от другой матери, более знатной и княжеского рода. Для сохранения ее репутации император Карл распорядился, чтобы Барбара Бломберг играла роль матери, и к ней таким же образом относился его наследник, король Филипп».

Любопытно, что Карл в своем завещании отказал этой женщине совсем небольшую сумму, а вот дон Хуан Австрийский в письменном изложении своей посмертной воли рекомендовал царственному брату

Филиппу II не забывать Барбару Бломберг, «каковую он уважал и любил как мать». Эта фраза вселяет сомнение в наличии истинно сыновней любви. Тут следует упомянуть, что Метхильд Баварская десять лет спустя была выдана замуж за маркграфа Филибера Баденского, с которым имела четверых детей.

Что касается самой Барбары, то точно о ней ничего не известно. Кто-то считал, что она происходила из обеспеченной семьи, кто-то — что из сословия ремесленников, кто-то называл ее служанкой во дворце герцогов Баварских. Неясно также, какое время сын находился при ней, или же сразу был отобран и передан заботам кормилицы. Вскоре после расставания с сыном, не без содействия монарха, Барбара вышла замуж за Херонимо Кегеля, с которым прижила несколько сыновей. В 1569 году она овдовела и обратилась к императору за помощью в виде пенсии, которая была ей пожалована. Барбара обосновалась в Брюсселе, испанское управление которой уведомляло короля Филиппа II, что она ведет легкомысленный образ жизни и располагает 4 944 флоринами, переданными ей наследником ее предполагаемого любовника. Губернатор Нидерландов, герцог Альба, докладывал королю: «Мадам живет настолько свободно, что пристало положить этому конец, поскольку ни одна порядочная женщина не желает перешагнуть ее порог».

Историки делают из этого вывод, что Филипп II не проявлял бы такого беспокойства по ее поводу, если бы она не представляла угрозу, будучи носительницей столь важной тайны. Это подтверждает гипотезу о Метхильд Баварской. Барбара потеряла связь с доном Хуаном Австрийским и не виделась с ним до 1577 года. Встревоженный слухами о ее распутной жизни, связями с хозяином борделя и другими личностями с дурной репутацией, дон Хуан отправил мать в Испанию, где поместил в монастырь. Вскоре она вступила там в связь с управляющим, и ее поселили в местечке недалеко от Сантандера. Там легкомысленная женщина и скончалась спустя почти двадцать лет после смерти сына. Барбара пользовалась пожизненной рентой, предоставленной ей Филиппом II, и на старости лет стала вести более благопристойный образ жизни.

Но вернемся к жизненному пути дона Хуана. Мальчика отправили в небольшой городок Леганес близ Мадрида, где его опекали фламандец-музыкант Франс Миссис из императорского оркестра и его

жена Анна. Общий надзор за ребенком осуществлял дон Луис Мендес де Кихада, генерал испанской и фламандской пехоты, глава старинного кастильского рода. Музыканту и его жене платили 50 дукатов в год. Школы в Леганесе не было, но местный священник твердо вложил в голову ребенка христианское учение и сделал из него преданного католика. После смерти музыканта мальчик перешел под опеку жены генерала, доньи Магдалены де Уллоа. Официально дело представлялось так, что она занимается воспитанием внебрачного сына своего мужа, что в те времена было вполне в порядке вещей. Мальчик рос под именем Херонимо Леганес.

Император Карл V так и не смог полностью завершить свои грандиозные планы. В 1539 году он понял тщетность всех своих устремлений, невозможность управлять империей, над которой не заходило солнце, и отрекся от престола, отдав испанское королевство сыну Филиппу II; все прочее, включая корону Священной Римской империи германской нации, получил брат Фердинанд I. Таким образом, династия Габсбургов разделилась на две ветви, испанскую и австрийскую. Карл удалился в монастырь Юсте на Эстремадуре в Испании, где вел совершенно отшельнический образ жизни и через два года скончался. Перед смертью отец пожелал свидеться со своим побочным отпрыском. Встреча была обставлена таким образом, будто мальчик привез ему подарок от доньи Магдалены де Уллоа. При его появлении Карл и бровью не повел, ни один мускул не дрогнул на его лице, но летописец Ван дер Хаммен отметил, что «его взгляд выразил внутреннее удовольствие при виде своего сына, столь благовоспитанного и красивого».

Еще 6 июня 1554 года император Карл составил в Брюсселе дополнение к своему завещанию, гласившее следующее:

«Пребывая в Германии, я имел внебрачного сына от одинокой женщины, каковой зовется Херонимо, и, имея возможность добровольно помочь ему, мое намерение таково, чтобы он по своему свободному и добровольному желанию принял религиозный сан. Буде же он не пожелает избрать сей путь, но предпочтет светскую жизнь, излагаю свою волю и приказываю, чтобы ему каждый год выплачивали ренту от двадцати до тридцати тысяч дукатов в Неаполитанском королевстве, известив об этом все местности и вассалов. Все сие поручаю принцу моему сыну, чтобы он его почитал и

приказывал почитать и оказывал ему надлежащее уважение. Что скрепляю моим именем, рукой и печатью».

После смерти отца испанский король Филипп II впервые встретился со своим братом в октябре 1559 года, между ними была двадцатилетняя разница. Тем не менее, он выказал большую любовь к брату, возложив на голову коленопреклоненного юноши правую десницу, спросил, как его зовут, и заявил:

– Святой Херонимо был великим святым, однако же вам надобно называться более подобающим образом, ибо император Карл, каковой живет на небесах, был и моим отцом, и вашим.

Король представил его своей свите и отправился с ним в Вальядолид, где при дворе прилюдно торжественно обласкал новоиспеченного дона Хуана Австрийского. Монарх пожаловал ему резиденцию и штат прислуги, но, невзирая на его высокое положение, повелел обращаться к нему всего-навсего как «ваше превосходительство». Положение незаконнорожденного лишало его трех основных привилегий: титула инфанта, права проживания в королевском дворце и места среди членов королевской семьи в дворцовой часовне. Однако многие подчиненные обращались к нему «светлейшее высочество», что юноше очень льстило, и на что его брат смотрел весьма снисходительно.

Почему король Филипп проявил такую щедрость в отношении незаконного отпрыска отца? С одной стороны, он исполнял волю покойного, но с другой, следует прояснить тревожную ситуацию, сложившуюся у него в отношениях со своим единственным на то время сыном.

В шестнадцать лет отец женил Филиппа на принцессе Марии Португальской, которая приходилась ему дважды двоюродной сестрой, поскольку была дочерью его дяди по материнской линии и тети по отцовской – настоящее кровосмесительное родство. От молодоженов потребовали как можно скорее произвести на свет наследника испанского трона. Неудивительно, что у их первенца присутствовали все ярко выраженные характеристики внешности Габсбургов: тяжелый подбородок, выпяченная нижняя губа и отсутствующий взгляд. Ко всему прочему одна нога у него выросла длиннее другой, цвет лица отдавал нездоровой желтизной. В 1543 году появление дона Карлоса, принца Астурийского, стоило его матери жизни. Ребенок выдаивал

странное поведение с раннего младенчества: он не только кусал груди своих кормилиц, но и натурально пытался жевать их. Его сочли немым, но в трехлетнем возрасте малыш начал кое-как лепетать, а в возрасте двадцати одного года ему подрезали уздечку языка. Конечно, придворные Карла V и Филиппа II пели дифирамбы его красоте, но вот что писал венецианский посол Бадозеро:

«Принцу дону Карлосу десять лет. Лицо у него дебильное, выдает жестокий характер. Когда ему приносят зайцев и другую охотничью добычу, самым большим удовольствием для него является сжигать их живыми. Он вырывает глаза у птиц, которые попадают ему в руки, и прodelывает это очень ловко. Все замечают в нем чрезмерную гордость. Он вспыльчив и чрезвычайно упрям в своих взглядах. Его воспитатели пытаются умерить неукротимость его характера, однако дон Карлос не хочет слушать ничего, кроме разговоров о войне, и не читает иных книг, кроме как связанных с нею».

Ему вторил барон фон Дитрихштайн, посол короля Богемии: *«Не знает удержу своей воле».*

Когда Филипп II встретился со своим сыном в 1559 году, юноша произвел на него крайне неприятное впечатление. Чем дольше они общались, тем шире и глубже становилась пропасть между ними. Ко всему прочему, у дон Карлоса регулярно случались приступы лихорадки, его мучили последствия падения с высокой лестницы. Причина падения была весьма деликатной: принц погнался за понравившейся ему служанкой, пересчитал телом все ступени лестницы для прислуги и поранил голову. Рана инфицировалась и вызвала рожистое воспаление. Принц пребывал буквально между жизнью и смертью, лекари поговаривали о трепанации. Для излечения ему положили на ложе эксгумированный труп послушника-францисканца Диего из Алкалы, скончавшегося много лет назад в ореоле святости. Руки принца положили на грудь мумифицированного трупа. Чудо свершилось: дон Карлос выздоровел, а брата Диего из Алкалы канонизировали. Но теперь юношу начали терзать нравственные страдания.

Дону Карлосу с детства был предназначено стать правителем Нидерландов, но ввиду его постоянных недомоганий фактическое претворение этого замысла в жизнь было отложено на неопределенный

срок. Конечно, ему дали место в Государственном совете, но никакой роли он там не играл.

Однако юноша жаждал деятельности, желание стать правителем Нидерландов превратилось у него в манию. Он знал, что отцу доверили управление испанскими королевствами в шестнадцатилетнем возрасте, ему же было уже девятнадцать, но во Фландрию дон Карлос попасть не мог. Когда туда командировали герцога Альбу, принц бросился на него с кинжалом и воплями:

– Так это вам надлежит отправиться туда! Но вы не поедете, потому что я убью вас!

Обладавший недюжинной силой герцог схватил его руками и тряс до тех пор, пока принц не задохнулся. Одному из друзей отца дон Карлос надавал пощечин, другому угрожал кинжалом. В то же время в книге учета расходов принца значились многочисленные суммы, выплаченные на содержание и обучение брошенных детей, а также деньги, выданные людям, заключенным в тюрьму за долги. Эти вспомоществования позволяли им покинуть каталажку.

Когда дона Карлоса впервые представили дяде Хуану, по возрасту двумя годами моложе него, он быстро проникся его неподдельно дружелюбным отношением. Безусловно, принц завидовал физической красоте и личному обаянию бастарда, но так и не изменил своего доброжелательного отношения до последних дней, хотя дон Хуан Австрийский одобрял Филиппа II в строгости мер, принятых отцом в отношении непокорного сына. Насколько известно, дядя и племянник поспорили всего лишь один раз.

Как-то в запале одного из своих пресловутых приступов гнева во время обучения дона Хуана и двух его племянников^[9] в университете Алькала-де-Энарес дон Карлос заявил дяде:

– Я не могу спорить с человеком низкого происхождения. Ваша мать была потаскушкой, а вы суть бастард.

Дон Хуан, отнюдь не блиставший академическими успехами, тем не менее, не принадлежал к числу тех, кто лезет за словом в карман, и моментально парировал выпад племянника:

– При всем том мой отец был намного более великим человеком, нежели ваш.

Принц пожаловался отцу, но тот отреагировал самым рассудительным образом:

– Дон Хуан прав: его отец, император, мой повелитель, был более великим человеком, нежели я, таковым ваш отец никогда не станет.

Тем временем, Филипп II вторично овдовел, когда скончалась его супруга, королева Англии Мария Тюдор, своей непримиримой политикой преследования протестантов заработавшая себе нелестное прозвище «Кровавая». Иссохшая от постоянной борьбы с политическими и религиозными противниками принцесса, перешагнувшая порог четвертого десятка, она была настолько неаппетитна, что Филипп не устоял и в Лондоне воспользовался сексуальными услугами дочери какого-то пекаря. Новость тут же распространилась в народе, который от души потешался, распевая на всех углах песенку о низкопробных вкусах высокомерного короля. На престол взошла сводная сестра Марии, 25-летняя Елизавета, рыжеволосая весьма привлекательная девица. К невесте с таким роскошным приданым со всех концов Европы толпой сбежались коронованные женихи, но молодая королева выказывала очень высокую разборчивость. Филипп II без малейших колебаний решил присоединиться к соискателям, дабы вернуть Англию в лоно католической церкви.

«Я вознамерился отбросить в сторону все соображения, которые могли бы быть выдвинуты против, и замыслил оказать сию услугу Господу, сделав брачное предложение королеве Англии».

Тем временем дон Карлос, весьма мучившийся ходившими о нем слухами, что он является импотентом, с помощью какого-то цирюльника, снабдившего его чудодейственным питьем, наконец-то познал радости плотской жизни. Для сей цели было уплачено десять тысяч дукатов девушке, согласившейся принять участие в столь низменном эксперименте, и подарен дом для проживания вместе с ее матерью. Вкусив от запретного плода, дон Карлос зачастил в публичные дома и потребовал от отца женить его. Однако тот под всяческими предлогами уклонялся, осознавая, какое потомство может появиться у его отпрыска.

Тем временем Елизавета тянула с окончательным ответом – нам известно, что она предпочла остаться королевой-девственницей, – а европейская политика предъявляла Филиппу II свои требования. Согласно Като-Камбрезийскому договору, союз между Испанией и Францией должен был быть скреплен брачным союзом между двумя

династиями. Надо сказать, что дон Карлос еще в детстве был помолвлен с французской принцессой Елизаветой из дома Валуа. Осознавая, что с таким наследником испанский трон ожидает незавидное будущее, а других детей у него нет, король Филипп не стал долго думать и сам женился на 13-летней принцессе. Этот брак оказался не так уж плох, если судить по письмам супруги монарха:

«Уверяю вас, что я суть самая счастливая женщина в мире».

Елизавета очень тепло относилась к своему пасынку, будучи ненамного старше его. Между ними возникло нечто вроде искренней и совершенно чистой дружбы. Исторические факты явно не соответствуют фабуле романтических трагедий немецкого драматурга Ф. Шиллера и итальянского В. Алфьери, на которых основана гениальная опера Верди. Считается, что тут немалую роль сыграли памфлеты политических злопыхателей, в изобилии печатавшиеся в Нидерландах, откуда они расползались по всей Европе.

Постепенно отец превратился для дона Карлоса в средоточие зла, и юноша решил тайно бежать из страны. Для этого требовались значительные средства. Принц написал письма нескольким испанским грандам с просьбой ссудить ему денег. Филипп II решил, что дело зашло слишком далеко, и посадил его под строгий надзор, разрешив посещения только по особому разрешению. Дон Карлос теперь называл отца не иначе как «тиран». История разошлась по всей Европе и наделала много шума. Филипп же написал папе римскому письмо:

«Поскольку за мои грехи Господу было угодно, чтобы сей принц имел столько изъянов, и таких значительных, частью по умственной части, частью вследствие его физического состояния, и у него полностью отсутствуют необходимые качества для управления государством. В том случае, когда по окончании моих дней ему перейдет наследование трона, возникнут величайшие неудобства и значительные опасности с последствиями всеобщей пагубы. В таких обстоятельствах на основании широкого и тщательного опыта и ввиду бесполезности всех испробованных средств я пришел к убеждению, что невозможно надеяться ни на какое-то устранение изъянов, ни на то, что с течением времени можно избежать несчастий, каковых по справедливости опасаемся, считаю надобным заточить его, дабы проверить с тщанием и разумностью средства

достижения целей, каковые мне предложили без попадания под чьи-либо осуждения».

Вывод напрашивался сам собой: следует лишить принца прав престолонаследия. Сделать это было нелегко, ибо принц в возрасте 14 лет уже был признан кортесами наследником. Обосновать лишение прав перед Святым престолом можно было только на основании еретических взглядов, но дон Карлос всегда проявлял величайшую набожность.

Оскорбленный принц принимал все меры для того, чтобы покончить жизнь самоубийством. Все колющие и режущие предметы у него отобрали, поэтому он решил уморить себя голодом, но не смог вытерпеть отсутствие еды. Дон Карлос проглотил свой перстень с крупным бриллиантом, но тот вышел наружу естественным путем. Потом принц пытался поглощать огромное количество охлажденной воды и спать с открытым окном обнаженным. Но и это не повлекло за собой никаких последствий. В середине июля ему подали паштет из куропатки, который принц проглотил почти целиком, после чего почувствовал ужасную жажду и начал усиленно пить ледяную воду. У него случилось несварение желудка, и он скончался 24 июля 1558 года. Перед смертью инфант пожелал увидеться с отцом, но тот имел жестокость отказать умирающему в этой последней просьбе. Через два месяца у королевы Елизаветы произошел выкидыш, от последствий которого она скончалась. Все это дало повод для создания легенды об отце-тиране и благородном сыне, восставшем против него, а заодно и о нежных чувствах между мачехой и пасынком. Немецкий драматург Ф. Шиллер, опираясь скорее на эту легенду, нежели на исторические факты, сочинил трагедию в стихах, которая пару столетий волновала сердца толп зрителей. Она получила поистине второе рождение после того, как великий композитор Джузеппе Верди перенес ее на оперную сцену, создав один из своих шедевров, оперу «Дон Карлос».

Филипп же женился в четвертый раз на своей племяннице, Анне Австрийской, дочери его сестры Марии и двоюродного брата, императора Максимилиана II. Папа римский не моргнув глазом выдал ему разрешение на этот противоестественный брак. Из четырех рожденных сыновей трое умерли, но все-таки выжил столь желанный наследник престола, совершенно безликий Филипп III.

Один из современников Филиппа II написал о нем, что, «возможно, он не был добродетельным мужчиной, во всяком случае, слыл поразительно скрытным». Будучи свято приверженным окостеневшему этикету испанского двора, король и любовниц выбирал исключительно из их числа. Еще совсем молодым он вступил в связь с фрейлиной Изабель Осорио, дочерью маркиза. От этой связи будто бы родились двое сыновей; когда Филипп женился на Елизавете Валуа, дама удалилась на проживание в монастырь, но постриг не приняла. Ее место заняли сначала донья Анна ди Мендоза, принцесса Эболи, затем дочь секретаря короля Каталина Ленез. О судьбе принцессы Эболи будет рассказано ниже. В последние годы жизни его любовницей стала донья Эуфросина де Гузман, тоже фрейлина. Она забеременела, и король срочно выдал ее замуж за дона Антонио де Лейва, князя Асколи. Рожденного ею сына считали отпрыском короля. Филипп II не признал ни одного из своих побочных детей, хотя в монастыре Королевских босоногих сестер в Мадриде приняла постриг некая Марианна Австрийская. Наверное, Филипп II был единственным монархом, которому поставили надгробный памятник в окружении трех жен (краткий брак с Марией Тюдор, по-видимому, сочли проходным эпизодом, недостойным увековечения).

Одноглазая красавица

Оригинальная личность Анны де Мендоза и Серда (1540–1592) определенно заслуживает более подробного рассказа. Она принадлежала к одной из родовитейших и могущественнейших семей Испании. Уже при рождении малышка была обладательницей титулов принцессы де Мелито, герцогини де Франкавила, графини де Альяно и маркизы де Алжесилла. Когда ей было всего 13 лет, принц, будущий король Филипп II, договорился с ее родителями о браке подростка со своим другом детства Руем Гомесом де Сильва, принцем Эболи по названию города в Неаполитанском королевстве. Фактическое осуществление брака отложили до исполнения невесте возраста 17 лет. Однако существуют свидетельства, что в возрасте 15 лет Анна была изнасилована Филиппом, отчего родился сын, дальнейшая судьба которого неизвестна. Тут следует упомянуть одну необычную особенность внешности молодой женщины: она была одноглазой, что, как это ни странно, ничуть не влияло на ее репутацию редкой красавицы. Глаз принцесса потеряла в детстве, точная причина травмы неизвестна: то ли причиной был удар учебной рапирой во время фехтования, то ли инцидент на охоте.

Эта дама была чрезвычайно умна и влиятельна: она смогла завоевать место подруги королевы Елизаветы Валуа. В браке с принцем Эболи, весьма стабильном, она родила 10 человек детей, из которых выжили шестеро. Анна вместе с мужем покровительствовала монастырям религиозного ордена босоногих кармелиток в Пастране. Она начала возведение мужского монастыря Сан-Педро и женского Сан-Хозе, но требовала вести строительство согласно своим пожеланиям. Это привело к разногласиям с основательницей ордена Терезой Авильской, которая впоследствии была канонизирована католической церковью. Муж принцессы внезапно скончался, когда ей было всего 33 года, и на ее плечи легли заботы о многочисленных поместьях и замках, которыми она очень разумно и прибыльно управляла.

Анна на некоторое время даже удалилась в монастырь и поселилась в келье с весьма суровыми условиями, но никак не могла отказаться от светского образа жизни. Она переместилась в отдельный дом на территории монастыря, сохраняя в шкафах придворные платья и

драгоценности, окружив свою особу штатом слуг, а также выговорив себе право свободного выхода за ограду монастыря. По указанию Терезы все монашенки в знак протеста покинули обитель, а Анна вернулась к придворной жизни в своем мадридском дворце. Она не удержалась от мелкой мести и опубликовала извращенную биографию матери Терезы. Это вызвало возмущение со стороны испанской инквизиции, запретившей этот труд на 10 лет.

Принцесса пользовалась большим влиянием при дворе и выгодно пристроила всех своих детей. После смерти мужа она вступила в близкие отношения, в которых политика переплеталась с любовью, с Антонио Пересом, секретарем короля, своим ровесником. Эта связь была раскрыта Хуаном де Эскобедо, секретарем уже известного нам дона Хуана Австрийского. Секретарь не поленился примчаться в Мадрид из далеких Нидерландов, где тогда пребывал полузаконный брат короля, пытаясь усмирить беспокойных голландцев. Но Хуан де Эскобедо поддерживал контакты с мятежниками в Испанских Нидерландах, и Антонио Перес, опасаясь последствий раскрытия связи с Анной, известил короля об опасных дворушнических интригах Эскобедо. Секретаря заставили замолчать ударами шпаг шести убийц. Общественность отнесла это за счет мести Переса, было заведено дело, но уже через год подозреваемого выпустили из тюрьмы. Ходили слухи, что принцесса Эболи состояла в связи также и с Хуаном Австрийским и вместе с ним также плела какие-то интриги.

Однако принцесса Эболи постепенно теряла свое влияние, и в июле 1579 года по приказу короля была арестована и содержалась в довольно суровых условиях сначала в крепости Торреон де Пинто, затем Санторкас. Ее лишили прав на опеку над детьми и управление своим недвижимым имуществом. Условия заключения были настолько жесткими, что родня начала ходатайствовать перед королем об их смягчении. В 1581 году узницу перевели под домашний арест в ее герцогский дворец Пастрана. Для надзора за ней приставили младшую дочь и разрешили иметь штат прислуги из четырех человек. Жизнь под домашним арестом также оказалась не сахаром, ибо король приказал забрать все окна двойными решетками, которые практически не пропускали дневной свет. Что же касается выхода на единственный балкон, его оборудовали такими жалюзи, которые не давали доступ не только свету, но и воздуху. Заключение разрешалось проводить лишь

один час на этом балконе, выходявшем на ярмарочную площадь. В таких условиях узница тяжело заболела и скончалась в возрасте всего 52 лет. После ее смерти площадь впредь так и стала называться Часовой. Надзиравшая за принцессой дочь постриглась в монастырь.

Некоторые исследователи считают такое суровое отношение короля непонятным. Вполне возможно, что это было связано со сложной интригой наследования вакантного трона Португалии или же противодействием намерениям дона Хуана Австрийского жениться на шотландской королеве Марии Стюарт. Анна в своих письмах называла короля «кузен» – право грандов, высшей знати испанского королевства, – и просила защитить ее «подобно истинному рыцарю». Монарх же теперь именовал ее не иначе как «свинья» и «мерзавка», из чего следует сделать вывод об истинной подоплеке их былых отношений. Невзирая на это, Филипп II всегда защищал детей своего старого друга и назначил управляющего их поместьями.

Вполне возможно, что история принцессы Эболи была бы предана забвению среди множества жизнеописаний придворных дам, но эта особа удостоилась чести быть включенной в число действующих лиц драмы Ф. Шиллера «Дон Карлос, инфант испанский». Оттуда она перекочевала на оперную сцену в одном из лучших творений композитора Дж. Верди того же названия. Надо сказать, что, невзирая на относительно небольшую партию меццо-сопрано, выделенную данной героине, исключительной популярностью у публики пользуются арии принцессы «Песня о фате» и «Красота, дар роковой, дар жестокий». В двадцатом веке писатели приложили свои труды к сочинению нескольких книг о принцессе Эболи, по которым были сняты полнометражные и телевизионные фильмы. Правда, не было отмечено, чтобы какая-то оперная певица решилась выступить в этой роли, закрыв глаз повязкой, сильно напоминающей пиратскую, – малопросвещенная публика вряд ли оценит это соответствие исторической правде.

Герой, красавец и франт

Тем временем положение с отсутствующим наследником мужского пола немало беспокоило как Филиппа II, так и особ его окружения. На рождение новых наследников рассчитывать не приходилось, и смерть дона Карлоса поставила королевскую семью в весьма непростое положение. Нашлись люди, которые посчитали, что трон может унаследовать единственный брат короля, «прекрасный как Феб и храбрый как Марс», единственным недостатком которого была его незаконнорожденность. Обычно побочных отпрысков усиленно наставляли выбрать стезю служителей церкви, дабы денно и нощно замаливать грехи отца, но очень рано стало ясно, что дон Хуан Австрийский не имеет к этому ни малейшей склонности. Его влекло к себе все связанное с ратным делом. Он готовился к военной карьере, но в юности составил компанию своему племяннику дону Карлосу по учебе в университете. Там дядя всегда был первым в фехтовании, верховой езде, танцах, плавании, выказывал живость в беседах и грацию в манерах, но занимал последние места в науках.

Дона Хуана Австрийского снедало горячее желание избавиться от своего двусмысленного положения, напоминавшего ему о себе всякий раз, когда к нему обращались «ваше превосходительство». Ему не терпелось услышать «ваше высочество». Это настолько уязвляло его, что, например, он на несколько дней демонстративно удалился от двора, когда на похоронах его невестки, Елизаветы Валуа, ему пришлось занять место, которое раздосадованный бастард счел слишком низким для своего положения.

Король был весьма щедр на поощрения своего брата. Каждый раз, когда дон Хуан проявлял свою сообразительность и отвагу, что случалось нередко, Филипп II вознаграждал его сторицей. Дон Хуан был принят в орден Золотого Руна, членами которого состояли лишь законные члены семьи Габсбургов и особы из высшей знати. В возрасте 21 года он получил звание генерала морей, т. е. стал фактически главнокомандующим испанским флотом. Величайшим достижением дона Хуана стала победа над Османской империей в морской битве при Лепанто 7 октября 1571 года. Правда, более трезво мыслящие историки относят это достижение Священной лиги за счет

успешной стратегии генуэзского адмирала Джованни-Андреа Дориа и испанских адмиралов Рекесенса и маркиза Санта-Крус, которые были назначены королем надзирать за действиями его брата. Тем не менее, его поведение вызывало уважение у офицеров и горячую поддержку у рядовых.

Успех и всеобщее прославление ударили в голову молодому человеку. Папа римский Пий V при получении известия о победе при Лепанто произнес строки из Евангелия, несколько переиначив их: «И был человек, посланный Богом, и имя ему было Хуан...». Его святейшество также поздравил героя, назвав его «принцем» и «его высочеством». При этом дон Хуан не пользовался поддержкой знати, да и вряд ли клан Габсбургов принял бы идею посадить на испанский трон побочного отпрыска. У Филиппа II были две дочери, инфанта Изабель Клара Евгения, помолвленная с австрийским эрцгерцогом, и инфанта Каталина-Микаэла, выданная замуж за герцога Савойского. Даже если бы последняя жена не родила королю наследников, в Вене было достаточное количество его двоюродных братьев, которые имели полное право занять испанский трон.

Но дон Хуан Австрийский, подобно всем побочным отпрыскам, жаждал стать суверенным монархом. Папа подал идею назначить его королем либо Албании, либо Греции. Возник также замысел создать отдельное королевство из Туниса, опять-таки с доном Хуаном Австрийским во главе. В 1573 году он отбил это завоевание своего отца Карла V у османов, правда, уже через год блистательная Порта вернула Тунис под свое владычество. Тем не менее, вся Европа восторгалась молодым красавцем, всегда одетым по последней моде. На портретах его часто изображали в доспехах самой искусной работы либо итальянских, либо испанских мастеров и с живым львом, возлежащим у его ног. Большинство людей считали хищника аллегорией, отдававшей дань легендарной отваге победителя при Лепанто. На самом деле история льва намного более удивительна и отражена в хрониках, теперь сильно подзабытых.

По утверждению авторов этих летописей, дон Хуан как-то в сопровождении своей свиты осматривал некую королевскую крепость в Тунисе. Неожиданно навстречу из сада медленно вышел лев и направился к группе людей. Сопровождавшие дон Хуана уже приготовились отразить нападение царя зверей, но тот величаво

поднял лапу, как бы призывая к спокойствию, приблизился к дону Хуану, потерся о его ногу и улегся подле молодого человека. Вскоре появился раб, который знаками пояснил, что животное принадлежит королю Хамиду, было приручено и проживало при дворце подобно собаке. Дон Хуан приласкал хищника, который затем ходил за ним по пятам повсюду, принимал пищу из его рук, когда тот ехал верхом, сопровождал его сбоку и при пешей ходьбе следовал за ним подобно пажу. Дон Хуан дал ему кличку «Австрия» и временами даже позволял зверю спать на ложе рядом с ним. Свои письма он иногда подписывал «Рыцарь Льва», так что понятно, почему художники часто изображали его со львом у ног.

В марте 1576 года Филипп II назначил его правителем Нидерландов, но дон Хуан поначалу отказался, ибо собрался свататься к овдовевшей шотландской королеве Марии Стюарт, которая к тому же имела некоторые права на английскую корону. Сторонником этого брака был папа римский, надеявшийся возродить католическую религию на Британских островах. Но Филипп II, которого уже начала раздражать невероятная популярность брата, настаивал, что тот должен проявить себя в Нидерландах. Дон Хуан прибыл туда из Неаполя, где был вынужден оставить своего неизменного и преданного спутника, льва. После его отъезда Австрия затосковал и вскоре умер. Во Фландрии дон Хуан не добился особых успехов, хотя беспрестанно требовал «золота и денег». Неизвестно, чем бы кончилась эта эпопея, если бы в сентябре 1578 года дон Хуан Австрийский не пал жертвой эпидемии тифа, свирепствовавшей в его военном лагере под Намюром.

Он оставил четверых побочных детей: Анну, дочь испанской дворянки, придворной фрейлины Марии де Мендоза; Хуану, рожденную неаполитанкой Дианой Фалангола из Сорренто, и двух сыновей от Агустины Роблес и Зенобии Сарастрозио. Анну король признал, она постриглась в монахини и закончила свои дни аббатиссой монастыря Уэллас в Бургосе. Хуану не признавали, хотя молча терпели приставку к ее имени «Австрийская». Она вышла замуж за Франческо ди Бранчифорте, князя Пьетраперсия. Что же касается сыновей, те канули в неизвестность.

Тело героя разрезали на три части и в кожаных мешках доставили в Испанию, где предали погребению с княжескими почестями в королевской усыпальнице в монастыре Сан-Лоренцо дель Эскуриал.

Однако надпись на его захоронении явственно указывает на его происхождение: «Хуан Австрийский – Побочный сын Карла V».

Надгробная лежащая статуя в натуральный рост из белого каррарского мрамора изображает его в полных воинских доспехах, с орденом Золотого Руна, с мечом в обеих руках, голова покоится на подушке. У его ног положены латные рукавицы: знак того, что он не погиб в бою. И там же примостился лев.

Интермедия: любовь и корона

Мы видим, сколь насыщенной была личная жизнь Филиппа II, подчинявшего выбор своих жен в первую очередь политическим интересам. Собственно говоря, так поступали все Габсбурги. Но были среди них очень немногочисленные особы, которые осмеливались следовать зову сердца.

Таким был второй сын императора Фердинанда I, эрцгерцог австрийский Фердинанд II Тирольский (1529–1595), отметившийся в истории династии будто бы лишь как создатель первоклассных коллекций – впрочем, среди Габсбургов это не было редкостью. Он наверняка канул бы в безвестность, если бы не одна особенность его биографии: эрцгерцог женился по любви на девушке намного ниже его по положению.

Фердинанд в возрасте 19 лет был назначен отцом правителем Богемии, на каковом посту успешно прослужил почти два десятка лет. В 1564 году волей брата, императора Максимилиана II, он стал еще и правителем земли Тироль. История необыкновенно красивой девушки Филиппины Велсер (1527–1580) вошла в легенду и долгие годы вдохновляла беспочвенные грезы европейских золушек. На самом деле очень немного известно как о ней самой, так и об этой неравной любви, завершившейся морганатическим браком.

Она происходила из уважаемой купеческой патрицианской^[10] семьи из Аугсбурга. Существует множество предположений, где и когда эрцгерцог и красавица встретились в первый раз. По признанию самого Фердинанда, тайный брак был заключен лишь в 1557 году, когда Филиппине исполнилось уже тридцать лет. Исходя из маловероятности того, чтобы пригожая барышня с хорошим приданым из уважаемой семьи столько лет протомилась в девицах, следует предположить, что началась эта романтическая связь еще с десятков лет до этого. Именно ввиду отсутствия документальных свидетельств вокруг этой истории сложилось множество преданий.

Но где-то через пару лет после тайной свадьбы императору Фердинанду I донесли о неподобающем поведении сына, и он попытался придать этому из ряда вон выходящему поступку особы

императорских кровей приличествующий вид. Монарх согласился на сохранение неравного брака при условии, что его будут продолжать держать в тайне, дети получают право на престолонаследие лишь в случае пресечения основной династии, но им будет пожаловано дворянство и сохранены гербы Габсбургов. Супружеская чета тщательно придерживалась этих условий, два сына, Андреас и Карл, воспитывались в их замке как подкидыши. В 1562 году родились близнецы Филипп и Мария, которые умерли в младенческом возрасте, но, когда Фердинанд был назначен правителем Тироля, и пара уехала из Богемии, гробы детей тайно перевезли вслед за ними для захоронения в придворной церкви Инсбрука.

Тайный брак перестал быть таковым в 1576 году, когда старший сын Андреас должен был получить звание кардинала, для чего требовалось документальное подтверждение законного рождения. Поэтому папа римский освободил эрцгерцога Фердинанда от клятвы хранить тайну, и именно тогда отец Андреаса сообщил о точной дате заключения брака. Супружество считалось счастливым, муж подарил Филиппине несколько поместий и осыпал дорогими подарками. Она получила титулы маркграфини Бургау (унаследованный сыном Карлом), ландграфини Нелленбург и графини фон Обер— и Нидерхоэнберг.

Супруга эрцгерцога много занималась благотворительностью, помогая бедным и нуждавшимся дворянским семьям. Филиппина совместно с матерью увлекалась лечением травами и при ее любимом замке Амбрас устроила аптекарский огород. Там под руководством ее лейб-лекаря и аптекаря выращивались целебные растения и составлялись лекарственные смеси. Ее мать Анна Велсер составила книгу об использовании этих трав, авторство которой приписали Филиппине. По-видимому, такова же история приписываемой ей поваренной книги.

В 1570 году у Филиппины начались проблемы со здоровьем, и муж начал не только поглядывать на сторону (если верить слухам, он обзавелся побочной дочерью Вероникой фон Вилландерс (1551–1589) и сыном Кристофом фон Хертенбергом (1592–1613)), но и заранее подыскивать себе новую жену. Сначала он сделал предложение вдовой маркграфине Баденской, урожденной шведской принцессе Цецилии, затем дочери своей сестры Анны, которая отказала ему на том основании, что «его нравственные проступки широко известны за

пределами Тироля». Далее Фердинанд остановился на кандидатуре своей семилетней племянницы Анны-Катарины Гонзага, дочери герцога Мантуанского Гуильельмо и его жены Элеоноры Австрийской. После смерти Филиппины в 1580 году, выждав положенный срок траура, Фердинанд женился на Анне-Катарине, которая родила ему троих дочерей, а потому Тироль вошел в состав Австрии. Но нельзя сказать, чтобы эта ветвь династии Габсбургов сразу пресеклась, ибо дочь Анна вышла замуж за своего двоюродного брата Маттиаса и стала супругой императора. Правда, детей у них не было, и наследование короны перешло к основной ветви династии. Но легенда о прекрасной Филиппине и любви, преодолевшей династические ограничения, оказалась очень живучей.

Казанова на троне

Филипп II Габсбург был, несомненно, самым мощным королем Европы, но и он в назначенный судьбой день 1598 года отбыл в мир иной. Ему наследовал сын Филипп III (1578–1621) по прозвищу «Набожный», которого даже современники не стеснялись называть ничтожеством. Согласно уже сложившейся традиции, он был женат на своей троюродной сестре, родители которой были двоюродными братом и сестрой, как и у него. Такое все сужавшееся кровосмешение привело в конце концов к вырождению испанской ветви Габсбургов. Все свое правление король был яблоком раздора между партией трех женщин – матери, сестры и жены, – оказывавших сильнейшее влияние на него, и фаворита, герцога ди Лерма. Филипп III был на редкость примерным семьянином, чего нельзя было сказать об его сыне, Филиппе IV (1605–1665).

Филипп IV был продуктом слияния потомства двух сыновей Филиппа Красивого и Хуаны Безумной, императоров Карла V и Фердинанда I. Внешне он напоминал карикатуру на своего величественного деда Филиппа II, но если тот по воле судьбы был вынужден четырежды вступать в брак для обеспечения трона Испании наследником, внучок государственными делами интересовался менее всего. Зато он не пропускал мимо себя ни одной юбки, совершенно не делая различия между женщинами дворянского звания, вроде герцогини Альбукерке, и простолюдинками, вплоть до проституток. Ему приписывали от 8 до 32 побочных детей.

Филипп IV вступил на трон шестнадцатилетним юношей и в силу сложившихся обстоятельств до 1640 года был еще и королем Португалии. Учитывая огромные заморские владения обеих королевств, дел у него было невпроворот, но именно подобные прозаические материи беспокоили властелина половины мира менее всего. Король возложил все государственные дела на графа Оливареса и жил в свое удовольствие. Испания же начала терпеть поражения и терять кое-какие владения, в частности, Португалию. В Мадриде даже как-то вывесили громадный портрет Филиппа IV с подписью: «Чем больше у него отнимают, тем больше он отдает!».

Король был образованным и неглупым человеком, говорил на нескольких языках, интересовался поэзией, музыкой и живописью. В возрасте 10 лет его женили на 13-летней Елизавете Валуа, сестре французского короля Людовика XIII; параллельно тот обвенчался с сестрой Филиппа, Анной Австрийской, широко известной российскому читателю по роману Дюма «Три мушкетера». Фактически брак Филиппа и Елизаветы был осуществлен лишь в 1620 году. В нем было рождено 8 детей, но выжили только двое: дочь Мария-Терезия, которая вышла замуж за французского короля Людовика XIV, и сын Бальтазар-Карлос. На него возлагались большие надежды, хотя у мальчика с детства проявлялась странная любовь к кастрированию котом. Ему уже уготовили брак с двоюродной сестрой, эрцгерцогиней Марианной, дочерью сестры Филиппа IV и императора Фердинанда III. Но юноше не исполнилось и семнадцати лет, когда он заболел лихорадкой и, невзирая на многочисленные кровопускания, скончался. Тут же пошли слухи об отравлении, но современники упоминали и вторую причину. Якобы его мажордом, дон Педро де Арагон, привел ему проститутку, и ночь оказалась настолько бурной, что юноша испустил дух. Подтверждением того послужила опала, которой немедленно был подвергнут дон Арагон.

Филипп IV, как уже было сказано, любил всех женщин без разбору. Например, в 1625 году началась его связь с дочерью графа де Чиреля. Чтобы оскорбленный отец не мешал этому роману, его удалили от двора. Родился сын, которого окрестили дон Фернандо-Франсиско Австрийский. Мальчик скончался в возрасте восьми лет, вскоре вслед за ним последовала его мать. Принадлежавший ей особняк с весьма двусмысленным названием «Королевское зачатие» король преподнес в дар старинному военно-религиозному Ордену Калатравы.

Король не гнушался посещением борделей, драками с ревнивыми мужьями и даже преследованием монахинь. Ходили слухи, что аббатисса одного из монастырей уговорила свою послушницу прикинуться мертвой и улечься на носилки в виде покойницы, дабы отвести сластолюбивого короля, покушавшегося на ее честь.

Но наибольшей известностью пользовался его роман со самой знаменитой испанской актрисой, известной как Мария Кальдерона. XVII век в Испании – век расцвета несколько запоздавшего испанского Ренессанса, в особенности театра. Испанцы просто с ума сходили по

театру, его представления пользовались необыкновенной популярностью, в особенности по пьесам Лопе де Вега и Кальдерона. У каждого из драматургов были свои поклонники, и нередко спектакли кончались массовыми дуэлями между ними.

Представления давались в так называемых корралях: это что-то вроде двора, окруженного зданиями, – причем женщины и мужчины размещались отдельно. В Мадриде была два таких заведения, в одном из них и представляла эта актриса и певица, пользовавшаяся необыкновенным успехом. Как это ни странно, о ней известно крайне мало. По одним источникам она, подкинутая в 1611 году в семью человека, связанного с театром, звалась Мария, по другим – Инес, по третьим – Хуана; четвертые утверждают, что Хуана Кальдерона, также певица и актриса, была ее сестрой, а потому их часто путали. Король мог заходить в специальное помещение при коррале прямо с улицы и оттуда смотреть спектакль, не привлекая к себе внимания зрителей.

Про ветреность Кальдероны ходили легенды, похоже, она была столь же любвеобильна и неразборчива в своих увлечениях, как и монарх. В Мадриде по рукам ходила ядовитая эпиграмма маркиза де Мондехара:

Герцог, падре и громила,
Граф, кондитер и корона —
Всех любовью оделила
Чаровница Кальдерона.

По свидетельствам современников она действительно была любовницей герцога Медина де лас Торрес, который и передал ее Филиппу IV. Однако же из трех десятков приписываемых ему побочных отпрысков король признал лишь одного. Из чего следует сделать вывод, что Филипп IV был чрезвычайно привязан к его матери.

Младенец появился на свет в 1629 году в предместье Мадрида Леганитос, был окрещен Хуан-Хосе и записан в церковных книгах как «сын земли», что было равноценно выражению «от неизвестных родителей», т. е. незаконнорожденный. Однако в роли крестного отца

выступал элегантно и богато одетый камердинер его королевского величества, дон Мельчор ле Вера, что наводило на предположение о высоком положении дитяти. Что же касается его матери, то здесь она просто исчезает со сцены, как в буквальном, так и переносном смысле этого слова. Неизвестно, сколь долго длился королевский фавор, почему эта женщина вскоре оказалась послушницей монастыря. Кто-то из историков утверждает, что актриса сама решила отказаться от порочной жизни. Тут имеется в виду не только ветренность Кальдероны, но и тот факт, что к ремеслу лицедея церковь относилась, мягко говоря, с большим неодобрением. Современница графиня д'Ольнэ, утверждает, что в монастырь ее отправил король, обнаружив продолжение ее любовной переписки с герцогом Медина де лас Торрес. Известно, что Кальдерона была пострижена в монастыре Вальфермозо близ Гвадалахары, стала там аббатиссой и скончалась в 1678 году, оставив по себе красивую легенду.

Сын актрисы

Мальчик же вырос в загородной королевской резиденции Зарзуэла и получил отличное всестороннее обучение в гуманитарных науках под руководством иезуита, доминиканского монаха и рыцарей ордена Сантьяго. Король следил за успехами сына, который рос образованным человеком, хотя, по мнению окружающих, знания его были весьма поверхностными. Зато он очень увлекался астрологией, приверженность предсказаниям которой сильно влияла на его жизнь.

В 1642 году по достижении 13 лет подросток Хуан-Хосе был торжественно признан своим отцом. Ему также пожаловали приставку «Австрийский» и титул «его превосходительство», который быстро превратился в «высочество». Король также постановил, что отныне королева должна называть его «сын мой», а принц дон Бальтазар-Карлос – «брат и друг мой». Елизавета Бурбонская отказалась именовать его подобным образом, считая это губительным для ее достоинства королевы, а за спиной мужа в обществе своих фрейлин не стеснялась называть его «сыном шлюхи». Наследник, принц Астурийский, старался держаться подальше от него и называл братца «дон Хуанисимо». Его сделали магистром ордена Святого Хуана и предложили ему митру епископа Толедского и должность великого инквизитора. Однако дон Хуан-Хосе отказался от религиозных должностей, уверяя, что жизнь мирская влечет его к себе сильнее. Ко всему прочему, по гороскопу ему была суждена королевская корона, а посему для реализации сего пророчества он желает занимать либо военные, либо политические должности, дабы способствовать достижению этой цели.

Похоже, обстоятельства способствовали исполнению предсказания, ибо сначала скончалась королева Елизавета, а затем принц Астурийский. Надо полагать, Хуану-Хосе уже мерещилась корона на голове, но роковая судьба предпочла другое решение. Выдержав положенные два года траура, что не составило для него особого труда при полном отсутствии воздержания, король без долгих размышлений женился на эрцгерцогине Марианне Австрийской, которая, напомним, была предназначена в жены его покойному сыну, дону Бальтазару-Карлосу. Королю стукнуло сорок четыре года, невесте –

пятнадцать, оба были потомками Хуаны Безумной, что и привело к гибели испанской ветви династии Габсбургов.

Новая королева, невзирая на свою молодость, знала себе цену и держалась по отношению к сомнительному пасынку весьма высокомерно. Король поручал своему сыну ответственные военные миссии в Неаполитанском королевстве, Барселоне и во Фландрии, для верности страхуя его действия включением в свиту опытных военных. Хуан-Хосе считал исход своих миссий цепью непрерывных триумфов и потребовал от отца титул и права испанского инфанта. Филипп IV постепенно стал терять вкус к похождениям на стороне, поскольку Марианна полностью подчинила его себе на королевском ложе. Монарх вынес требования Хуана-Хосе на рассмотрение совета министров, который полностью отверг их.

Тогда Хуан-Хосе решил жениться на сестре королевы Польши, но из этого ничего не вышло. Корона пока оставалась без наследника мужского пола, и незадачливому претенденту пришла в голову шальная мысль – но поддержанная астрологами: для спасения короны жениться на своей сводной сестре Маргарите, дочери Филиппа IV и Марианны Австрийской, белокурой крошке, изображенной на знаменитом полотне Веласкеса «Менины». Он даже привлек пример из мифологии, продемонстрировав отцу картинку с изображением Сатурна, наблюдающего за любовными играми своих детей, Юпитера и Юноны, причем Сатурн имел лик Филиппа, а боги – Хуана-Хосе и Маргариты.

Король настолько разгневался, что приказал сыну удалиться в свой замок Консуэгра и не пожелал более видеть его даже на смертном одре, невзирая на настоятельные требования бастарда. Тем временем Марианна все-таки родила сына, будущего Карла II, придурковатого рахитичного ребенка, который до четырехлетнего возраста не мог ходить без поддержки. Отец его скончался, регентом была назначена королева Марианна, всецело доверявшаяся неопытным фаворитам, все более разрушавшим ущербную экономику государства. Тем временем дон Хуан-Хосе провел военную кампанию в Португалии, закончившуюся сокрушительным поражением. Он вернулся в отечество, где народ, в неизбывной надежде на улучшение жизни с пришествием нового лица, встретил его с большим воодушевлением. Хуан-Хосе стал кем-то вроде премьер-министра, но пробыл в этом

качестве всего два года, скончавшись то ли от аппендицита, то ли от отравления. Предсказание гороскопа не сбылось.

Его похоронили в Эскуриале, в капелле, где погребен дон Хуан Австрийский. Но он не был удостоен столь великолепного надгробного изваяния, его память почтили сего лишь простой табличкой: «Хуан-Хосе – признанный сын Филиппа IV».

Дон Хуан-Хосе оставил после себя несколько побочных дочерей, которые постриглись в монахини. Наиболее известной из его любовниц была Анна-Мария, одна из дочерей знаменитого художника Хосе де Рибера.

Закат испанских Габсбургов

Во время своего пребывания фактически на вершине власти дон Хуан-Хосе провернул довольно важную операцию: при его посредничестве был заключен брак короля Карла II с племянницей великого французского короля Людовика XIV, принцессой Марией-Луизой^[11] (1662–1689). Красивая, прекрасно воспитанная в истинно французском и версальском духе дочь младшего брата короля, герцога Филиппа Орлеанского, была, собственно говоря, отдана в жертву явно дебильному человеку и его мамаше-тиранке. Хотя Карл натурально влюбился в эту ослепительную женщину и регулярно пытался исполнить свой супружеский долг, детей так и не появилось, в чем обвиняли Марию-Луизу. По Мадриду же со временем стала гулять нездоровая присказка: «В Мадриде суть три непорочные девы: статуя пресвятой девы Алмаденской, статуя пресвятой девы Аточской и королева, повелительница наша». Свекровь поедом ела свою невестку, что полностью отравляло Марии-Луизе жизнь при и без того унылом испанском дворе, где королева не имела права ни смеяться, ни плакать на публике. После 10 лет брака она умерла, по всеобщему мнению, отравленная по наущению своей свекрови.

Карл II сильно горевал после смерти любимой супруги, но ему вскоре нашли другую, Марианну Нойбургскую, из рода курфюрстов Пфальцских, женщины которого славились своей плодовитостью. Увы, и она не дала испанскому дому наследников, причем после смерти Карла оказалось, что король страдал атрофией одного яичка. Известно, что он никак не мог забыть Марию-Луизу, часто спускался в усыпальницу, приказывал открыть ее гроб и просил у ее останков совета по своим проблемам. Во всяком случае, Карл II завещал свой трон французской родне.

Как мы уже видели, испанская ветвь Гасбургов состояла в родстве как со своей австрийской ветвью, так и с французской династией Бурбонов. Людовик XIV объявил испанским королем своего внука, Филиппа, герцога Анжуйского. Новоиспеченному королю было 18 лет, его супруге, Марии-Луизе Савойской, всего 13. Впрочем, это не помешало им в ближайшее время стать родителями четырех сыновей.

Это сильно увеличило их популярность среди испанских подданных, которые почти полвека не слышали колокольного звона по случаю рождения наследника в королевской семье.

Австрияки немедленно выставили своего претендента, эрцгерцога Карла. Началась длительная, с 1702 по 1714 год, Война за испанское наследство, которую по масштабам XVIII века смело можно приравнять к мировой, ибо она протекала в обоих полушариях. По ее результатам династия Бурбонов сумела удержаться на испанском троне, при соблюдении единственного условия: она должна была отказаться от претензий на французскую корону. Но это случится уже в восемнадцатом веке, а мы еще не закончили повествование о Габсбургах конца шестнадцатого-начала семнадцатого века.

И меценат, и алхимик, и астролог, и юбочник...

Надо сказать, что Габсбурги этого периода не были особенно замечены в нарушении нравственных норм. Тем не менее, без оных не обошлось в жизни императора Священной Римской империи Рудольфа II (1552–1612), человека весьма оригинального, а на взгляд простого обывателя, прямо скажем, не без странностей.

Возможно, на формирование его характера оказало влияние воспитание при испанском дворе, где он провел 8 лет своей юности, с 11 до 19 лет. Вряд ли кто-то задумывался над тем, что император как по отцу, так и по матери был правнуком печально известной Хуаны Безумной. Рудольф II явно предпочитал затворнический образ жизни, не любил путешествовать и заниматься государственными делами, но страстно увлекался алхимией и астрологией, процветавшими псевдонауками той эпохи. Жгучий интерес к ним носил поистине повальный характер среди людей. Император являл собой щедрого мецената и коллекционера редкостей самого разного рода. Он проявлял довольно прохладное отношение к католической религии, но был терпим к протестантизму и весьма лоялен к иудейской вере. Со временем Рудольф II стал сильно увлекаться оккультизмом.

Будто бы убоившись незначительного землетрясения в Вене, он в 1582 году перенес столицу империи в Прагу, поселился в замке на Градчине и превратил этот главный город Богемии в светоч западной цивилизации. Компания при дворе собралась самая пестрая, от истинных ярких ученых до откровенных шарлатанов. Император поддерживал выдающегося астронома, математика, механика, оптика, немца Иоганнеса Кеплера (1571–1630). Этот ученый, открывший законы движения планет, был также и видным теологом, искавшим тайную гармонию вселенной. Как протестанта, его изгнали из католического Граца за проявление еретических наклонностей, лишили должностей математика земли Штирия^[12], а также профессора математики и астрономии в монастырской школе. Для обеспечения заработка ему пришлось подрабатывать составлением гороскопов. В этих стесненных обстоятельствах ученому пришел на помощь

датчанин Тихо Браге, в ту пору придворный математик Рудольфа, пригласивший его себе в помощники.

Тихо Браге (1546–1601), астроном, астролог и алхимик, принадлежал к весьма знатной и богатой семье и поначалу был в фаворе у датского короля Фредерика II, который даже оказал ему содействие в оборудовании обсерватории на острове Вен. Но после смерти короля его преемник Кристиан IV не проявил заинтересованности в исследованиях ученого, да к тому же еще и поверил сплетням, будто Тихо был любовником его матери, вдовствующей королевы. Таким образом, Браге был вынужден покинуть родину и переехать в Прагу.

При дворе он пользовался большой популярностью не только из-за своих способностей астролога и алхимика, но и вследствие любопытной особенности его внешности. В молодости по пьяной лавочке Браге вызвал на дуэль троюродного брата из-за спора, кто же является лучшим математиком. В сумраке у Тихо была перебита переносица, и до самой смерти он носил протез, который старательно прикреплял каким-то специальным клеем. По слухам, протез был изготовлен из золота и серебра, но впоследствии исследования захоронения ученого выявили, что материалом была обыкновенная латунь. Невзирая на то, что Браге отнюдь не отказывался от радостей жизни, трудился астроном не покладая рук и оставил после себя каталог, включавший тысячу звезд.

Личности англичан Эдуарда Келли (1555–1597) и Джона Ди (1527–1629), также пользовавшихся покровительством императора, выглядят весьма противоречиво. Джон Ди увлекался астрономией, астрологией, алхимией, математикой и географией. Он составлял гороскопы для английских королей Марии Тюдор и Елизаветы I, пропагандировал основание английских колоний в Новом Свете^[13], но в Англии ему устроили весьма неуютную жизнь, подозревая его в нетвердости религиозных принципов. Это вынудило его уехать на континент, где Ди встретился с изгнанником Эдуардом Келли, медиумом, мистиком и алхимиком. Существуют, однако, весомые подозрения, что Ди был шпионом весьма мощной секретной службы королевы Елизаветы.

Молодость Келли окутана тайной: он был то ли помощником аптекаря, то ли нотариуса, но попался на подделке документов, и палач отрезал ему оба уха, вполне рядовое наказание в Англии того времени.

Этот позорный факт Келли усиленно скрывал. Ему удалось потрясти Ди своими способностями, и оба беглеца нашли прибежище при дворе Рудольфа II, где совместно занимались вызовом духов и ангелов в хрустальном шаре. В Праге Келли также занимался поисками философского камня и имел неосторожность уверять императора, что владеет секретом превращения некоторых металлов в золото. Все это стоило ему заключения в одном из замков, из которого Рудольф II не желал выпускать проходимца, пока не получит доказательств его сверхъестественного дара. Для Келли вся эта история кончилась очень печально: он был убит то ли при попытке к бегству, то ли из-за неспособности подтвердить свои чудодейственные качества.

Можно представить себе, в каком искусственном мире жил император, менее всего уделявший внимание государственным делам. При замке был сад с редкими заморскими растениями, по огромным помещениям дворца бродили тигр и лев. Неизвестно, насколько хищники подчинялись своему хозяину, но по бухгалтерским книгам видно, что дворцовому ведомству приходилось время от времени выплачивать либо вспомоществования на лечение увечий пострадавшим, либо отступные родственникам растерзанных этими хищниками людей. Император был страстным коллекционером, собирая буквально все, от курьезов природы, до либо выдающихся, либо редких творений человеческих рук. Он не только скупал полотна да Винчи, Рафаэля, Тициана и Брейгеля, не вылезая из долгов у богатейшего банкирского дома Фуггеров, но и привлек к своему двору лучших художников того времени, Бартоломеуса Шпрангера, Джузеппе Арчимбольдо, Софонисбу Ангуиссолу и нескольких других, иногда по несколько часов просиживая перед их холстами. Похоже, необходимо сказать хоть несколько слов о каждом из них, ибо в тени гигантов Возрождения эти несомненно выдающиеся живописцы для российского читателя остаются неизвестными.

Бартоломеус Шпрангер (1546–1611) являлся в свое время наиболее уважаемым авторитетом в области живописи. Он был фламандцем, с раннего возраста выказывал яркое дарование, после учебы на родине совершенствовался сначала во Франции, а затем в Италии, где и работал долгое время в сотрудничестве с известными итальянскими мастерами. Он дорос до придворного художника папы Пия V, после смерти которого был приглашен к венскому двору, где служил

последовательно императору Фердинанду I, его сыну Максимилиану II и внуку Рудольфу II. В творчестве Шпрангера четко прослеживаются две тенденции: произведения на религиозные темы с сильным влиянием маньеристов и картины, навеянные историями мифических персонажей, пронизанные ярко выраженными эротическими мотивами. Цветущие герои, боги, богини и нимфы занимаются любовью, молоденькие наяды и дриады без предрассудков и сопротивления совокупляются с мощными стариками. Считается, что именно Шпрангер познакомил Северную Европу с маньеризмом, и он же заложил основы барочных тенденций в ее живописи как предшественник Рубенса. Рудольф II чрезвычайно ценил этого мастера кисти и возвел его вместе с потомством в дворянское достоинство.

Уникальным было дарование Джузеппе Арчимбольди (1526–1593), сына художника из Милана. В молодости он вместе с отцом работал над витражами, фресками и гобеленами для соборов, но в возрасте 26 лет перебрался в Вену и сделал себе имя при в окружении Габсбургов, завоевав положение придворного художника. Проработав при деде и отце Рудольфа II, он в конце концов также очутился в Праге. Там Арчимбольди занимался оформлением различных празднеств и турниров, создавая сложные символические украшения и режиссируя представления, прославляющие императорскую власть, несущую гармонию и процветание подданным. Одновременно художник писал портреты, аллегорические композиции из цветов, фруктов, овощей, животных, птиц, книг, документов и даже пушек и пистолетов. Причем эти элементы не были плодом его фантазии или неким обобщенным образом родственных предметов – ботаники точно называли вид любого цветка или плода с портрета Арчимбольдо.

У него были созданы целые серии, такие как «Времена года» и «Четыре стихии мироздания»^[14]. Он воспевал не только могущество династии Габсбургов, но и единение человека с природой, с растительным и животным миром. Рудольфа II приводил в особый восторг собственный портрет в виде бога плодородия Вертумна. Он не ограничился возведением художника в дворянское достоинство, но и даровал ему титул пфальцграфа, чего был удостоен ранее лишь великий Тициан. Сохранилось всего около двух десятков портретов кисти Арчимбольди, разбросанных по музеям всего мира. На четыре века он был забыт, но неожиданно в двадцатом веке художника вернул

из небытия идеолог сюрреализма Андре Бретон. Теперь итальянца обоснованно считают предтечей сюрреалистов и многих других течений в современной живописи.

Уникальна судьба художницы Софонисбы Ангуиссола (1530–1625), одной из немногих женщин-художниц – которых вообще-то в те времена было немало, – чье имя не растворилось во тьме истории. Она родилась в обедневшей дворянской семье. Ее отец, Амилькар Ангуиссола, рано распознал одаренность своих шести дочерей и сына Аздрубале (который был более склонен к занятиям музыкой) и приложил все усилия к тому, чтобы дать им хорошее образование. Забегая вперед, скажем, что пятеро дочерей стали художницами, и перед искусствоведами порой возникают сложные задачи по точному атрибутированию холстов кисти каждой из сестер. Талант подростка Софонисбы заметил великий Микеланджело, впоследствии не выпускавший из своего поля зрения ее становление как профессионального мастера.

Бесприданница была вынуждена зарабатывать на жизнь написанием портретов и достигла на этом поприще такого совершенства, что была приглашена ко двору испанского короля Филиппа II. Ее искусство настолько восхитило монарха, что он пожелал подыскать ей благородного мужа из сицилийских дворян, Фабрицио де Монкада (Софонисбе исполнилось уже 39 лет), и обеспечил хорошим приданым. Новобрачная отправилась на Сицилию, в Палермо, через 8 лет ее супруг скончался, и вдова морем отбыла в направлении родной Кремоны. На судне в нее страстно влюбился капитан Орацио Ломеллини, одноглазый мужественный великан^[15] несколько моложе нее. Они вступили в брак, в котором счастливо прожили до смерти Софонисбы, скончавшейся в весьма преклонных летах. На закате жизни с ней повстречался выдающийся фламандский портретист Антонис ван Дейк, приехавший в Италию совершенствоваться в живописи. Впоследствии он вспоминал, что «несколько уроков у этой престарелой художницы научили его большему о живописи, чем годы в мастерских наставников». К сожалению, хотя Софонисба до самой кончины сохраняла здравый ум и чрезвычайную живость, ее последние годы были омрачены прогрессирующей слепотой.

Редкий случай, но император остался холостяком. Еще в шестнадцатилетнем возрасте во время пребывания при испанском

дворе он был помолвлен с двухлетней испанской инфантой Изабеллой-Кларой, старшей дочерью Филиппа I. После пятнадцатилетнего увиливания жениха от свершения решительного шага в сторону алтаря принцессу выдали замуж за младшего брата Рудольфа II, эрцгерцога Альбрехта, с которым она впоследствии совместно управляла Испанскими Нидерландами. Император имел множество связей с женщинами, которые привели к возникновению легенды о том, что ему каждый день доставляли в замок девственницу. Наиболее дотошные историки эту легенду опровергают, подсчитав, что в таком случае жертвами страстей Рудольфа стали бы 11 тысяч девушек, да и сам он вряд ли бы вынес такую нагрузку. Были у него и побочные дети, например, донья Элизабет, мать которой неизвестна. На самом деле ее звали Анна-Доротея (1580–1624), против воли отца девушка приняла постриг в Королевском монастыре в Вене.

Невзирая на действительно многочисленные побочные связи, о которых известны лишь имена дам, такие как Юфимия фон Розенталь и Лючия фон Нойхаус, одной из пассий императора удалось продержаться при нем почти полтора десятка лет. Она вошла в историю под именем Катарина Страда (1579–1629); к сожалению, ее портреты не сохранились. Тем не менее, дотошные историки раскопали некоторые любопытные подробности ее биографии. Она была внучкой Якопо Страды (1507–1588), дочерью Оттавио Страды-старшего (1550–1610) и сестрой художника Оттавио Страды-младшего. Все они являли собой личности весьма незурядные. Начнем с Якопо Страды.

Он родился в Мантуе, тем не менее, существует подозрение, что его семья, возможно, была нидерландского происхождения, с исходной фамилией либо де Стрет, либо ван дер Стрет. Подобно многим индивидуумам эпохи Возрождения судьба наделила его разносторонними талантами: он был зодчим, изобретателем, художником, антикваром, знатоком монет, писателем, издателем и коллекционером предметов искусства, создавал эскизы для золотых дел мастеров. Якопо Страда сменил много городов в разных странах, и во время пребывания в Нюрнберге, Лионе, Риме и Вене имел возможность общаться с изрядным числом замечательных людей той эпохи.

В 1556 году этот мастер на все руки поступил на службу к императору Максимилиану II, с которой ушел в отставку в 1579 году и поселился в Вене. Историки уверены, что именно Якопо Страда занимался строительством летнего замка императора. В 1574 году Максимилиан II возвел всю его семью в дворянское достоинство. Впоследствии он служил агентом по подбору произведений искусства для мюнхенского герцога Альбрехта V и богатейшего банкирского дома Фуггеров. В 1583 года Якопо поселился в Моравии в замке Буцковиц, на оформление которого оказал значительное влияние. Он был женат на баронессе Оттилии Шенк фон Россберг, которая родила ему нескольких детей в дополнение к многочисленным побочным отпрыскам.

Оттавио Страда, гражданин Рима, имел репутацию нелюбимого сына Якопо, который прилюдно обвинял его в растрате семейных денег, воровстве, убийстве и беспредельном блуде. Отец и сын примирились лишь незадолго до смерти Якопо. Оттавио пошел по стопам отца и служил при дворе Рудольфа II в качестве антиквара и устроителя празднеств. По-видимому, он получил неплохое образование, ибо обладал обширными познаниями, сочиняя для императора эмблемы и изречения на латыни, руководя составлением коллекций, консультируя деятелей искусства по вопросам мифологии и археологии. В Праге Оттавио женился на вдове доктора Адама Люксенбурга Барбаре. Страда-сын был очень близок к императору и заработал весьма существенное состояние. Рудольф II относился к нему очень благосклонно и значительно облагородил герб, унаследованный им от отца. Историки подозревают, что, пользуясь своим служебным положением, Оттавио умышленно подсунул императору свою красавицу-дочь.

Катарина на самом деле звалась Анна-Мария и была внебрачной дочерью Оттавио и Марианны Хофмайстер. Отец по какой-то причине был очень привязан к этой девочке и узаконил ее. К внебрачным детям в те времена относились весьма сурово, но Оттавио пошел простейшим путем: девочку выдали и окрестили как дочь ее бабушки, баронессы Оттилии Шенк фон Россберг. Это обеспечило ей официальное положение «урожденной Страды фон Россберг, гражданки Рима». По воспоминаниям современников, она была очаровательной блондинкой с тонкими чертами лица, ослепительно

белой кожей и синими глазами. Катарина получила хорошее образование в Вене, быстро усвоила повадки тактичной и обаятельной светской дамы. Император пожаловал ей титул графини, она жила в собственном особняке на Градчине, к которому, по легенде, вел подземный ход из королевского замка. Она родила шестерых детей, трех сыновей и трех дочерей. Долголетняя привязанность Рудольфа к Катарине, длившаяся по меньшей мере тринадцать лет, привела окружение императора к выводу, что эта женщина околдовала его.

Вряд ли Катарина опутала его какими-то сверхъестественными чарами. Скорее всего, общение с Эдвардом Келли и Джоном Ди и твердая вера в астрологию привели к тому, что уже в 1600 году император, постепенно переставший различать границу между реальной жизнью и потусторонней, совершил первую попытку самоубийства. Его удалось спасти, но душевное состояние монарха становилось все хуже и хуже. Он совершенно пренебрегал ведением войны с турками, так что его братья-эрцгерцоги во главе с Маттиасом составили заговор и заставили Рудольфа в 1608 году отречься в пользу Маттиаса от управления Австрией, Венгрией и Моравией, а в 1611 году – Богемией.

Дальнейшая судьба Катарины Страда сложилась по типичному образу и подобию многих королевских фавориток: ее выдали замуж за камердинера и гардеробмейстера Рудольфа Кристофера Ранфта. Она родила еще нескольких детей, причем отчим проявлял заботу также и о своих пасынках и падчерицах. Катарина умерла в возрасте 50 лет в Праге и была похоронена в семейном склепе Ранфтов. Судьба ее старшего сына, дона Юлиуса-Цезаря (1585–1609), стала ярким свидетельством душевного нездоровья, которое дремало в генах династии Габсбургов.

Он был любимым сыном Рудольфа II, но чуть ли не с пеленок проявил себя трудновоспитуемым отроком. Еще ребенком он до крови кусал руки нянек, далее ни одна воспитательница не смогла продержаться при нем более пары недель, поскольку Юлиус-Цезарь общался с ними исключительно посредством пинков. Его любимым занятием было натравливать друг на друга собак, с наслаждением наблюдая, как они рвут друг друга в клочья или загрызают до смерти. Он вел весьма беспутный образ жизни, а когда его отправили для исправления в монастырь Гаминг, сбежал оттуда. Отец выделил ему

для проживания имение, городок Крумау с замком (ныне Чешский Крумлов). Сынок вел там разгульный образ жизни, не поддававшийся никакому описанию. Когда ему исполнился 21 год, произошла уже совсем чудовищная по жестокости история.

На свою беду его внимание привлекла пригожая девушка Маркета Пихлерова, дочь местного цирюльника. Родителей не очень порадовал такой фавор, но они получили щедрые подарки (речь будто бы шла о 315 литрах вина, 30 карпах и откормленной свинье) и дали свое согласие на эту связь. Девушка регулярно навещала замок, но в один ужасный день пала от руки высокородного возлюбленного. Он приказал ей надеть его халат, подбитый мехами, и лечь на ложе. Никому не ведомо, что за дьяволы овладели его умом, но припадок Юлиуса длился три часа, в течение которых он превратил тело девицы в груды растерзанных останков. У Маркеты были отрезаны уши, выколот глаз, выбитые вместе с деснами зубы засунуты в рот, череп расколот так, что мозг вытек, и из головы торчал обломок кинжала. Вокруг ложа валялись куски отрезанной плоти. Юлиус-Цезарь вызвал прислугу и приказал завернуть тело жертвы в простыню. Перед этим он опустился на колени, погрузил пальцы в кровавые раны и изобразил ни лице величайшую грусть. Далее убийца проследил, как слуги сложили останки в два гроба, забили гвоздями и отнесли к месту захоронения.

После этого события он неуклонно погружался в бездну безумия. Юлиуса заключили под арест. Он вывинтил и сломал ножки от ложа, оставил себе только два оловянных блюда и складывал на них несъеденные зачерствевшие булочки, которые никак не желал отдавать назад, а разбрасывал по полу. Узник разбил стекла, так что отапливать спальню было делом бесполезным, бился о железные оконные решетки, временами скакал и свистел от безумной радости, перестал умываться, порвал свое нательное и постельное белье, разбросал по комнате пух от перины. В помещении царили ужасная грязь и вонь. Помешанный метался по комнате полураздетым, спал, завернувшись в турецкий ковер. Иногда Юлиус приходил в себя и дивился своему состоянию, но очень быстро безумие вновь овладевало им. 25 июня 1609 года он умер, то ли подавившись своими рвотными массами, то ли от лопнувшего нарыва в глотке. Разумеется, эта смерть вызвала толки об отравлении. Поскольку со стороны матери никаких

душевнобольных известно не было, это помешательство отнесли за счет отягощенного наследия по линии отца. Неизвестно также, известили ли его об этой смерти.

Надо сказать, что Рудольф со временем совершенно отстранился от реальной жизни, целыми днями любуясь своими коллекциями и картинами, пристально наблюдая за работой искусных ювелиров. Примечательно, что именно по его приказу был изготовлен венец, который с 1804 года стал короной Австрийской империи. Разжалованный император скончался, оставив после себя огромные долги. У наследовавших ему братьев детей не было, и эта ветвь династии Габсбургов также пресеклась.

Рудольф не счел нужным упомянуть в завещании остальных побочных детей. Таким образом, сыновья дон Маттиас (1594–1626) и дон Карл (1603–1628), избравшие военную карьеру, целиком зависели от милостей своих габсбургских родственников. Оба вели весьма расточительный образ жизни и умерли опутанные долгами, причем Карл погиб в пьяной потасовке.

Дочь, донью Каролину (1591–1662), отец в 1607 году выдал замуж за графа Франца-Томаса де Гранвелля, принадлежавшего к семье крупных чиновников и дипломатов, возвысившихся на службе Габсбургам. Таким образом Рудольф II намеревался прибрать к рукам художественные коллекции очень высокого качества семьи де Гранвелль, собранные ими в Безансоне. Две ее сестры, донья Доротея и донья Эльжбета, постриглись в монахини в Мадриде.

Итак, к началу XVIII века сохранилась только австрийская ветвь династии Габсбургов. Однако многочисленные браки между близкими родственниками привели к тому, что в 1711 году на престол в Вене возшел Карл VI, оказавшийся последним мужчиной в роде. Он наследовал своему брату Иозефу I (1678–1711). Этого нетипично привлекательного для Габсбургов молодца женили в возрасте 21 года, но он вместо соблюдения брачных обетов принялся вступать в многочисленные любовные связи. Одним из таких непродолжительных увлечений стала Марианна Пальфи, дочь венгерского палатина Яноша Пальфи, сумевшего вернуть бунтующую Венгрию в лоно Австрийской империи. Иозеф I скоропостижно скончался от оспы в возрасте всего 33 лет, и эта греховная любовь дорого обошлась Марианне, поскольку добродетельные и набожные

мать и жена покойного Вильгельмина-Амалия всячески унижали и преследовали ее.

У Вильгельмины-Амалии были для того более чем веские основания: неразборчивый в связях покойный супруг заразил ее венерической болезнью. От ее последствий бедная женщина стала бесплодной и после рождения двух дочерей и сына уже больше не имела возможности стать матерью. Сын скончался в возрасте одного года, поэтому после кончины Иозефа I корона перешла к его брату Карлу VI.

Карл родился в 1685 году, примечательном тем, что венские содержатели таверн и постоялых дворов получили разрешение «готовить турецкий напиток в виде кофе», каковое название вскоре было перенесено на те заведения, где кофе подавали, и стало одной из характерных черт австрийской жизни. Вообще-то первую кофейню в 1683 году во время второй турецкой осады открыл польский переводчик Георг-Франц Колшицки. Он имел возможность беспрепятственно передвигаться по османскому лагерю и наблюдать турок, наслаждавшихся черным напитком. Но когда Колшицки попытался получить в Вене разрешение на открытие кофейни, чиновники не могли понять, зачем это нужно, и потребовалось довольно длительное время на воплощение этой затеи в жизнь.

Войны с Османской империей длились с 1683 по 1699 год и протекали весьма тяжело, но турецкий кофе был не единственным приобретением австрийских императоров. Они приобрели часть Венгрии, Трансильвании, Хорватии и Славонии, местностей с совершенно разнородным населением, но Габсбургов это совершенно не смущало. Они сгребали к себе все, что попадалось им под руку, руководствуясь исключительно собственными интересами.

Молодость императора Карла VI была нелегкой: в возрасте 18 лет отец отправил его в самое горнило Войны за испанское наследство в качестве претендента на испанский трон в противовес французскому кандидату, внуку короля Людовика XIV. Из этого проекта ничего не вышло, но в качестве компенсации Австрия по Раштаттскому мирному договору сохранила Сардинию^[16], а также получила бывшие испанские владения в Италии – Неаполитанское королевство, часть Тосканы, герцогство Миланское и Испанские Нидерланды. Трудно сказать, насколько это удовлетворило болезненное самолюбие Карла

как несостоявшегося испанского короля, но не смогло заглушить боль от основной проблемы его жизни: он оставался последним представителем династии Габсбургов мужского пола.

Карл был женат на довольно привлекательной принцессе Элизабете-Кристине Брауншвейг-Вольфенбюттельской^[17], но с детьми дело как-то не клеилось. После рождения двух дочерей, Марии-Терезии и Марии-Анны, на свет появился долгожданный малютка Леопольд, но радость родителей продлилась всего полгода, после чего дитя скончалось. Чего только ни предпринимали отчаявшиеся родители! Карл потреблял невероятные количества красного тосканского вина, Элизабет пила какие-то подозрительные зелья, приведшие ее к алкоголизму, в течение каждой беременности наполняла свои покои статуями и картинами, изображавшими лиц исключительного мужского пола. Тщетно: супружеская пара так и осталась при двух дочерях, и закат своей жизни Карл VI потратил на то, чтобы обеспечить признание старшей дочери Марии-Терезии своей законной наследницей со стороны европейских держав.

Злоязычные современники и потомки обвиняли Карла VI как минимум в бисексуальности. Еще в Испании у него начался роман с каталонской графиней Марианной Пиньятели (1689–1755), которую он вывез затем в Австрию, выдав ее замуж за своего обершталмейстера, графа Иоханна-Михеля фон Альтхана (1679–1722), представителя древнего дворянского рода. Не сказать, чтобы должности фон Альтхана – обершталмейстер, камергер и тайный советник, – были особенно высокими, отчего необычайное влияние графа на Карла и его фавор можно было объяснить лишь нетрадиционными отношениями между ними. По всем политическим вопросам император в первую очередь руководствовался советами этого царедворца, выказывая ему чрезвычайное благоволение. Это подтверждается записями в дневнике Карла VI, где имя фон Альтхана появляется лишь предваренное такими эпитетами как «милый», «сердечно любимый» или «вечный друг до самой смерти». К тому же обершталмейстеру было дозволено жить в императорском дворце Хофбург.

Комментарии императора по поводу смерти Альтхана в возрасте всего 42 лет звучат особенно прочувствованно:

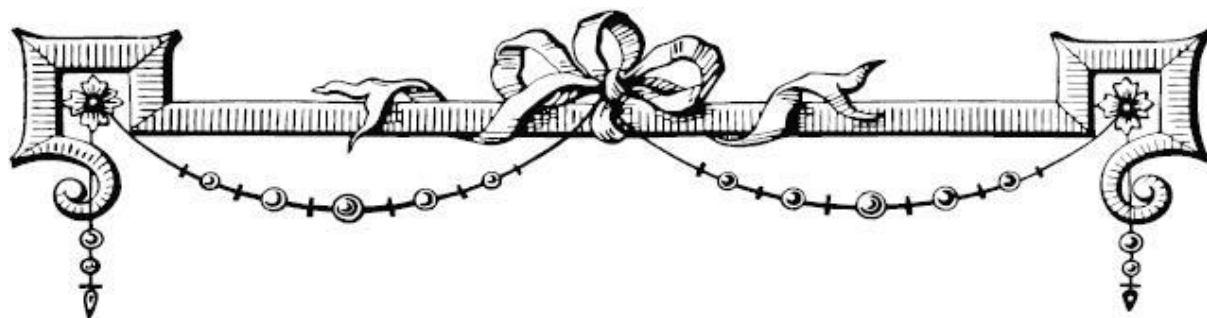
«16 марта 1722 года. Поднялся в полседьмого, церковная служба, я совсем заспанный. О Боже всемилостивейший, в 8 часов мое единственное сердце, мое утешение, мой преданнейший слуга, мой сердечный друг, который в течение 19 лет искренне любил меня так же, как и я его, был истинным другом, за эти 19 лет между нами ни разу не было разногласий, мой камергер, позднее обершталмейстер, мое все, мой любимейший Михель-Йоган граф Альтхан ушел в мир иной в течение четверти часа. Сердце наше разбито, он будет жить вечно в моем сердце и вечно в его детях и жене, я буду в вечном долгу перед ним, пока жив. Господь, успокой мое горе, ибо я потерял все утешение, да будет Господь милостив к его душе и утешит меня. Аминь».

Особую привязанность Карла к покойному подтверждает еще тот факт, что он принял на себя опеку над его шестью детьми. Вдова фон Альтхана продолжала пользоваться большим влиянием на монарха в области искусств, привлекая в Австрию итальянских художников, поэтов и музыкантов. Не без ее содействия было предпринято много усилий по украшению Вены творениями итальянских, а также выучившихся в Италии архитекторов.

Некоему дотошному историку удалось расшифровать закодированные записи в дневнике, которые, как оказалось, свидетельствовали о забавах уже немолодого императора с подростком – подручным егеря. Впрочем, эти похождения довольно удачно скрывались и не возбуждали особых толков. Карлу VI удалось добиться согласия европейских монархов на так называемую прагматическую санкцию, т. е. на наследование австрийской короны его дочерью Марией-Терезией. Он также выдал ее замуж – редкий случай для принцессы! – по любви за ее дальнего родственника, принца Франца-Стефана Лотарингского. Правда, тому пришлось отказаться от прав на герцогство Лотарингское, которое вошло в состав Франции, но в качестве компенсации ему отдали Великое герцогство Тосканское со столицей Флоренцией, где умер бездетным последний из знаменитейшего рода Медичи герцог Джан-Гастоне. Так Габсбурги стали Габсбургами-Лотарингскими, а правление императрицы Марии-Терезии ознаменовало существенный поворот в истории династии Габсбургов.

Глава 2

Хранители земель

И мать отечества, и мать-героиня

Правление императрицы Марии-Терезии (1717–1780) стало знаменательной вехой в истории династии Габсбургов. Оставшись единственной наследницей крупного государства с весьма неоднородным населением, молодая правительница с первых же дней своего царствования столкнулась с враждебностью соседей, пытавших оспорить ее власть. Непорядочность и коварство суверенов сопредельных держав развязали длительную кровавую Войну за австрийское наследство (1740–1748). Не будем вдаваться в политические заслуги императрицы, целиком посвятившей себя государственным делам на благо своих подданных. Но, как это ни странно, Мария-Терезия смогла сочетать полнокровную деятельность главы своей страны с завидной судьбой любящей жены и многодетной матери 11 дочерей и 5 сыновей.

В 1736 году молоденькая принцесса вышла замуж – редкий случай для монаршей дочки! – по любви за Франсуа-Этьена, сына герцога Лотарингского (1708–1765). Дом герцогов Лотарингских был связан прочными родственными узами как с австрийской династией Габсбургов, так и с французской Бурбонов. Принц с пятнадцати лет воспитывался при венском дворе, где превратился во Франца-Стефана и стал объектом сердечной привязанности юной дочери Карла VI. В результате состоявшегося брака династия приняла двойную фамилию Габсбург-Лотарингская. Независимое герцогство Лотарингия было присоединено к Франции, а Австрия взамен получила в свое владение герцогство Тосканское, где скончался, не оставив после себя потомства, последний из прославленного рода Медичи.

Мария-Терезия не представляла себе иного варианта существования правящей монаршей четы, кроме как сплоченная супружеская жизнь с общей спальней и многочисленной семьей. Ее любимой присказкой стало изречение:

– Детей никогда не бывает много!

В одном из источников мне попало сообщение, будто бы в швейцарском кантоне Аарау, откуда взяла свое начало династия Габсбургов, вступающие в брак пары до сих пор изъявляют желание сочетаться семейными узами под портретом Марии-Терезии. По

местному поверью, это приносит счастье в супружеской жизни. Видимо, подобная примета многократно выдержала суровое испытание временем и потому имеет полное право на существование.

Хотя Франц-Стефан официально именовался соправителем Марии-Терезии, и супруга, так сказать, «пробила» ему выборный титул императора Священной Римской империи (тут вековечное правило обойти не удалось, выборщики, князья-курфюрсты, стали намертво и надеть эту весьма эфемерную корону на женскую головку не пожелали), к делам правления страной его не допускали. Он не страдал тщеславием, мало интересовался политикой и активно занялся экономикой, по большей части на благо своего постоянно растущего семейства. В частности, император купил у разорившихся собственников несколько имений в Нижней Австрии, Венгрии, Моравии и завел в них образцовые хозяйства согласно последним достижениям агрономии и животноводства. Недаром Франц-Стефан интересовался естественными науками и призвал в Вену нескольких видных ученых.

Правда, злые языки уверяли, что он навещал свои поместья не только с целью осуществления хозяйственного надзора, но и для удовлетворения потребностей своего сексуального аппетита на лоне природы. Помимо продвижения сельского хозяйства, Франц-Стефан основал полотняную и керамическую мануфактуры, приносявшие очень недурной доход. В результате такой плодотворной деятельности он оставил своему сыну, императору Иосифу II, огромное состояние в размере 22 миллионов флоринов. Большую часть денег тот истратил на погашение государственных долгов, возникших в результате ведения войн, а остаток был использован для создания фонда поддержки существования сильно возросшего числа не правивших австрийских эрцгерцогов.

Соправитель императрицы являл собой обаятельного, обходительного и общительного мужчину, весьма привлекательного для женщин. В Вене ему был выделен так называемый «Императорский дом» с тайным ходом, где он принимал понравившихся ему дам. Невзирая на исключительную скрытность Франца-Стефана, ходили упорные слухи о его связях с супругами вице-канцлера графа Коллоредо, князя Пальфи и одной из фрейлин своей жены, не говоря уже о пышных венских красавицах более

скромного происхождения. Ему даже приписывали нескольких побочных детей. Недаром при дворе ходила шутливая присказка, сочиненная каким-то остряком: «Гляди в оба за своим Францем, Резерль^[18]! Он так и смотрит на сторону!»

Однако, невзирая на загруженность государственными делами и семейными проблемами, императрица зорко следила за мужем и, как только он начинал проявлять повышенное внимание к какой-то даме, тотчас же прилагала усилия к тому, чтобы насолить ей. С персонами низкого звания хозяйка Австрии вообще не церемонилась. Когда ей донесли о явном предпочтении, которое супруг оказывает балерине Анне-Марии Виолетти (1724–1822)^[19], императрица отправила к ней посланца с пожеланием, звучавшим внушительнее иного приказа, немедленно покинуть страну; в противном случае, подчеркнула она, ее ждет множество неприятностей. Анна-Мария, в миру носившая прозаическую немецкую фамилию Файгель и выступавшая на сцене вместе с братом Фердинандом, по мнению современников, была одной из самых красивых женщин Европы. Она осознала масштаб грозившей ей опасности и срочно убыла в Англию. Там Анна-Мария оставила сцену и обрела прочное семейное счастье, вступив в брак со знаменитым актером-трагиком Дэвидом Гарриком. Балерина скончалась уже в другом веке, немного не дотянув до столетнего возраста и пережив не только великую императрицу, но и всех ее детей.

Отстаивая ценности домашнего очага, образцом воплощения которых в жизнь Мария-Терезия считала свою семью, императрица положила много сил на борьбу с безнравственностью населения Вены. Надо сказать, что корни этого явления уходили поистине в глубь веков. Как известно, столица в середине первого века представляла собой военный лагерь римских легионеров. Уже тогда местные блудницы обслуживали суровых воинов в борделе, который, предположительно, располагался в районе нынешней Микаэлерплац. Затем эта традиция, пережившая многие столетия, возродилась в средние века в общественных венских банях и прекратилась только с их закрытием вследствие распространения сифилиса. Зато проституция всюду процветала на узких улочках и в проходных арках австрийской столицы. К началу правления Марии-Терезии в Вене насчитывалось около 10 000 «простонародных» проституток и 6 000 «благородных».

Мария-Терезия учредила так называемую «Комиссию по нравственности», которая предпринимала драконовские меры как против жриц любви, так и против их клиентов. Проституток ловили, обривали наголо, мазали голову смолой, пороли перед ближайшей церковью. Если уличная шлюха обокрала клиента или заразила его дурной болезнью, лиходейку выставляли у позорного столба на рыночной площади и затем высылали из города вместе с уголовными преступниками. Представителей же сильного пола полагалось наказывать за общение с проститутками, измену супруге, содомию и извращенные сексуальные наклонности. Правда, мужчины при деньгах по большей части были в состоянии откупиться, а страдали как раз бедные девушки. В Пратере^[20] намеренно проредили кусты, чтобы легче было вылавливать влюбленные парочки, занимавшиеся там любовью за отсутствием других жилищных условий. Наказанием пойманным за этим преступлением людям было принудительное заключение брака.

По Вене с ее значительным для того времени населением в 175 тысяч человек шныряли 500 агентов «Комиссии по нравственности» с заданием «задерживать каждую бабенку, идущую в одиночестве». Джакомо Казанова в своих воспоминаниях с содроганием вспоминал этих стражей нравственности: «Гнусные шпионы из «Комиссии по нравственности» были безжалостными преследователями всех красивых девиц; императрица обладала всяческими добродетелями, но не терпимостью, когда речь шла о недозволенной любви между мужчиной и женщиной. Из-за ханжества императрицы было исключительно трудно, в особенности для чужеземцев, доставить себе радости. Целый легион обычных шпииков под красивым названием «комиссары нравственности» превратились в безжалостных преследователей всех девиц». Забегая вперед, скажем, что побороть грех так и не удалось, «нимфы Грабена»^[21] оказались бессмертными и в самом деле загубили множество жизней, карьер и талантов.

Если с женщинами из простонародья можно было поступать безо всяких церемоний, то императрица пыталась облагородить и нравственный облик аристократии. Она усиленно боролась с вредной привычкой сиятельных дам приукрашивать себя, пытаясь буквально законодательным образом ограничить применение косметики и слишком дорогостоящей одежды, регламентируя длину шлейфов и

тому подобных мелочей. Когда вся Европа начала сходиться с ума по лаковым изделиям из Китая, Мария-Терезия обязала венских краснодеревщиков освоить производство их имитации. По ее мнению, платить бешеные деньги каким-то там китайцам за покрытые лаком деревяшки было в высшей степени безнравственно. Искусные столичные мебельщики успешно выполнили поставленную перед ними задачу, примером чего служат два лаковых кабинета в Шёнбрунне, выполненных в стиле столь модной тогда «шинуазери». Но если в регулировании разорительных привычек аристократии императрица могла похвастаться некоторыми успехами, то, к сожалению, подавлять сердечные склонности постоянно смотревшего на сторону Франца-Стефана могущественной императрице оказалось не под силу.

Слабости венценосных супругов

Ветреный супруг лет за десять до кончины завязал роман с дочерью своего бывшего наставника, графа фон Нейперга, Марией-Вильгельминой (1738–1775). Девушка славилась не только исключительной красотой, но и умом, подкрепленным прекрасным образованием. Примечательно, что ей к моменту начала романа было всего 19 лет, Францу-Стефану же перевалило за 48. Мария-Терезия немедленно озаботилась устройством судьбы девушки и выдала ее замуж за придворного камергера, пожилого вдового князя Ауэрсперга. Надо сказать, что со временем ревность императрицы несколько поутихла, и она более или менее смирилась с существованием соперницы. В 1759 году Франц-Стефан купил княгине загородный дом поблизости от его замка Лаксенбург и часто навещал там свою пассию. Любовники разделяли общую страсть к картам и утоляли ее, играя отнюдь не по маленькой. Так, Мария-Вильгельмина в один вечер спустила за карточным столом 12 тысяч дукатов. Естественно, она могла позволить себе подобные экстравагантные выходки исключительно при поддержке столь высокопоставленного и щедрого покровителя.

Никого не удивляло, что пожилой Франц-Стефан полностью, душой и телом, подпал под колдовские чары молодой красавицы. Вот что писал о Марии-Вильгельмине современник: «Ее красота была столь велика, что никто не осмеливался соревноваться с нею, ее любезность столь обворожительна, что никто не мог противостоять ей. Ее страсть к игре была неудержима, ее расточительность беспримерна. Единственно императорский любовник мог удовлетворить подобную ненасытность. Его высокое положение, проявленное им внимание, его подарки устранили первые препятствия, но ее непостоянство исключало возможность считать его единственным обладателем ее сердца. Тем не менее, он оставался постоянно привержен ей».

Когда императрица отсутствовала на представлениях в придворном театре, ее супруг появлялся в ложе княгини Ауэрсперг и занимал место за спиной дамы своего сердца, где его не могли видеть зрители. У входа стоял на страже охранник, предотвращая внезапные визиты докучливых посетителей. Но все эти предосторожности оказывались

тщетными. Франц-Стефан страдал от застарелого катара верхних дыхательных путей, и предательский натужный кашель, слышимый далеко за пределами ложи, сводил на нет эти предосторожности.

В конце концов Мария-Терезия была вынуждена смириться со столь разорительной привязанностью мужа. В 1756 году она родила своего последнего, шестнадцатого ребенка, принца Максимилиана, и, по-видимому, уже начала ощущать нелады со здоровьем. Известно, что низкорослая императрица в преклонном возрасте настолько располнела, что была вынуждена отказаться от любимой верховой езды, танцев и даже не могла подняться пешком по лестнице. Во дворце Шёнбрунн был установлен лифт, подъемный механизм которого приводили в действие дюжие лакеи. Ее горячо любимый муж внезапно скончался в Инсбруке в 1765 году во время празднеств по поводу женитьбы сына Леопольда, и, по легенде, императрица высказалась своей сопернице:

– Моя дорогая княгиня, мы обе действительно много потеряли.

Удрученная смертью любимого мужа Мария-Терезия не только не стала преследовать княгиню Ауэрсберг, но и выкупила у нее дом, подаренный Францем-Стефаном. Ее смирение было настолько велико, что императрица даже уплатила карточные долги Марии-Вильгельмины. Та после смерти царственного любовника удалилась от света и вела уединенный образ жизни, детей у нее не было. Она скончалась относительно нестарой женщиной в год рождения своего племянника Адама-Альберта фон Нейперга (1775–1829), любовника, а затем морганатического супруга Марии-Луизы, жены императора Франции Наполеона I. Видимо, Нейпергам на роду было написано связать свою судьбу с династией Габсбургов.

Да, императрица проявила великое смирение, но существует и предание, что она все-таки не смогла вынести постоянных измен мужа и чисто по-женски отплатила ему той же монетой. Правда, легенда эта покоится на весьма зыбком основании. Тем не менее, легенда упорно продолжает жить, будоража умы как историков, так и обывателей. Младшая дочь императрицы, небезызвестная эрцгерцогиня Мария-Антуанетта, по политическим соображениям была выдана замуж за наследника французского престола. У супружеской пары семь лет не было детей, каковой факт чрезвычайно волновал мать, ибо дело могло закончиться разводом и отсюда крушением важных планов

государственного масштаба. Сохранилась копия письма, которое Мария-Терезия будто бы написала своей дочери:

«Поскольку у вас теперь склонность к женищинам^[22], надобно ее удовлетворять, но вложить в сие постоянство, умеренность и сдержанность. [...] Ваш муж не может и никогда не сможет сделать вам детей, несомненно, сие несчастье велико: бесплодная королева, утратившая уважение, лишена опоры, но оное несчастье поправимо. Надобно поступить как я: взять un faiseur^[23]. Выберите, как я выбрала принца Карла^[24], высокого, красивого, молодого и прежде всего крепкого, подумайте о мужчинах двора, о наиболее близком к вам: это событие не может, с кем бы оно ни произошло, скомпрометировать его; сие будет большей поддержкой для вас, и от сего вы будете более счастливой, нежели была я...»

Действительно ли стойкая в своих нравственных убеждениях императрица повела себя как простая обывательница? Никто этого никогда не узнает, тут даже анализ ДНК бессилён.

После смерти мужа царственная мать сделала своего сына Иосифа II соправителем и устроила ему избрание императором Священной Римской империи. Правда, их совместное царствование не было лишено трений, ибо они исповедовали в корне различные взгляды на решение многих государственных проблем, но это уже относится к иной сфере, не подлежащей рассмотрению в этой книге.

Матримониальное невезение императора Иосифа II

Свои принципы святости и нерушимости семейного очага Мария-Терезия старалась привить собственным детям. Например, ее старший сын Иосиф был воспитан таким образом, что до свадьбы женщин не знал, и в брак в 1760 году вступил девственником. От такого добродетельного воспитания принц вырос чрезвычайно застенчивым и заработал среди женщин прозвище «Иосиф Египетский». Мать выбрала ему в жены принцессу Изабеллу Бурбон-Пармскую (1741–1763), внучку короля Франции Людовика XV, прекрасно и разносторонне воспитанную при пармском дворе своих родителей. Правда, следует отметить, что ледяные отношения между родителями, вступившими в брак исключительно по политическим соображениям, отложили отпечаток на ее характер, склонный к грусти и меланхолии. В Вене была отпразднована роскошнейшая свадьба, одной из целей которой было показать подданным устойчивость положения правящего семейства. Событие пришлось на время Семилетней войны, ситуация, сложившаяся для государства, была весьма шаткой, но все было устроено так, будто бы правящая семья была сильна как никогда. Иосиф по уши влюбился в прелестную принцессу, буквально молился на нее, но вместо ответного чувства натолкнулся на непробиваемую стену отчужденности и испытал жестокое разочарование.

Вопрос был для венского общества того времени весьма деликатным: Изабелла, подавленная великолепием и жестким церемониалом венского двора, на дух не переносила мужчин и немедленно безоглядно влюбилась в свою золовку, эрцгерцогиню Марию-Кристину (1742–1798), любимую дочь императрицы. Свидетельством тому служат две сотни писем Изабеллы Марии-Кристине, в которых она изливает снедающую ее любовь к своей ненаглядной Мими^[25], Лоретте, Лизетте, Эвридике, просто к «моему дорогому ангелу».

«Я собираюсь лечь в постель, но прежде обнимаю вас столь же крепко, как люблю вас» (Письмо 6).

«Я обращаюсь к вам как к самому обожжаемому из всех созданий и не только именуемому обожжаемым, но и считающемуся таковым согласно наиболее очевидным свидетельствам, дабы молить о ваших милостях. Пощадите из милости мое бедное сердце, любовь, этот жестокий бог, преследует меня, он пользуется именно вами, дабы отомстить мне за то, что я долго не считалась с ним» (Письмо 7).

«Я простираюсь у ваших ног, божество моего сердца» (Письмо 14).

«Я более не свободна думать ни о чем ином, кроме того, что я влюблена в тебя как безумная. Знала бы я почему? Ибо твоя жестокость так велика, что не должно любить тебя. Но от этого нельзя защититься, когда узнаешь тебя» (Письмо 46).

«Увы, дорогая Лоретта^[26], было ли сие там, где вы подготавливали меня к третьему дню нашего супружества, и можете ли вы спокойно узреть умирающим у ваших ног любовника, супруга, сестру, подругу, без малейшей лести самую искреннюю из всех тех, на кого вы можете оказать воздействие? Узнайте же сие от меня, говорю я, если вы не хотите узнать завтра при вашем пробуждении, что несчастный Зербен вследствие удара роковой судьбы более не существует, что он скончался, не сожалея о жизни, что он угас от отчаяния, причиненного вашей жестокостью, и что даже в аду, куда его низвергает сие отчаяние, он продолжит жить, дабы любить вас» (Письмо 55).

«Я умираю от любви и нежно обнимаю вас» (Письмо 123).

«Как только мои глаза открываются, дорогая сестра, как у меня возникает стремление написать вам» (Письмо 160).

«...будь то свято, будь то дьявольски, но я люблю и буду любить вас до могилы» (Письмо 160).

«Я вас люблю до обожания, и мое счастье заключается в том, чтобы любить вас и быть любимой вами, сие есть величайшее удовлетворение, каковое я могу иметь. Мое счастье зависит от вас, именно вы сотворяете его» (Письмо 189).

Принцессы вместе музицировали и занимались живописью, к которой выказывали большую склонность. Как далеко зашли их отношения? В то время любовь между женщинами часто считалась просто дружбой. Этих принцесс явно влекло друг к другу. Изабелле была постыла страсть влюбленного мужа, а Мария-Кристина только что пережила романтическое увлечение Людвигом-Евгением, третьим

сыном герцога Вюртембергского. Императрица Мария-Терезия сочла младшего отпрыска герцога безо всяческих перспектив наследования престола слишком неравной партией для своей дочери и положила конец этой влюбленности юной девушки. Письма самой Марии-Кристины не сохранились, ибо были сожжены Иосифом тотчас же после ранней смерти Изабеллы. Бедная страдальца была вынуждена выносить последствия любовной страсти мужа: за три года сначала родила дочь Марию-Терезию, затем перенесла два выкидыша, вновь забеременела, на шестом месяце заразилась оспой, вызвавшей преждевременные роды, и скончалась в страшных мучениях. Последними словами, услышанными мужем у изголовья умирающей, были следующие:

– Слава Богу! Все мое тело горит, ибо я грешила сим телом. Греховная рубаша Несса^[27], дорогой друг!

В скобках скажем, что дальнейшая судьба самой Марии-Кристины внешне сложилась довольно удачно. В брак она вступила, по понятиям того времени, довольно поздно, в 24 года. Дело в том, что отец, вышеупомянутый Франц-Стефан Лотарингский, хотел выдать ее замуж за своего племянника. Принцесса всячески сопротивлялась осуществлению этого замысла и прибегала к помощи матери, которая всеми возможными средствами тормозила претворение плана супруга в жизнь. Мария-Кристина тем временем проявляла благосклонность к влюбленному в нее принцу Альберту Саксонскому, который, к сожалению, ввиду бедности не мог рассчитывать на ее руку. Когда Франц-Стефан скоропостижно скончался, Мария-Терезия уступила настояниям принца и после соблюдения всех приличествующих сроков траура состоялось венчание. Как известно, сама Мария-Терезия, потрясенная смертью супруга, более не снимала черных вдовьих одежд, ее примеру длительное время следовали и придворные. На церемонии венчания жених блистал роскошным мундиром, а невеста – платьем из белого муслина, расшитого жемчугом, но все присутствующие были одеты в глубокий траур.

Императрица обеспечила дочь великолепным приданым, подарила зятю герцогство Тешен в Австрийской Силезии, а дочери – замок Лаксенбург, не забыв присовокупить значительную сумму денег. Все это лишь усугубило зависть прочих детей к герцогине Саксен-Тешенской. Впоследствии Мария-Кристина еще и была назначена

наместницей Австрийских Нидерландов, превратив Брюссель в крупный культурный центр. Как она, так и ее муж любили рисование, создав огромное собрание рисунков известных художников, сохранившееся и по сию пору и носящее название «Альбертина». Детей у нее после смерти дочери-первенца больше не было, и Мария-Кристина усыновила племянника Карла, сына брата Леопольда II, счастливого отца 16 отпрысков. Надо сказать, что герцог Альберт прочел письма Изабеллы своей золовке и будто бы не нашел в них ничего предосудительного.

Но от Марии-Кристины, обретшей наконец редкое для принцессы счастье в браке, вернемся к Иосифу II. Смерть любимой супруги повергла его в крайнее уныние. Он писал своему тестю:

«Я потерял все... мою обожаемую супругу, предмет всей моей нежности, нет более моей единственной подруги. Опечаленный и подавленный, я едва представляю, как должен жить далее. Что за ужасная разлука! Выживу ли я? Если да, то лишь для того, чтобы всю свою жизнь быть несчастным».

Императрицу особенности столь тонкой душевной конституции сына совершенно не трогали. Еще не успели похоронить останки прекрасной Изабеллы, как Мария-Терезия уже начала поиски новой супруги для сына, который, не забудем, был наследником престола и уже сам нуждался в отпрыске для обеспечения гарантии продолжения династии. Опечаленный Иосиф совершенно серьезно хотел жениться на сестре покойной, принцессе Луизе, но та уже была обещана в жены испанскому инфанту. Неуклюжие попытки вдовца расторгнуть ее помолвку чуть было не привели к дипломатическим осложнениям. Тщательно прошерстив списки испанских и португальских королевских дочек и отвергнув их, венские сваты совершенно серьезно предложили принцу на выбор двух кандидаток: Кунигунду Саксонскую и Иозефу-Марию Баварскую. Насколько прелестна была Изабелла Пармская, настолько безобразны как первая принцесса, так и вторая. Иосиф потребовал личного свидания с претендентками, дабы не получить кота в мешке. Саксонская принцесса вызвала у него самое натуральное содрогание, но и баварка оказалась не лучше. Он в отчаянии писал своему тестю в Парме:

«Ей двадцать шесть лет^[28]... То обстоятельство, что она еще не переболела оспой, у низкорослая и полная фигура, омерзительные зубы,

все сие отвращает меня от попытки вернуться в супружеское состояние, в котором я нашел как раз противоположное...»

Позднее Иосиф признавался:

«Я обладаю супругой, которую не в чем упрекнуть, и которая любит меня, хорошие качества каковой я ценю. Но, привыкши молиться на мою покойную супругу, я так страдаю по ней, что не люблю Иозефу. Сердечная склонность не позволяет мне через разумные соображения прийти к тому, чтобы ломать комедию, сие совершенно противно моему естеству».

Подобные душевные страдания сына императрицей в расчет не принимались. Она преследовала совершенно иные, чисто материальные цели, а именно наложить свою пухлую ручку на Баварию, ибо у правившего там курфюрста Максимилиана III не было наследников мужского пола. Поэтому Мария-Терезия, не мешкая, с привычной ловкостью провела все требуемые переговоры и быстро получила у папы Климентия XIII разрешение на этот брак, ибо, как это часто случалось у Габсбургов, жених и невеста приходились друг другу троюродными братом и сестрой. Иосиф даже пальцем не пошевелил для подготовки этого союза, всячески избегал возможности разделить ложе со своей супругой и даже приказал разгородить их общий балкон в замке Шёнбрунн, дабы не зреть ненавистную жену. Брак так и не был осуществлен фактически. Облегчение несчастному супругу поневоле принес грозный бич того времени, оспа, которая унесла с собой Марию-Иозефу через два года после свадьбы. Супруг даже не соизволил почтить своим присутствием ее похороны.

Однако же Иосиф не преминул воспользоваться соблазнительной сугубо материальной возможностью, которую ему обеспечил этот брак. После кончины курфюрста Максимилиана III он, не мудрствуя лукаво, предъявил претензии на земли Баварии, следствием чего стала Война за баварское наследство 1778–1779 годов с Пруссией. Правда, Иосифу II не удалось втянуть в эту затею своего зятя, французского короля Людовика XVI, так что масштабы данного конфликта оказались невелики, хотя народу все равно перебили немало. Война не задалась с самого начала из-за плохого снабжения обеих сторон. В народе ее прозаически называли «картофельной», поскольку все военные действия шли, собственно говоря, с целью добычи пропитания. Тем не менее, по

ее результатам Австрия приобрела существенный кусок земель площадью 2000 км² в Верхней Австрии с населением в 60 тысяч человек.

Но все это относится к списку исторических достижений Иосифа, а в интимной жизни счастье так больше и не улыбнулось ему. Он стал постоянным клиентом борделей, и в Вене до сих пор показывают надпись над воротами аркой в переулке Гутенберга, дом 13: «Через эту арку вылетел император Иосиф II». По преданию, монарх пострадал за свою прижимистость, не желая должным образом вознаградить услуги жрицы продажной любви. Правда, вынужденное обращение к таким низменным удовлетворениям своих потребностей не радовало монарха, чему служат свидетельством его признания брату Леопольду в письмах:

«Я попытался найти решение и обратился к доступным девицам. Но это решение влечет за собой столько телесных неприятностей, что вызывает у меня тошноту!»

Ко всему прочему, он подцепил венерическое заболевание, что еще больше усугубило его отрицательное отношение к торговле женским телом. Когда один из его министров предложил открыть в Вене узаконенные бордели, Иосиф безо всяких околичностей заявил ему:

– Натяните большой навес над Веной с пригородами – и вы безо всяких усилий получите привилегированный публичный дом.

Однако опыт, приобретенный в общении с этими легкомысленными созданиями, не пропал даром. Иосиф так и не стал связывать себя узами брака и переключился на светских дам. Особенно известна его связь женой графа фон Виндишгрец (1787–1777), красавицей и умницей Марией-Иосифой. Пикантной подробностью в этом отношении является то, что эта женщина пользовалась также симпатией младшего брата Иосифа, Леопольда.

В 1777 году Иосиф навестил свою сестру Марию-Антуанетту, королеву Франции. После семи лет супружества она так и не произвела на свет наследника, и брат лично приехал для оказания содействия в этом деликатном вопросе^[29]. Иосиф путешествовал под именем графа фон Фалькенштейна и использовал почти двухмесячное пребывание во Франции также для изучения самых различных сфер жизни этого самого крупного государства Европы. Тем не менее, он также посетил бывшую любовницу покойного короля Людовика XV,

графиню Дюбарри, проживавшую в изгнании в своем поместье Лувесьен.

Этот визит вызвал глубокое неудовольствие Марии-Антуанетты, считавшей бывшую куртизанку своей основной соперницей при дворе покойного свекра Людовика XV. Возмущалась и Мария-Терезия, в свое время наставлявшая дочь оказывать мадам Дюбарри всяческое уважение. Но теперь графиня лишилась своего положения официальной фаворитки короля и связанного с этим влияния. С точки зрения императрицы, ныне она перешла в категорию отставных падших женщин. Конечно, мадам Дюбарри, которой исполнилось к тому времени 34 года, уже значительно утратила свою прославленную красоту. Иосиф впоследствии поделился со своим близким другом:

– Я полагал, что лицом она более пригожа.

Но, тем не менее, император проявил себя галантным кавалером. Графиня показала ему свой знаменитый павильон для приема гостей, шедевр архитектора Клода-Николя Леду, изящную игрушку благородных пропорций. Потолок был расписан знаменитым художником Франсуа Буше на известную аллегорическую тему «Коронование богини Флоры» (тут уместно упомянуть, что мадам Дюбарри в молодости сравнивали именно с этой обительницей Олимпа). Помимо этого, хозяйка провела его по картинной галерее своего особняка, увешанной картинами Греза, Фрагонара, Верне и Друэ. Графиня держалась совершенно непринужденно, как и подобает женщине, проведеншей длительное время при дворе и будто бы не ведающей, что ее гость – император Священной Римской империи собственной персоной. Когда они далее осмотрели ухоженный парк с оранжереями и теплицей, в которых росли апельсиновые, гранатовые и лавровишневые деревья, ананасы, настало время возвратиться в особняк. Хозяйка и гость подошли к утопавшей в цветах террасе, Иосиф учтиво предложил графине опереться на его руку. Графиня запротестовала и была вынуждена нарушить инкогнито:

– Ваше величество, я недостойна такой чести.

Иосиф, который полностью игнорировал прелести версальских дам, люто возненавидевших его за то, что ни одной из них не удалось соблазнить брата королевы, не стал скупиться на комплименты:

– Не трудитесь протестовать, мадам, ибо красота всегда являет собой королеву.

Вознегодовавшая Мария-Терезия направила послу Австрии во Франции рассерженное письмо:

«Я бы предпочла, чтобы мой сын держался подальше от этой презренной женщины».

Цель визита брата королевы во Францию была достигнута: он выявил истинные причины отсутствия детей и провел соответствующую воспитательную работу как с зятем, так и с сестрой. Вскоре после отъезда брата Мария-Антуанетта забеременела и благополучно родила дочь. Угроза развода королевской четы была устранена. Иосиф, скончавшийся в 1790 году от чахотки, которую безуспешно лечил потреблением молока ослицы, оставил после себя лишь побочное потомство. Речь идет о сыне и дочери.

Начнем с дочери. Ее существование заявило о себе лишь в 1814 году, когда 22 ноября на аудиенцию к императору Францу II явился некий Венцель Веверка с супругой Анной-Марией. Следует заметить, что попасть на аудиенцию к императору рядовому подданному было сверхсложно и возможно только в том случае, если для этого имелось чрезвычайно солидное основание. Веверка заявил, что его супруга является внебрачной дочерью покойного императора Иосифа II. Неизвестно, какие доказательства привел этот мужчина и какие требования предъявил, но, надо полагать, они выглядели более чем убедительными. Император Франц II, который не был ни легковерным, ни подверженным старческому слабоумию человеком, раскошелился на 400 гульденов для погашения долгов супружеской четы и оплаты обратной дороги в Моравию. Помимо этого Веверке пожаловали хорошую должность. По-видимому, император знал об интимной жизни своего дяди несколько больше, нежели было известно широкой общественности.

Патриот отечества

Что касается якобы побочного сына Иосифа, то здесь речь идет о личности, оставившей заметный след в истории Австрии. Его звали Иосиф-Готтфрид Паргфридер (1787–1863). Его точное происхождение покрыто тайной, а утверждения о родстве с императором исходили в основном от него самого. Согласно этим легендам, он родился то ли в 1787, то ли, по другим данным, в 1775 году в Венгрии как внебрачный сын императора и некой красавицы-еврейки. Еще в детском возрасте Иосиф-Готтфрид обладал правом гражданства городов Буда и Пешт, что говорит о его прочных родственных связях с этими местами. Известно также, что у него было небольшое дело по торговле бакалеей в заштатном городишке Цнайм в Южной Моравии (ныне Зноймо в Чехии близ границы с Австрией).

Неизвестно точно, как это получилось, но с началом наполеоновских войн Паргфридер сумел ухватить благоприятную возможность получения права снабжения австрийской армии провиантом, обувью и тканями. Как водится в подобных случаях, он хорошо нажился на поставках и в 1832 году купил себе замок Ветцдорф в Нижней Австрии, причем щедро помогал жителям двух ближайших поселений, оплачивая содержание школ, врача и медикаменты. Паргфридер состоял в дружеских отношениях с австрийскими фельдмаршалами фон Вимпффеном и Радецким и регулярно оплачивал их крупные карточные долги. После битвы под Кустоцей, когда во время первой войны за независимость Италии была разбита армия Сардинского королевства, и подавления восстаний в Венгрии он решил в 1849 году создать при своем замке памятник славы австрийской армии Хельденберг^[30].

Собственно говоря, идея была не нова и даже украдена у баварского короля Людвига I, построившего к 1842 году близ Дуная Валгаллу, храм славы Германии с бюстами выдающихся немцев. В Хельденберге были установлены 169 скульптур и бюстов австрийских генералов, полководцев, солдат и государей от Рудольфа I до императора Франца-Иосифа I. Там же был построен склеп, в котором похоронили вышеупомянутых маршалов и самого Паргфридера. В 1858 году

Паргфридер преподнес Хельденберг в дар императору Францу-Иосифу. За это его возвели в рыцарское достоинство и наградили Рыцарским Крестом Ордена Франца-Иосифа. Паргфридер обговорил с фельдмаршалами условие, что они в своих завещаниях выразят последнюю волю быть похороненными на Хельденберге и уничтожил их долговые расписки, дабы его наследники не смогли предъявить их к взысканию долгов. Сам Паргфридер еще при жизни приказал сделать гравировку на своем захоронении, зашифровав ее для непосвященных лиц: K. I. S. I. P. F. V. F^[31]. Паргфридер не был женат, но имел внебрачных сына и дочь, владельцев собственных успешных предприятий. Им он и оставил свое немалое состояние. Впоследствии император подарил Хельденберг военному ведомству, а в наши дни этот мемориал является собственностью Австрийской республики.

Что за комиссия, создатель, быть взрослой дочери отцом...

Было бы крайне несправедливо обойти вниманием женскую часть потомства великой императрицы, тем более, что всего она произвела на свет одиннадцать дочерей. Часть из них скончалась еще в нежном возрасте, часть удалось пристроить замуж, причем не абы за кого. Двум, отнюдь не самым непривлекательным и бесталанным, Марии-Элизабет (1743–1808) и Марии-Анне (1738–1789), достойных женихов подыскать не смогли. После смерти матери Иосиф II заявил, что не нуждается в женском обществе при своем дворе, и обеспечил старым девам места глав престижных монастырей.

Из замужних сестер Иосифа II в истории более всего прославилась пресловутая Мария-Антуанетта (1755–1793), но тут будет уместно напомнить читателю, что в ту эпоху очень видную роль на европейской политической арене играла ее любимая старшая сестра Мария-Каролина^[32] (1752–1814). Именно она практически управляла королевством Неаполя и обеих Сицилий. Ее супруг Фердинанд IV Бурбон (1751–1825) выказал к этому полную неспособность, хотя и провел на троне на редкость длительный срок с 1759 по 1825 год. Надо сказать, что историческая оценка роли обеих сестер была поначалу весьма однобокой. Сторонники революционных идей считали этих королев наглядными примерами и причинами всех зол, постигших их монархии, контрреволюционеры же сделали из них страдалиц. Марию-Антуанетту со всем семейством возвели в сан мучеников, безвинных жертв кровожадных санкюлотов, Марию-Каролину – матери народа, на благо процветания которого она положила столько сил, но не нашла понимания по причине темноты того.

Мария-Каролина была неглупа, успешна в обучении и довольно строптива. Это качество проявилось у нее в полную меру во время переговоров по бракосочетанию с женихом, которого она никогда в глаза не видела. Конечно, ее сызмала готовили к подобной судьбе принцесс на выданье, но в данном случае история собственного замужества показалась ей особенно возмутительной. Как известно, Мария-Терезия заключала для своих детей политически выгодные

браки, причем подбирала партнеров чуть ли не с колыбели. Таким образом, эрцгерцогиня Иоганна-Габриэла (1750–1762) еще в детстве была помолвлена с наследником трона королевства Неаполя и обеих Сицилий. Но в возрасте 12 лет Господь прибрал к себе эту отроковицу, что совершенно не обескуражило ее царственную мать. Недра детских покоев императрицы казались поистине неистощимыми, и место упокоившейся невесты заняла ее младшая сестра Мария-Иозефа (1751–1767).

Похоже на то, что место невесты принца Фердинанда несло в себе некую роковую составляющую, ибо, когда принцесса вошла в брачный возраст, и переговоры о свадебных торжествах шли полным ходом, безжалостная эпидемия оспы унесла девушку в могилу. Но Мария-Терезия не привыкла отступать перед трудностями и, подобно фокуснику на рыночной площади в ярмарочный день, извлекавшему из пустой шляпы либо птичек, либо крольчат, не моргнув глазом выставила аж две новых кандидатуры, Марию-Амалию (1746–1804) и тринадцатую дочь Марию-Каролину. Неаполитанские сваты предпочли последнюю, ибо Мария-Амалия была на пять лет старше жениха, что со всех точек зрения выглядело не совсем пристойно. Сама принцесса сочла всю эту историю оскорбительной и всячески сопротивлялась замужеству с Фердинандом, уже коронованным на царство. Но мать даже не соизволила выслушать доводы неразумной девицы, и та в 1768 году, после венчания по доверенности в Вене, отбыла в Неаполь. Императрица Мария-Терезия не преминула снабдить ее ворохом полезных советов:

«Будь немкой в своем сердце и в правоте твоего ума; во всем том, что не имеет важности, но не в том, что суть дурное, вы, напротив, должны казаться неаполитанкой».

Перед отъездом невеста в сопровождении матери прошла неперенный ритуал для отъезжавшей в чужие земли принцессы: императрица отвела ее в усыпальницу Кайзергруфт, дабы она прониклась духом величия династии и вела себя как достойная ее представительница. Предусмотрительная мать подробнейшим образом ознакомила дочь с тем пунктом брачного контракта, в котором говорилось, что после рождения наследника мужского пола Марии-Каролине должно быть предоставлено место в Государственном совете со всеми сопутствующими правами.

Королева Неаполя и обеих Сицилий

Выбранный матерью суженый произвел на девушку самое отвратительное впечатление. Он был нескладен и некрасив^[33], совершенно неотесан, больше всего любил общество рыбаков и егерей, а также кабачки и игорные дома в квартале Санта-Лючия, месте проживания местного плебса. Недаром в народе его прозвали «королем лаццарони^[34]». Король также был весьма охоч до женского пола, причем предпочитал неисторченных светским воспитанием женщин из простонародья. Фердинанд настолько втянулся в жизнь низов общества, что ел спагетти руками, перенял простонародный диалект и не понимал изысканной итальянской речи молодой жены. Он совершенно не занимался государственными делами, переложив это тяжкое бремя на своего премьер-министра Бернардо Тануччи и целыми днями пропадал на охоте или рыбалке, а потом с наслаждением занимался приготовлением блюд из добытых трофеев.

Заносчивая и слишком манерная жена поначалу не понравилась Фердинанду, после первой брачной ночи он откровенно заявил друзьям:

– Дрыхнет как убитая и потеет как свинья.

Хитрая Мария-Каролина быстро убедила недалекого мужа в том, что безумно влюблена в него и больше всех развлечений на свете почитает охоту. После этого Фердинанд предоставил ей полную возможность заниматься чем душевнее угодно, лишь бы она не мешала ему вести прежний беззаботный образ жизни среди любезного ему простонародья. Молодая жена времени не теряла и потихоньку начала прибирать власть к своим рукам. Она вполне осознавала, что, будучи отпрыском древнего императорского дома и крестной дочерью французского короля Людовика XV и его супруги Марии Лещинской, имеет на то полное право.

Надо сказать, что, в отличие от мужа, Мария-Каролина произвела на своих придворных и подданных вполне благоприятное впечатление. Она была высока, стройна, в меру полна, недурна собой, обладала знаменитой белоснежной кожей Габсбургов (неоценимое достоинство женщины в XVIII веке), густыми светло-русыми волосами, ровными

белыми зубками, величественной осанкой и грациозной походкой. Это выгодно выделяло ее на фоне типичных дам неаполитанского двора, низкорослых, со следами вырождения на лице от частых кровосмесительных браков^[35], склонных к сильной полноте из-за чрезмерного употребления сладкой и крахмалистой пищи, с прямыми жиденькими темными волосами и кожей оливкового оттенка разной интенсивности.

В ее порыве как можно скорее заполучить власть королеве сначала пришлось испытать горечь поражения: первые два младенца, рожденные ею, оказались девочками. В скобках скажем, что всего в этом браке появилось на свет 18 детей, из которых выжило только семеро, причем Мария-Каролина проявила себя неплохой матерью. Правда, слухи, курсировавшие на счет королевы, давали основание усомниться в том, что отцом всех их являлся Фердинанд. Но наконец раздался крик новорожденного мальчика, и Мария-Каролина получила вожделенный доступ в Государственный совет. Она использовала новые возможности для того, чтобы постепенно выжить престарелого премьер-министра Тануччи и сменить ориентацию внешней политики королевства с происпанской на проавстрийскую, а впоследствии – на проанглийскую. Таким образом, королева вышла на уровень государственного деятеля международного масштаба, сумев создать вокруг себя круг лиц, разделявших и поддерживавших ее замыслы. К счастью или несчастью для королевы, это произошло в период, когда политическая жизнь в Европе буквально кипела, и править безмятежно, как того всем сердцем желал Фердинанд, было просто невозможно.

Поначалу Мария-Каролина выказала весьма либеральные устремления, покровительствуя вольнодумным и масонским запросам неаполитанских интеллектуалов. Ее придворным библиотекарем и близкой подругой стала Элеонора ди Фонсека Пиментель, поэтесса, воспевавшая гражданские свободы, одна из первых якобинцев Неаполитанского королевства. Королева также была активной меценаткой, способствовавшей развитию культуры во всех ее сферах. Ее поведение кардинально изменилось после революции во Франции, жертвой которой стала сестра Мария-Антуанетта. Под гравюрой с портретом казненной королевы Мария-Каролина написала: «Я буду мстить до самой смерти». Она возненавидела якобинцев смертельной

ненавистью, а французов называла не иначе, как «гнусным народом». После разгрома в Неаполитанском королевстве непродолжительно существовавшей Партенопейской республики королева потребовала осуществления самых кровавых репрессий. 124 деятеля республики были приговорены к смертной казни, 544 – к каторге, полтора десятка – к изгнанию. Мария-Каролина из личной мести настояла на повешении Элеоноры ди Фонсека, хотя такой вид казни считался позорным, и дворяне ей не подлежали. Следует упомянуть, что король Фердинанд отказался участвовать в работе Верховного суда, рассматривавшего дела республиканцев.

Мы не будем углубляться в перипетии истории Неаполитанского королевства, ибо она оказалась чрезвычайно бурной и изобиловавшей неожиданными резкими поворотами. Следуя политике великой матери, Мария-Каролина точно так же использовала своих детей для укрепления династических связей. Ее дочери стали императрицей Австрии, королевами Франции, Испании, Сардинской монархии и великой герцогиней Тосканской. Эти семейные узы принесли ей не только радости, но и огорчения, например, когда любимую внучку Марию-Луизу выдали замуж за Наполеона Бонапарту, лишившего Фердинанда неаполитанской короны.

– В довершение всех моих несчастий я еще должна стать бабкой дьявола! – негодовала она в бессильной злобе.

Полностью подавившей волю мужа Марии-Каролине приписывали множество любовников, причем зачастую трудно отличить правду от вымысла. Во время ее размежевания с якобинцами те запрудили Неаполь памфлетами и карикатурами на королеву, именуя ее не иначе как «новой Поппеей»^[36] и приписывая ей оргии на раскопках Геркуланума и Помпеи, которым она покровительствовала. Во второй половине XIX века имела широкое хождение книга публициста и активного деятеля движения за объединение Италии Джованни Ла Чечилия «Тайные истории Бурбонов королевства Неаполя и обеих Сицилий». Частью одной из глав являются «Признания Марии-Каролины на смертном одре». Большинство историков считают их натуральным плодом творческого воображения автора, но кое-какие приведенные прегрешения королевы подтверждаются свидетельствами современников. К числу любовников королевы относили Франческо д'Аквилينو, князя Караманико, посла королевства во Франции и вице-

короля Сицилии, пробудившего в королеве интерес к масонству, создателя и главнокомандующего королевским флотом, а затем премьер-министра, англичанина сэра Джона Актона.

Особо стоит упомянуть сильную привязанность Марии-Каролины к послу Российской империи, графу Андрею Кирилловичу Разумовскому, племяннику фаворита императрицы Елизаветы I, прекрасно образованному, блестящему дипломату. Он был также привлекательным мужчиной, чрезвычайно поднаторевшим в искусстве обольщения женщин. В частности, граф Андре, как его называли в петербургском высшем свете, прославился тем, что сумел соблазнить еще в бытность невестой первую жену Павла I, Наталью Алексеевну, урожденную принцессу Вильгельмину Гессен-Дармштадскую. Поскольку Наталья Алексеевна имела очень большие политические амбиции, эта преступная связь быстро приобрела крамольный оттенок антигосударственного заговора. Правда, пагубным планам не было суждено воплотиться в жизнь, поскольку великая княгиня вскоре скончалась в родах. Разумовский же угодил в опалу как у Екатерины II, так впоследствии и у ее сына Павла I, которому императрица без тени жалости предъявила любовную переписку его горячо обожаемой жены.

После непродолжительной ссылки в имении отца его отправили посланником в Неаполитанское королевство. С политической точки зрения в ту пору оно считалось всамделишной политической дырой, приличную карьеру в которой сделать было при всем желании невозможно. Примером тому может служить многолетняя деятельность там посла Великобритании, небезызвестного сэра Уильяма Гамильтона, вовсю занимавшегося научными исследованиями, параллельно же расхищением и контрабандным вывозом обнаруженных при раскопках предметов античного искусства. Но непредсказуемые повороты хода истории и политические интриги Марии-Каролины вывели королевство из разряда стран европейского захолустья на авансцену. Граф Разумовский действовал при Неаполитанском дворе весьма умело, сумел войти в доверие к монаршей чете, и, когда его перевели послом в Швецию, Мария-Каролина натуральным образом не хотела отпускать полюбившегося ей дипломата.

Известно, что придворные доброжелатели не раз открывали глаза королю на измены жены, и Фердинанд разражался гневом, грозя задушить или заколоть ее собственными руками. Однако Марии-Каролине всякий раз удавалось усмирить разбушевавшегося ревнивца, и семейный уклад монаршей четы возвращался в свою накатанную колею. В жизни королевы имел место чрезвычайно занимательный эпизод, который подтверждали многие современники. Она вместе с маркизой ди Сан-Мартино и герцогиней ди Сан-Клементе инкогнито неоднократно посещали публичный дом в переулке Сан-Камилло, дабы тайком подсмотреть, чем же обитательницы привлекают посетителей. Надо полагать, дамы пожелали применить приобретенный опыт на практике, ибо заключили пари, кто заработает больше денег у клиентов. Победительницей вышла королева, получившая 18 дукатов.

Весьма двусмысленно выглядела тесная дружба королевы с женой английского посла, прославившейся своей красотой и романом с национальным героем Великобритании адмиралом Горацио Нельсоном, леди Эммой Гамильтон (1765–1815). История жизни леди Гамильтон для ее времени – да и не только, – выглядела потрясающе^[37]. Дочь деревенского кузнеца из Уэльса, не получившая никакого образования, зарабатывавшая на жизнь позированием художникам и побывавшая на содержании у нескольких английских джентльменов, стала женой посла Великобритании в Неаполитанском королевстве, причем принимала активное участие в работе своего мужа. Престарелый дипломат озаботился образованием молодой жены, чему весьма способствовали ее природные таланты недурной певицы, танцовщицы и актрисы. Она прославилась своими «позами»: завернувшись в драпированные ткани наподобие греческой статуи, Эмма имитировала шедевры самых знаменитых скульпторов античности. Надо сказать, что в Неаполе, невзирая на огромное количество поклонников, буквально пресмыкавшихся перед нею, жена посла до 1798 года вела исключительно добродетельный образ жизни.

Леди Гамильтон ежедневно проводила в обществе королевы по два-три часа, либо во дворце, либо катаясь в карете по улицам Неаполя, вечером – в оперном театре «Сан-Карло», славившемся высочайшим мастерством вокала выступавших там певцов. Королева не скрывала своей привязанности к жене посла: «Уже долгое время я живу подле

нее, и наша близость длится более двух лет». Все это давало повод неаполитанским обывателям судачить о лесбийской любви между «Немкой» (такую кличку дали Марии-Каролине) и «Англичанкой». В своей книге Джованни Ла Чечилия вкладывает в уста королевы опасное признание: «Я делила с леди Гамильтон стол, купание и ложе». Трудно сказать, насколько верны эти слова. Однако доподлинно известно, что Мария-Каролина передавала Эмме секретные депеши, содержавшие частную информацию о политических интригах Франции с европейскими державами, причем делала это прежде, чем документы попадали в руки Фердинанда IV, которому были адресованы. Леди Эмма в своих письмах родственнику мужа Чарльзу-Фрэнсису Гревиллу, вице-гофмейстеру короля Георга III и члену Тайного совета, пела королеве самые настоящие дифирамбы:

«Если бы вы могли знать ее так, как я, как бы вы обожали ее! Ибо она – первейшая женщина в мире. Ее таланты превосходят дарования любой женщины в сем мире; и сердце ее суть самое превосходное, доброе и прямое. Вы скажете, сие мнение есть от того, что мы такие подруги, и я сужу предвзято; но спросите любого, кто знает ее. Она любит Англию и предана нашему министерству, желая продолжения войны как единственного средства покончить с этим ужасным французским консулом».

Положение фаворитки королевы открывало леди Гамильтон доступ к важной информации, значимость которой она прекрасно осознавала, как видно из торопливого письма все тому же Гревиллу от 21 сентября 1796 года:

«У нас нет времени писать вам, ибо мы уже три дня и три ночи готовим для отсылки с сим курьером важные письма для нашего правительства. Оно должно быть благодарно сэру Уильяму и в особенности мне, поскольку мое положение при дворе совершенно исключительное, какового не удавалось еще достичь ни одной особе. Но благодарности не дождешься...»

Известно, что впоследствии именно благодаря леди Гамильтон королевская семья под натиском наступления французских войск в декабре 1798 года смогла бежать в Палермо на Сицилию, откуда монаршая чета вернулась только спустя три года. Французский посол Алкье писал:

«Власть целиком и полностью перешла в руки королевы. Государственные секретари отчитывались только ей. Король получал сведения о событиях во время получасовой аудиенции, каковую королева условилась проводить с ним по понедельникам, и ради этого ей пришлось искать его по загородным домам, в которых он жил».

Но в январе 1806 года войска Наполеона вступили в Неаполитанское королевство, и королевской чете вновь пришлось бежать на Сицилию. Потеряв Неаполитанское королевство и не найдя поддержки в Европе, Мария-Каролина рассорилась со всем светом, включая своего зятя, императора Франца II. Тот, к ее негодованию, проиграл все сражения и отдал дочь Марию-Луизу ненавистному корсиканскому чудовищу в качестве «постыдной наложницы для негодяя, покрывшего себя всеми преступлениями, на которые способен человек». Далее дела королевы пошли хуже некуда. Мало того, что Наполеон сделал королем Неаполитанским сначала своего брата Жозефа, а потом – свояка, маршала Мюрата, так англичане еще и потребовали удаления Марии-Каролины с Сицилии, ибо подозревали ее в тайных сношениях с Наполеоном через внучку Марию-Луизу.

В январе 1813 года король Фердинанд, который доселе не интересовался ничем, кроме охоты, и полностью передал узды правления жене, заявил, что желает оставаться государем и запретил супруге даже разговаривать о делах. Удаления Марии-Каролины потребовали сицилийские бароны, на нем настаивал посол Великобритании. Королева цеплялась за малейшую возможность не покидать Сицилию, используя в качестве предлога даже приступы зубной боли. Как вспоминала ее дочь, будущая королева Франции Мария-Амалия, «матушка только и делала, что плакала, рыдала и говорила, что запретят в склепе и никогда оттуда не выйдет, чтобы не слышать, как после стольких лет ее гонят из родного дома». В конце концов, Фердинанд написал ей следующее письмо:

«Как друг я вам советую, как муж – прошу, как король – приказываю уехать».

По пути в отечество

В июле 1813 года Мария-Каролина была вынуждена отправиться морем на родину через Константинополь и Одессу. Невзирая на уже почтенный возраст, она состояла в любовной связи с привлекательным тридцатилетним капитаном королевской гвардии Видаром де Видере, маркизом де Сен-Клер, воспитателем ее младшего сына. Этот французский эмигрант даже решился последовать за ней в изгнание. В Константинополе свирепствовала чума, и потому в Одессе королеву вместе со свитой поместили в карантинном доме. Карантинным ведомством управлял состоявший на русской службе швейцарец Иосиф Россетти. В России он обзавелся красавицей женой и четырьмя детьми: дочерью Александрой^[38] и тремя сыновьями. Как инспектор карантина, Россетти был обязан каждый день являться к королеве за приказаниями.

Далее приводим отрывок из воспоминаний Александры Смирновой-Россет: «Она узнала, что маменька родила, и предложила быть восприемницей новорожденного с тем условием, чтобы его назвали Карл-Александр^[39]. Ее представляла г-жа Дерибас, а крестный был все тот же Ришелье^[40]. После крестин королева прислала крестнику крест из крупных бриллиантов и склаваж. Весь город приезжал любоваться этим склаважем... Жемчуга цепочки были перевязаны бриллиантами, и фермуар составлял ее имя: Каролина. Королева изъявила желание видеть меня и старшего брата. Герцог учил нас кланяться. Мы так старались, что чуть было не упали к ее ногам... Она была очень стара и страшна, нарумяненная сидела в кресле в бархатном темно-зеленом платье и вся покрытая бриллиантами. Она посадила нас на колени и говорила гоп-ца-ца». Из Одессы Мария-Каролина через Польшу направилась в Вену, где получила известие о разгроме войска Наполеона под Лейпцигом. Вскоре изгнанница скончалась от апоплексического удара, немного не дожив до окончательного поражения ненавистного Бонапарта. Последнему человеку, который зашел к ней справиться о ее здоровье, она тихо промолвила:

– Я пережила слишком многое.

Когда отставная королева скончалась, при венском дворе даже не сочли нужным объявить траур, каковой факт говорит сам за себя. Ее супруг также горевать не стал, а через три месяца вступил в морганатический брак со своей любовницей, вдовой неаполитанского князя Лючией Мильяччо, пожаловав ей титул герцогини Флоридия. Любопытно, что у современных итальянских историков оценка правления Марии-Каролины коренным образом изменилась, прослеживается тенденция утверждать, что она как в хорошем, так и в дурном аспекте ее деятельности проявила себя как истинно великая королева Неаполя. По их мнению, королева навсегда вписала свое имя в анналы неаполитанской истории такой яркой политической деятельностью, которую не выказывали ни ее бесцветные предшественницы, ни последовательницы.

Младшая дочь императрицы

Но если Марии-Каролине, невзирая на многочисленные перипетии ее жизненного пути и рождение почти двух десятков детей, все-таки было суждено умереть на родине в своей постели, то судьба ее младшей и любимой сестры Марии-Антуанетты (1755–1793) привела в ужас коронованную Европу. Казнь сначала короля, помазанника Божия, самим Господом определенного на земле для правления согласно библейским заветам, а затем его супруги на основании тяжких и весьма шатко обоснованных обвинений – это не укладывалось ни в какие рамки человеческого сознания, тем более присущего образу мышления членов правящих династий. Яркой иллюстрацией впечатления, произведенного Великой французской революцией на европейских монархов, стала в 1792 году потеря рассудка португальской королевой Марией I (1734–1816).

История младшей дочери императрицы Марии-Терезии в общих чертах известна всем^[41]. Не секрет, что крестной матерью замысла положить конец многовековой вражде между Австрией и Францией в пике своему традиционному союзнику Пруссии была фаворитка Людовика XV, всесильная маркиза де Помпадур. За работу засадили опытных дипломатов, и в 1756 году был подписан Версальский франко-австрийский договор. Согласно неписаной традиции, его надлежало более ощутимо подкрепить брачным союзом между представителями династий Бурбонов и Габсбургов.

Когда в 1768 году скончалась жена короля Людовика XV Мария Лещинская, австрияки усмотрели в этом благоприятную возможность предложить вдовцу избрать в качестве кандидатуры для повторного брака эрцгерцогиню Марию-Элизабет (1743–1808). Девица имела репутацию самой красивой из дочерей императрицы – пока не переболела оспой, сильно изменившей ее внешность не в лучшую сторону. Людовик XV отнюдь не горел желанием вновь идти под венец. Повышенные сексуальные потребности короля вполне удовлетворял пресловутый «Олений приют», в который набирали исключительно молоденьких девственников, к тому же в его жизни недавно появилась одна из первых куртизанок Парижа Жанна

Вобернье, позднее получившая известность как графиня Дюбарри. Так что, взглянув на портрет эрцгерцогини, которой к тому же перевалило за четверть века, король Франции сватам любезно, но твердо отказал. Однако же у него было три юных внука, так что старшему из них, престолонаследнику Людовику-Огюсту, надлежало взять на свои плечи всю тяжесть несения бремени этого довольно-таки противоестественного с точки зрения многих французов союза.

Невозможно было сочетать браком две более несхожих личности, нежели французский дофин и австрийская эрцгерцогиня. Не будем углубляться в описание достоинств дофина, человека более чем положительного, основательного и осторожного в своих действиях. Похоже, что единственным достоинством Марии-Антуанетты была ее несравненная походка, она натуральным образом плыла по воздуху. Императрица Мария-Терезия, весьма заботившаяся о воспитании своих многочисленных детей, младшую дочь явно упустила, а потому выданная замуж в возрасте четырнадцати с половиной лет эрцгерцогиня была просто-напросто невежественна, ленива, не желала ничего, кроме развлечений, и без малейшего смущения пренебрегала сложным этикетом Версаля. Эта система, разработанная великим Людовиком XIV, являла собой краеугольный камень абсолютной королевской власти и ее поддержки высшей аристократией с уходящими в древние времена корнями.

Оказало ли на Марию-Антуанетту хоть какое-то воздействие вступление в запретную для девственниц того времени сферу интимных отношений между мужем и женой? Практически никакого. Согласно традициям французской знати, супруги имели отдельные спальни, которые в Версале располагались довольно далеко друг от друга. Юные муж и жена делили ложе весьма редко, тем более, что Людовик рано ложился спать и рано вставал, тут же садясь за работу, а Мария-Антуанетта любила повеселиться до поздней ночи и поспать до обеда. Описание сексуальной жизни супругов будет приведено ниже в письме императора Иосифа II, оно достойно то ли сочувствия, то ли невольной усмешки.

Нелишне будет напомнить, что как муж, так и жена были воспитаны чрезвычайно набожными людьми: в их умы вложили чувство прегрешения, связанного со всем, что ассоциировалось с обнаженным телом и сексуальными отношениями. Соитие было предназначено

служить лишь для продолжения рода. У королей же, помазанников Божьих на земле, оно еще было напрямую связано с выполнением долга перед подданными, ибо наличие здоровых наследников в должном количестве гарантировало стабильность и долговечность правления. Так что интимная жизнь не привлекала ни молоденькую Марию-Антуанетту с ее чисто ребяческими интересами, ни флегматичного Людовика, который без труда подавлял свои плотские побуждения каждодневными выездами на любимую охоту, отнимавшую у него все силы. К тому же следует учесть, что австрийская сторона, всячески подчеркивавшая неуклюжесть и тугодумие Людовика, воспитала у Марии-Антуанетты чувство высокого превосходства над недалеким мужем.

Разорительные фаворитки

Тем не менее, и подданные Франции, и семья Марии-Антуанетты с нетерпением ожидали рождения наследника престола. Дофина стала королевой в восемнадцать с половиной лет и, получив в свое распоряжение огромные финансовые возможности, с молчаливого согласия мужа погрузилась в водоворот развлечений. Она, вне всякого сомнения, стала законодательницей мод, ее громоздким и вычурным туалетам и прическам подражала вся Европа. Помимо этого, пропасть денег уходила на преобразование летнего дворца Малый Трианон вместе с прилегающей к нему большой территорией, постройку и содержание там здания любительского театра и огромные проигрыши в карты. Королева всячески избегала участия в придворных церемониалах, отдавая все время развлечениям в созданном ею узком кружке приближенных. У нее практически не было отрочества нормального подростка, поэтому, получив долгожданную свободу, она первым делом обзавелась подругами, которых в Вене была лишена. Ее привязанность к принцессе Мари-Терез де Ламбаль (1749–1792), вытесненной со временем герцогиней Габриэль-Иоландой де Полиньяк (1749–1793), была настолько болезненно страстной, что это дало повод недоброжелателям обвинять королеву в лесбийских наклонностях. Памфлеты и препакостные картинки имели широчайшее хождение по всей Франции, причем не без активного участия деверя Марии-Антуанетты, графа Прованского, второго в очереди на престол.

Насколько близки были отношения между королевой и ее фаворитками, теперь уже с точностью установить невозможно. Надо сказать, что во Франции в ту пору подобные связи между женщинами отнюдь не были редкостью. Тут следует упомянуть, что в XVII-XVIII веках культ дружбы в Европе был чрезвычайно развит, и зачастую противоестественные отношения между женщинами прикрывались трогательной вывеской беззаветных незыблемых дружеских уз. Однако стоит отметить, что фарфоровые статуэтки французских мануфактур и некоторые полотна художников того времени очень сильно проникнуты чувственным элементом.

Похоже, с принцессой де Ламбаль Марию-Антуанетту сблизило отсутствие в жизни обеих такого явления как первая любовь. Невероятно родовитая Мари-Терез, урожденная принцесса де Савойя-Кариньян из младшей ветви королев Савойских, в возрасте восемнадцати лет была выдана замуж за принца де Ламбаль, который и по отцу, и по матери был потомком побочных детей короля Людовика XIV и его любовницы мадам де Монтеспан. По-видимому, именно этим можно объяснить тот факт, что единственный наследник несметно богатого и родовитого отца, герцога де Пантьевра, с детства не знал преграды своим желаниям и принадлежал к числу первых распутников Парижа. Принц Луи-Александр быстро отверг молодую жену на том основании, что она «блистает полным невежеством в любовной науке», но это не помешало ему наградить Мари-Терез венерическим заболеванием. Принцессу еще успели вылечить, а вот его самого – нет: болезнь зашла настолько далеко, что он вскоре скончался в страшных мучениях. Оставшись в 19 лет вдовой, молодая женщина с горечью подвела итог своей жизни:

– Я была выдана замуж еще ребенком, пошла под венец прежде, чем стала женщиной, овдовела прежде, чем стать матерью. – Будущее для нее было совершенно беспросветным, ибо, приобретя в замужестве статус принцессы крови, она не имела права потерять его и могла выйти замуж вторично лишь также за принца крови, что представлялось в высшей степени маловероятным.

Общество меланхоличной и чувствительной Мари-Терез устраивало Марию-Антуанетту, пока она была дофиной, и возможности ее в смысле развлечений были ограничены. Когда же она стала королевой, ее внимание привлекла Габриэль де Полиньяк, очень красивая, недалекая и бедная дворянка. Но она состояла в клане Полиньяков, умных, хищных и алчных людей, умело использовавших привязанность королевы для того, чтобы самым бессовестным образом доить ее. Во всяком случае, обе фаворитки королевы обошлись французской казне очень дорого.

Принцесса де Ламбаль, вдова, была невесткой одного из самых богатых людей королевства, герцога де Пантьевра, тем не менее, она была назначена гофмейстериной Марии-Антуанетты с жалованьем 50 тысяч ливров в год. К тому же Мари-Терез обеспечила блестящую военную карьеру своему младшему брату Эжену – опять-таки за счет

казны. Что же касается герцогини де Полиньяк, женщины семейной и матери четырех детей, ее муж, невестка и зять был буквально осыпаны титулами и должностями, которым также сопутствовали высокие доходы. Супругам было выделено 400 тысяч ливров на уплату долгов, их двенадцатилетней дочери Аглае – 800 тысяч приданого. Естественно, объяснить такие затраты всего лишь дружескими привязанностями было невозможно, и одной из кличек, прилипших к Марие-Антуанетте, была «Трианонская Сафо», по названию ее любимой летней резиденции в Версале.

Для завершения данной главы напомним судьбу обеих фавориток. Как только была взята Бастилия, большая часть ближнего круга королевы срочно бежала за границу, включая весь клан Полиньяков, а сама Габриэль-Иоланда через два месяца после казни королевы, будучи еще относительно молодой женщиной, скончалась в Вене. На ее памятнике выгравировали надпись: «Скончалась от горя».

Жребий, выпавший на долю принцессы Мари-Терез де Ламбаль, оказался не менее ужасен, чем участь ее повелительницы. Невзирая на уговоры родственников и трагическую судьбу многих аристократов, она предпочла до конца оставаться подле своей подруги. Принцесса была зверски убита санкюлотами в сентябре 1792 года за то, что отказалась дать клятву отречения от верности королевской чете.

Ущербная интимная жизнь королевы

Когда по прошествии семи лет детей у королевской четы так и не появилось, в Париж явился инкогнито сам Иосиф II, который произвел тщательное расследование и в результатах написал своему брату Леопольду:

«У него [Людовика XVI] сильные эрекции, в хорошем состоянии; он вводит член, остается там без движения, возможно, две минуты, извлекает без семяизвержения, все еще возбужденный, и прощается с ней. Сие непонятно, ибо у него случаются ночные поллюции, но на месте у него ничего не получается; он удовлетворяется сим, простодушно говоря, что делает это лишь по долгу и не испытывает в том никакого вкуса. Ах! Если бы я мог хоть раз присутствовать там, я бы все устроил!... У моей сестры мало темперамента для сего, и они оба натуральные неумехи».

Заодно Иосиф как следует отчитал сестру за то, что она не употребляет никаких стараний, чтобы понравиться мужу, и подвел неутешительный итог:

«Каким же образом вы желаете, ежели сие было так, чтобы человек холодный и не ощутивший плотские удовольствия, приблизился к вам, возбудился и, наконец, любил вас?»

После такой активной работы, проведенной родственником, супруги, наконец, сблизились. Мария-Антуанетта в своем письме матери от 30 августа 1777 года не без торжества сообщала ей радостную весть:

«Я испытываю полнейшее счастье всей моей жизни. Вот уже более восьми дней, как мой брак совершился; попытка была повторена, и даже более законченно, нежели в первый раз».

Людовик, доселе предпочитавший не разговаривать на столь скользкую тему, все-таки от полноты чувств поделился со своей теткой Аделаидой:

– Мне чрезвычайно нравится сие удовольствие и сожалею, что столько времени оставался в неведении о нем, – но, похоже, «удовольствию» не удалось изменить флегматичный характер Людовика...

Но и вступление в полноценную сексуальную жизнь не пробудило в Марии-Антуанетте чувственности. Мать требовала от нее сообщения о беременности, но дочери нечем было порадовать ее. Она, как всегда, валила вину на мужа:

«Равнодушие, определенно, не с моей стороны... Что можно сделать подле человека из дерева? У короля нет склонности спать вместе... Он несколько раз приходил ко мне ночью. Я не считаю, что должна терзать его, чтобы он приходил ко мне чаще».

Вскоре Мария-Антуанетта призналась человеку из своего окружения:

– Я бы не жаловалась и не сердилась, если бы королем овладело какое-нибудь кратковременное и преходящее увлечение, дабы он мог обрести через него более сил и энергии.

Но долг продолжения королевской династии подлежал обязательному выполнению, и наконец-то долгожданный ребенок был зачат. Правда, ко всеобщему сожалению, первенцем оказалась дочь. В историографии же прочно обосновалась легенда, что у Людовика был некий небольшой физиологический изъян, который шурин уговорил его устранить посредством несложной операции. Однако после дотошного изучения документов историки установили, что никакого хирургического вмешательства на самом деле не было.

Мария-Антуанетта, не считая двух выкидышей, родила четырех детей, из которых выжили сын и дочь. Воплотив в жизнь стоявшие перед ней задачи по обеспечению престолонаследия, от выполнения всех прочих обязанностей королева продолжала упорно уклоняться. Она предпочитала вести тот образ жизни, какой ей нравился, в обществе избранных ею не особенно знатных, но острых на язык мужчин, которые обладали свойством развлекать ее. Естественно, во Франции их считали любовниками королевы, что лишь множило число памфлетов и карикатур на эту тему. Хотя их привязанность к Марии-Антуанетте по большей части имела под собой чисто корыстную основу выпрашивания у нее всяческих милостей, один из них, блестящий герцог де Лозен, красавец и записной сердцеед, все-таки решился попытать счастья. Как-то, оставшись с ней наедине, он упал на колени и заявил, что ее благосклонное отношение внушило ему надежду, что нежная страсть, испытываемая им к ней, возможно, имеет

шанс быть разделенной. Королева была потрясена, но резко встала и выкрикнула:

– Подите прочь, сударь! – на этот крик прибежала ее старшая камер-фрау мадам Кампан, которая увидела, как незадачливый герцог низко поклонился своей повелительнице и убрался восвояси. Выведенная из себя Мария-Антуанетта приказала:

– Чтобы сей человек более не появлялся у меня! – карьера де Лозена была бесповоротно загублена.

Королева пыталась вмешиваться в политику, но Людовик XVI, осознавая недалекость и легкомысленность жены, старался не допускать ее туда. Во всяком случае, надежды австрийской родни протолкнуть свои интересы во внешней политике Франции не оправдались. Вмешательство королевы во внутренние дела государства, к сожалению, ничего кроме вреда не принесло.

Мария-Антуанетта стойко держалась подле своего супруга во время событий революции 1789 года, изо всех сил пыталась организовать интервенцию иностранных государств для спасения своей власти, причем проявляла временами завидные хитрость, изворотливость и изобретательность. Все ее усилия пошли прахом, оба супруга были казнены. Естественно, такая трагическая судьба сделала их мучениками и возвела практически в положение святых. Образ Марии-Антуанетты был окружен ореолом любящей верной жены и матери, разделявшей со страдальцем-супругом все тяготы их судьбы. Однако постепенно на свет божий всплыли документы, указывавшие на то, что у королевы был любовник, красавец, отважный офицер, прекрасно образованный франкофил, шведский граф Аксель фон Ферзен (1755–1810), состоявший на службе у французского короля.

Сокровенная тайна Марии-Антуанетты

Правда, потомки родственников графа часть переписки королевы с фон Ферзенем уничтожили, в оставшейся вымарали некоторые наиболее крамольные, с точки зрения стыдливой морали второй половины XIX века, строки. Поэтому понадобились последние достижения современной науки, чтобы стало возможно прочитать их. Результаты более тщательных исследований привели историков к выводу, что, родив четырех детей и исполнив, таким образом, свой долг перед короной, примерно с лета 1787 года Мария-Антуанетта вступила в любовную связь с фон Ферзенем. К этому времени она сильно изменилась. Последние роды 1785 года оказались довольно тяжелыми и несколько подорвали ее здоровье, а горе после смерти этого ребенка в 1786 году привело к тому, что у королевы выпали все волосы и пришлось прибегнуть к ношению парика. Сошло на нет ее увлечение игрой в любительских спектаклях театра в Малом Трианоне. Из-за открытого недовольства парижан Мария-Антуанетта перестала посещать костюмированные балы в Опере. Ее туалеты перестали быть вызывающе вычурными, их сменили простые полотняные белые платья без фижм. Она даже несколько охладела к своему окружению, когда его члены зароптали, потеряв свои привилегии вследствие экономии государственных средств, и тем выказали свои истинные лица.

Вот тогда королева сочла возможным дать волю своим чувствам. Мария-Антуанетта всегда проявляла явную склонность к высоким, хорошо сложенным мужчинам в военном мундире. Именно таким был граф фон Ферзен. Королева и раньше всячески содействовала его поступлению на службу французской короне. Надо сказать, швед имел очень большой успех у женщин и никогда не отказывался пользоваться им, но ради сохранения привязанности столь высокопоставленной особы не стал обзаводиться семьей, как видно из его письма сестре Софи, самому близкому другу:

«Я не могу принадлежать единственной особе, подле которой я хотел бы быть, единственной, которая любит меня, так что я не желаю принадлежать никому».

Начиная с 1787 года, фон Ферзен, чей полк был расквартирован в Валансьене, регулярно приезжал в Версаль для свиданий с Марией-Антуанеттой. По свидетельству графа де Сен-При, фон Ферзен «отправлялся верхом в парк, со стороны Трианона, три или четыре раза в неделю, королева ехала туда верхом одна. Эти свидания возбуждали скандал в обществе, невзирая на скромность и сдержанность фаворита, никогда внешне не выказывавшего свое положение и являвшегося самым скрытным из всех друзей королевы».

Фон Ферзен был чрезвычайно пунктуален в ведении дневниковых записей и переписки, но в годы революции большая этих документов либо погибла, либо была уничтожена. До сих пор неизвестно, действительно ли фон Ферзен испытывал к стареющей королеве какие-то чувства^[42] или же, будучи ярким монархистом, рассчитывал на блестящую политическую карьеру фаворита? Не потому ли граф столь мужественно и беззаветно поддерживал супругов в их борьбе за сохранение власти во время революционных событий? В частности, именно он практически взял на себя всю сложнейшую работу по организации побега королевской семьи за границу в июне 1791 года, провалившегося исключительно по неосмотрительности Людовика XVI. Казнь супругов разрушила все его планы и омрачила ему последние годы жизни. По прихоти судьбы фон Ферзен также пал жертвой разбушевавшейся черни, забившей его насмерть в Стокгольме в 1810 году.

Ореол мученицы долго не позволял пятнать образ казненной королевы наличием любовника. Со временем, однако, взгляд как историков, так и общественности на королевскую чету изменился. Людовик XVI, как оказывается, был не так уж и плох, а вот легкомыслие его супруги и ее политическая невежественность действительно внесли значительный вклад в падение монархии. Отсюда стало вполне позволительно допустить, что эта слабая женщина не смогла устоять перед соблазном. Теперь историки все-таки признали связь Марии-Антуанетты с шведским графом, и две комнатки над ее покоем в Версале, где он ночевал, навещая ее, так и называются «комнатами Ферзена».

Император из Флоренции

После смерти официально бездетного Иосифа II на трон взошел его брат Леопольд II (1747–1792). До этого звездного часа своей короткой жизни он вел довольно безмятежное существование во Флоренции в качестве Великого герцога Тосканского, унаследовав это суверенное государство после смерти своего отца Франца-Стефана. Судьба Леопольда, как и любого отпрыска династии Габсбургов, была спланирована с пеленок. Поначалу ему была предназначена в жены наследница итальянского герцога Моденского Мария-Беатриса. Однако в 1761 году скончался старший брат Леопольда, эрцгерцог Карл-Иозеф, и рука суженой покойного, испанской инфанты Марии-Людовики, отошла по наследству ему – Габсбурги ценными невестами не разбрасывались. В 1764 году семнадцатилетний Леопольд повел к алтарю унаследованную от брата принцессу.

Господь благословил супружескую чету 16 отпрысками, но это совершенно не значит, что Леопольд был верным мужем. Как уже было упомянуто выше, в молодости он делил с братом Иосифом благосклонность графини Марии-Иозефы фон Виндишгрец. После преждевременной смерти красавицы ее место заняла графиня фон Волкенштайн. Перекочевав во Флоренцию, Леопольд завел множество любовных связей, результатом которых стало рождение нескольких побочных детей. Жена знала о похождениях мужа, но с достоинством выносила свое унижительное положение. Одной из бесчисленных возлюбленных Леопольда стала англичанка, леди Анна Каупер, которую он в своих письмах называл просто Миледи. Дама не принадлежала к придворному окружению герцога и не смогла последовать за ним в Вену.

У Леопольда была и такая любовница, услугами которой он мог пользоваться, не покидая свой дворец. Ею стала камер-фрау его супруги, некая Мадлен Бьянки. Эту женщину Господь определенно наделил большой хитростью и прозорливостью, ибо она, не полагаясь на постоянство чувств ветреного Леопольда, тем не менее, сумела создать себе прочное положение при монарших особах, не поколебавшееся с преждевременной смертью императора. Вот что писал о ней современник:

«Едва она попала к флорентийскому двору в качестве камер-фрау герцогини Марии-Людовики, как сумела втереться в доверие к ней. Ей даже удалось завоевать самого завидного из мужчин, тогда великого герцога, а позднее славного императора Леопольда, который страстно влюбился в нее. У сей женщины хватило ума терпеть его хождения на сторону, но она полностью подчинила его себе... Когда после смерти императора Иосифа Леопольд со всем семейством переехал в Вену, Мадлен уже больше не служила в штате императрицы. Она получила апартаменты в городе и приготовилась играть роль маркизы де Помпадур. Министры являлись к ней засвидетельствовать почтение, но, поскольку она не имела права появляться при дворе, ее исключительное положение оставалось скрытым от широкой общественности. При этом она, как и ранее, оставалась доверенным лицом Марии-Людовики, которая плакалась ей по поводу непрекращавшихся измен мужа, но странным образом не испытывала никакой ревности к самой Мадлен».

Той женщиной, которая сумела прочнее всего привязать Леопольда к себе, стала балерина Ливия Раймонди. Считается, что они познакомились в Пизе примерно в 1786 году. Балерина настолько ошеломила Леопольда, что герцог предоставил в ее распоряжение небольшой дворец во Флоренции на углу площади Сан-Марко и улицы дельи Араццери. В 1788 году появился на свет младенец, которого окрестили Людвигом; впрочем, матери было привычнее называть его на итальянский манер Луиджи. Но в 1790 году Леопольд был вынужден переехать в Вену, каковой факт, невзирая на все связанные с ним радости, стал для него также и поводом для печали, что можно видеть из следующего письма к Ливии:

«Я не могу в достаточной мере описать печаль, каковую испытываю по поводу своего отъезда; я ощущаю и вашу по вашим разговорам и двум сегодняшним письмам. Мне было достаточно увидеть по ним то, что я уже знал и во что верил, а именно, насколько вы любите меня; мне известно ваше столь доброе сердце и ваша склонность ко мне, за сие я буду благодарен вам до самой смерти. Не могу поступить иначе, кроме как заверить вас, что мое сердце, моя привязанность и моя дружба всегда будут принадлежать вам и только вам, посему у меня никогда не возникнет никакого подозрения или беспокойства. Не печальтесь же так, следите за

вашим здоровьем – за здоровьем Луиджи, дабы я вновь увидел его выросшим и здоровым, – думайте обо мне, будьте уверены во мне, часто посылайте мне весточку о вас, я всегда буду поступать равным образом».

Но особых причин для печали по поводу расставания не было, ибо уже в следующем письме Леопольд совершенно по-деловому обсуждает переезд любовницы в Вену:

«Напишите мне обо всем, что вы хотите для Вены, или обо всем, чем вы нуждаетесь там, подумайте обо времени, когда я буду иметь радость вновь увидеть вас. Приведите в порядок свои дела, соответственно с перечнем, который я дал вам, приезжайте свободно и без опасений в Вену... Там вы никогда не будете испытывать никаких притеснений, я удовлетворю вас по всем пунктам, которые вы поименовали мне... Для меня будет счастьем и большим удовлетворением иметь рядом и обладать возможностью видеть Ливию и Луиджи, двух особ, которым я столь многим обязан и которые столь близки моему сердцу. С моей стороны вы можете быть уверены в том, что я ни единым помыслом и ни в одном уголке мира когда-либо смогу причинить вам неприятности... Верьте, что я всегда и каждый момент думаю о той привязанности, дружбе и преданности, с которыми я люблю вас и буду любить всегда до самой смерти, моя дорогая и прекраснейшая Ливия, для которой я являюсь и всегда буду верным в своей любви.

Ваш верный возлюбленный, обнимаю вас».

Ливия, не мудрствуя лукаво, действовала согласно инструкциям Леопольда. Она явилась в Вену со всем своим выводком, сыном, родителями и братьями, император предоставил в ее распоряжение дом на Кольмаркте. После смерти монарха Луиджи отобрали у матери и отдали под опеку законного сына Леопольда, императора Франца I. Подросток позднее получил фамилию фон Грюнн, учился в Венском университете и по его окончании служил в дворцовом ведомстве. Людвиг фон Грюнн скончался в 1814 году от чахотки. Ливии же переселение в Вену счастья не принесло – Леопольд тут же переключился на других женщин, и балерина засобиралась обратно во Флоренцию. Это видно из письма, которое Леопольд написал ей незадолго до своей скоропостижной смерти:

«В тот момент, когда я имею несчастье, возможно, навсегда потерять общество ваше и Луиджи, к которому я уже пять лет так привязан, и в момент вашего счастья, каковое, как вы часто писали мне, состоит в расставании со мной и создаваемыми мною тягостями, я сочинил вам это стихотворение из долга чести и дружбы...Простите меня за сии тяготы и думайте, что вскоре будете свободны от них... Подумайте о том, когда будете уезжать, почему вы покидаете меня, и как я останусь один – я более не скажу ничего и не хочу делать вам никаких упреков. Всего хорошего! Вы надеетесь обрести удовлетворение, но, возможно, не обретете ни спокойствия, ни дружбы, которые имели подле меня».

Как видно из этих писем, Леопольд очень трепетно относился к своему побочному отпрыску, полной противоположностью чего выглядят его старания во что бы то ни стало отмежеваться от любого участия в спасении его родной тетки, королевы Франции Марии-Антуанетты. Безусловно, своим расточительным и легкомысленным образом жизни она не только внесла немалый вклад в финансовые беды королевства, но и погубила репутацию супруга, пытавшегося спасти свою власть^[43]. В результате в стране совершилась революция, Мария-Антуанетта с Людовиком XVI и детьми оказалась практически на положении заложников в мятежной Франции и отчаянно зывали к своей многочисленной родне о спасении.

Леопольд оказался поразительно равнодушен к мольбам королевской четы. Конечно, у него было немало проблем с волнениями в Венгрии и Австрийских Нидерландах, но он вообще не желал оказывать никакой помощи тетушке. Когда та пыталась с семьей бежать из Франции в чужие края и попросила племянника сосредоточить на границе несколько полков для обеспечения своей безопасности на случай преследования, тот принялся под всякими предложениями отговаривать ее избрать местом выезда за границу Австрийские Нидерланды. К тому же денег же на организацию побега не дал ни гроша. Впоследствии в семье Габсбургов стыдливо предпочитали не говорить о трагической судьбе казненной Марии-Антуанетты.

1 марта 1792 года Леопольд скоропостижно скончался, хотя и пошли слухи об отравлении, но нынешние доктора подозревают перитонит. Сына Луиджи у Ливии отобрали, но она еще некоторое время

оставалась в Вене, к большому неудовольствию нравственно устойчивого молодого императора Франца I (1768–1835). Он хотел как можно быстрее отделаться от свидетельств грехов отца, но балерину удалось сплавить обратно во Флоренцию только после многочисленных напоминаний. Сам Франц, человек меланхолический, безвольный, трусливый, в сторонних связях замечен не был, хотя обладал отменным сексуальным аппетитом. Во всяком случае, ходили упорные слухи что именно таким образом он свел в могилу трех своих первых жен.

Многократный семьянин

Воспитанием Франца занимался его дядя, Иосиф II, предъявляя к юноше повышенные требования, но не сказать, чтобы это принесло какие-то щедрые плоды. Невесту ему также подобрал дядя, ибо принцесса Елизавета-Вильгельмина Вюртембергская была родной сестрой жены российского императора Павла I, после крещения в православную веру ставшей Марией Федоровной. Такая родственная связь в ту пору была сочтена выгодной для Австрии. Девочку-подростка забрали в Вену, где обучали в монастыре и подготовили к переходу из лютеранской веры в католическую. Франца женили в возрасте 19 лет, но уже довольно быстро ему было суждено испытать тяжелое потрясение: практически в один день скончались как его дядя, так и жена в результате преждевременных родов. Наследнику престола не подобало оставаться холостяком, и через семь месяцев после кончины супруги он сочетался браком с принцессой Марией-Терезией Бурбон-Сицилийской, дочерью его тетки, вышеупомянутой королевы Неаполя и обеих Сицилий Марии-Каролины.

Его избранница приходилась ему, так сказать, дважды двоюродной сестрой. Отец Франца, император Леопольд I, и мать невесты, королева Мария-Каролина, были родными братом и сестрой. Мать Франца, императрица Мария-Людовика, и отец невесты, король Фердинанд IV, были родными братом и сестрой, детьми испанского короля Карла III. Таким образом, свои судьбы соединяли люди с одинаковым генетическим профилем, практически брат и сестра. Подобное кровосмешение привело к тому, что из двенадцати чад, родившихся в этом браке, половина скончалась в самом нежном возрасте, а все прочие, достигшие совершеннолетия, как внешне, так и интеллектуально демонстрировали все признаки умственной отсталости и вырождения. Первенцем этого замечательного союза стала эрцгерцогиня Мария-Луиза, прославившаяся исключительно тем, что была выдана замуж за императора Наполеона I, но подробно речь о ней пойдет ниже.

Вторая жена Франца I скончалась 3 апреля 1807 году от преждевременных родов, тринадцатых по счету. Можете представить себе удивление императора Александра I, который во главе своих

войск вел военные действия в Восточной Пруссии против Наполеона, когда он получил письмо, датированное 26 апреля, от своей любимой сестры, 19-летней Екатерины Павловны. Великая княжна извещала брата, что изъявляет желание стать верной супругой императору Францу и заботливой матерью его многочисленным детям. Невзирая на отвратительные дороги, испорченные как распутицей, так и продвижением войск, и весьма примитивные средства сообщения, Екатерина Павловна подозрительно быстро отреагировала на траурную весть из Вены. Тут мы сделаем отступление, хотя его содержание не связано с темой основного повествования о фаворитизме в династии Габсбургов, и вставим главу о состоявшихся и не состоявшихся браках между династиями Габсбургов и Романовых.

Русская глава

Габсбурги, кичившиеся древностью своей династии и приверженностью католической вере, с плохо скрываемым пренебрежением относились к бракам с представительницами слишком молодой правящей семьи Романовых и претензиям России занять место великой державы в расстановке политических сил в Европе. Естественно, ход истории вносил свои изменения в матримониальную политику европейских династий, и в 1799 году состоялось венчание великой княжны Александры Павловны (1783–1801) с австрийским эрцгерцогом Иосифом-Антоном Габсбургом, палатином (наместником) Венгрии.

Судьбу Александры Павловны, третьего ребенка и старшей дочери императора Павла I, иначе как трагической назвать трудно. Красивая, прекрасно образованная, наделенная многими талантами, обеспеченная роскошным приданым, она могла рассчитывать на очень высокородного жениха. Этому также способствовали амбиции ее матери Марии Федоровны, урожденной принцессы Вюртембергской, и непререкаемый авторитет бабки, императрицы Екатерины II. Именно у бабки возник замысел замужества внучки с сыном ее двоюродного брата, шведского короля Густава III. Тот был убит участниками заговора, и вступивший вместо него на престол Густав IV поначалу вроде бы благосклонно отнесся к этой идее. Он был человеком глубоко религиозным и чрезвычайно, до фанатичности, упрямым. Были проведены соответствующие переговоры, и дело дошло до торжественного празднования помолвки. Внезапно Густав отказался сохранить за будущей женой право исповедовать православную веру, и проект развалился. Поговаривали, что именно это скандальное происшествие стало причиной скоропостижной смерти Екатерины II.

Тем временем политическая обстановка разительным образом изменилась. Россия для борьбы с революционной Францией вступила в союз с Австрией, и заключение брака между отпрысками этих династий послужило бы его укреплению. В октябре 1799 года великая княжна Александра Павловна сочеталась браком с эрцгерцогом Иосифом, наместником Венгрии. После венчания молодые уехали в Вену, причем Павел I страшно переживал, как будто предчувствуя

драматическую судьбу дочери. Вот как описывала это в своих мемуарах графиня Головина: «Он беспрестанно повторял, что не увидит ее более, что ее приносят в жертву. Мысль эту приписывали тому, что, будучи справедливо недоволен политикой Австрии по отношению к России, государь полагал, что вручает дочь своим врагам. Впоследствии часто вспоминали это прощание и приписывали его предчувствию». Мария Федоровна же радовалась, полагая, что родившийся от этого брака наследник будет иметь права на венгерский престол – приверженность Венгрии австрийскому престолу всегда была весьма шаткой.

В Вене молодую эрцгерцогиню при дворе встретили буквально в штыки. Особенно отличалась императрица Мария-Терезия, изрядно потрепанная жизнью и многочисленными родами. Она, надо полагать, просто завидовала молодости, красоте и обаянию Александры Павловны. Мария-Терезия запрещала ей появляться на балах и в придворном театре, а затем не позволила украшать себя драгоценностями, разрешив лишь носить цветы в волосах. На молодую эрцгерцогиню стали оказывать давление, вынуждая принять католичество. Когда выяснилось, что Александра беременна, Мария-Терезия весьма обеспокоилась, что рождение ребенка может разрушить австро-венгерскую унию и вылиться в отделение Венгрии.

Молодая чета переехала в Офен, столицу венгерского княжества. За Александрой установили негласный надзор. В Вене были недовольны тем, что местное общество с сочувствием отнеслось к молодой эрцгерцогине, старавшейся всячески разнообразить светскую жизнь. Ей не обеспечили квалифицированного медицинского ухода при родах, и новорожденная дочь скончалась через несколько часов после появления на свет. На сообщение об этом молодая мать промолвила:

– Благодарение Богу, что моя дочь переселилась в число ангелов, не испытав тех горестей, которым мы здесь подвержены.

Через неделю у нее началась послеродовая лихорадка, и Александра Павловна скончалась в бреду, повторяя:

– Мне тесно и душно жить... – ей уже не было суждено узнать, что даже ее похоронам по православному обряду будут чинить всяческие препятствия.

Помимо Александры, у российской императорской четы подрастали еще четыре дочери, которым надлежало найти мужей в полном

соответствии с политическими интересами России. Так, в 1799 году в Гатчине был подписан договор о будущем браке между великой княжной Екатериной Павловной, уже с малых лет отличавшейся умом, красотой и большими амбициями, и наследным принцем курфюрста Баварии Людвигом. Принцу, человеку неглупому и получившему прекрасное образование, идея этого союза настолько пришлась по душе, что он даже выучил русский язык и дважды приезжал в Санкт-Петербург, каждый раз покидая северную столицу не солоно хлебавши. Откровенно говоря, Екатерина Павловна, взявшая себе за образец свою великую бабу-императрицу, полагала, что в Баварии, которая тогда еще не имела статуса королевства, ее политические таланты не смогут развернуться в полную силу. Она мечтала о более обширной арене для своих дарований и устремлений. В этом ее полностью поддерживала императрица-мать Мария Федоровна. Ненависть обеих женщин к Наполеону, поражения российских войск, присоединение России к континентальной блокаде Великобритании, слабость союзной Пруссии вселили в их головы мысль, что наиболее выгоден брак с Габсбургами.

Александр I решительно выступил против брака сестры с императором, уверяя ее, что, проводи великая княжна хотя бы день в обществе этого немолодого, непривлекательного, неопрятного, недалекого, мрачного и косноязычного человека, ей стало бы ясно, насколько он чужд ей. Для Екатерины доводы брата не имели никакого веса. Девушка была уверена, что тридцать пять лет – вовсе не старческий возраст, все же остальное поправимо, и она в состоянии быстро превратить этого буку в учтивого государя с обходительными манерами и изысканными оборотами речи. Понимая, что Александру, изнемогавшему под гнетом государственных дел, некогда заниматься матримониальным проектом Екатерины, две дамы отправили ему проект брачного договора с императором Францем, а самому вдовцу – миниатюрный портрет Екатерины в знак серьезных намерений российского двора.

Вдовствующая императрица Мария Федоровна поручила опытному дипломату, князю Александру Борисовичу Куракину, провести переговоры о замужестве дочери. Тот был близким другом покойного императора Павла I и оттого пользовался благосклонностью его супруги. К тому же, ему уже удалось успешно провести переговоры по

заключению браков великих княжон Елены Павловны и Марии Павловны с курфюрстами Мекленбург-Шверинским и Веймарским. Князь Куракин незамедлительно отправился к императору Александру для обсуждения этой затеи. Результаты он изложил в письме к вдовствующей императрице:

«Император все-таки полагает, что император Франц не может понравиться великой княжне Екатерине и не является для нее подходящей парой. Император характеризует его как человека внешне непривлекательного, плешивого, безвольного, ленивого душой, ослабленного физически и умственно вследствие всевозможных несчастий..., трусливого до такой степени, что боится пускать свою лошадь в галоп, и ее должны вести под уздцы, чему сам император был свидетелем под Аустерлицем. При последних словах я не мог удержаться от смеха и воскликнул: «Такой характер никак не может подойти великой княжне. У нее есть ум, душа и сильная воля: боязливость ей совсем не свойственна, смелость же, с которой она ездит верхом, вызывает зависть даже у мужчин». Император не согласился со мной и в том, что этот брак будет полезен нам в политическом отношении... Напротив, новые отношения между Россией и Австрией, которые сложатся в результате этого брака, помешают нам всякий раз надлежащим образом выражать свое недовольство неумелыми действиями Австрии, которые она часто совершает».

Итак, Александр I поставил крест на планах своей сестры. Невзирая на это, князь Куракин отправился в Вену, где пробыл до ноября 1807 года. Он оказался в отвратительном положении: Мария Федоровна и Екатерина Павловна прожужжали ему все уши о выгоде союза с Австрией, а Александр I после заключения в июне Тильзитских соглашений старался предотвратить любые действия, которые могли бы вызвать недружественную реакцию со стороны Наполеона. При венском дворе буквально кишели интриги различных противодействующих партий, противники России создали Куракину репутацию врага Австрии, что сделало невозможным его пребывание в Вене. Но Мария Федоровна и Екатерина настаивали на браке если не с императором, то с одним из австрийских эрцгерцогов: либо с Фердинандом, либо с Иоганном. Куракин характеризовал их следующим образом:

«Юный эрцгерцог Фердинанд славится своей необыкновенной храбростью, которую проявил в военной кампании 1805 года, но при всех своих замечательных качествах, наконец, при прекрасной внешности, которую все в нем отмечают, он – всего лишь принц в третьем поколении императорской семьи. У него нет ни состояния, ни содержания в виде земельной ренты, то есть никаких других средств существования, кроме службы, и потому он не может претендовать на то положение, на которое претендуют другие эрцгерцоги, братья императора. Только эрцгерцог Иоганн, признаюсь, отвечает всем моим желаниям; так как впечатление, которое он на меня произвел во время данной им для меня аудиенции, убедило меня в том, что его мужская красота и его любезность покорят сердце великой княжны в той самой степени, в какой он достоин ее руки по своему происхождению и заслугам».

Князь Куракин также провел более предметные переговоры с министром иностранных дел, графом фон Штадионом.

«Он назвал мне всех эрцгерцогов, чтобы мы могли обсудить тех, кто соответствует нашим требованиям. Упомянув эрцгерцога Иосифа-Антоня, палатина Венгрии, он заверил меня, что знает о его особой привязанности к великой княжне Екатерине со времени его последнего пребывания в Петербурге^[44]. На это я возразил, что наша церковь не разрешает, чтобы две сестры выходили замуж за одного и того же мужчину. Наконец мы остановились на кандидатуре эрцгерцога Иоганна, чьи достоинства и внешность заслуживают всяческого восхищения^[45]. Министр похвалил его характер, прилежание, его принципиальность и добавил, что все дети императора Леопольда отличаются превосходным воспитанием, что все они глубоко религиозны. Это уже много, но еще не все, заметил я. Каково в настоящее время его материальное положение? Какое содержание будет ему выделено в случае его женитьбы? Какое благосостояние он сможет обеспечить своему потомству? – Обычно эрцгерцогу, вступающему в брак, обеспечивается содержание от 50 000 до 60 000 гульденов ежегодно. – Сей суммы, возразил я, вовсе недостаточно; но ведь среди арифметических правил есть и умножение, нельзя ли применить его в данном случае? – О, конечно, эти 50 000 гульденов мы можем даже утроить, – отвечал фон Штадион. – Очень хорошо, сказал я, 150 000 постоянного дохода нас

вполне удовлетворит, но к этому нужно еще добавить должность генерал-губернатора и резиденцию, приятную и достойную особ столь высокого положения, поскольку, не имея возможности покинуть Вену, юная пара чувствовала бы себя стесненно. В качестве резиденции эрцгерцога, по моему мнению, можно было бы выбрать что-нибудь в Богемии или Праге, возможно, подойдет Галиция, тогда лучшие Лемберг^[46] или Краков. Я добавил, что нахожу самым удобным местом Прагу, так как там есть большой красивый замок, но, может быть, эрцгерцог и великая княжна предпочтут Лемберг, поскольку это ближе к России. – Граф Штадион возразил мне, что император, потеряв Нидерланды и Миланскую область, не может больше предоставлять должности генерал-губернатора...»

После такого детального разбора достоинств и финансовых возможностей женихов Мария Федоровна и Екатерина остановились на кандидатуре эрцгерцога Фердинанда. Правда, по мнению вдовствующей императрицы, надлежало удалить его из семейного клана, для чего молодым следовало поселиться в Санкт-Петербурге:

«Получив руку моей дочери, он обеспечит себе и своему потомству столь блестящее положение и столько преимуществ, о коих в Австрии и мечтать не смел».

Дамы предложили эрцгерцогу фельдмаршальское звание, должность губернатора Финляндии или Курляндии и годовое содержание в сумме 150 000 рублей. Каждой из рожденных в браке дочерей полагалось годовое содержание в размере 50 000 рублей. В случае смерти Екатерины пережившему ее эрцгерцогу полагалась пожизненная пенсия в 50 000 рублей, даже если он покинет Россию. Невзирая на столь соблазнительные перспективы, император Франц, недовольный тем, что на переговорах в Тильзите Наполеон и Александр пренебрегли интересами Австрии, безоговорочно отклонил все предложения русского двора. Он и слышать не хотел о поездке эрцгерцогов Фердинанда и Иоганна в Санкт-Петербург к будущей невесте на смотрины. Так что миссия князя Куракина завершилась провалом; помимо австрийских кандидатов, Екатерина потеряла еще и принцев из Баварии и Вюртемберга, которых Наполеон вынудил жениться так, как было угодно ему.

Заклание «прекрасной телки»

Франц I, уже утративший корону императора Священной Римской империи, не стал тратить много времени на поиски новой супруги и опять женился на одной из своих многочисленных двоюродных сестер, принцессе Марии-Людовике Моденской. У молодой женщины очень быстро выявилась чахотка, и лекари настоятельно рекомендовали ей воздержаться от рождения детей. Императрица деятельно занялась воспитанием своих пасынков и падчериц, причем ее особенной любовью пользовалась именно Мария-Луиза. В 1815 году туберкулез все-таки доконал ее, и овдовевший Франц женился в четвертый раз на дочери короля Баварии Максимилиана I. Принцесса Каролина-Августа была на 24 года моложе жениха, но имела столь цветущий вид, что Франц непроизвольно воскликнул:

– По меньшей мере, я не заполучу опять через пару лет труп!

Действительно, Каролина-Августа, оставшись бездетной, надолго пережила своего супруга и даже ухитрилась, правда, совершенно непроизвольно, устроить плохую примету перед венчанием императора Франца-Иосифа I с баварской принцессой-красавицей Елизаветой, о чем, опять-таки, речь пойдет ниже. Так что при четырех женах император Франц I имел все возможности удовлетворять свои сексуальные аппетиты, не покидая супружеской спальни. Разумеется, прочие Габсбурги мужского пола не придерживались столь праведного образа жизни и чуть ли не в открытую содержали любовниц, но император относился к подобным вещам снисходительно.

Как известно, молодость императора Франца пришлась на тяжкие годы Великой французской революции и наполеоновских войн, в которых Австрии пришлось претерпеть тяжкие поражения и всяческие лишения. Помимо унижительных договоров, монарху пришлось еще и принести большую личную жертву – отдать худородному корсиканскому дворянчику в жены свою старшую дочь от второго брака, во многих поколениях потомка императоров Священной Римской империи германской нации, цезарей, привыкших только повелевать и побеждать.

Детство Марии-Луизы в покоях дворцов Габсбургов для подрастающих наследников было обычным, с няньками,

гувернантками и учителями. Детей не баловали, развивали в них строгую набожность, беспрекословное повиновение отцу как главе семейства и как монарху, обязывали культивировать какое-нибудь любимое занятие. Для Марии-Луизы им стало садоводство. Девочек возвращали целомудренными, не ведавшими разницы между полами. С этой целью они содержали в качестве домашних животных исключительно самок, домашняя птица в Шенбрунне состояла из кур, гусынь и уток, обучение верховой езде практиковалось на лошадях, детские тележки тянули ослицы. Художественная литература для чтения подвергалась самой строгой цензуре, слова и обороты речи, сочтенные крамольными и опасными для девственного ума высокородных барышень, просто-напросто вымарывались.

Мария-Луиза от природы не обладала глубоким умом и склонностью к познанию окружающего мира, так что вложенных ей в голову основных понятий о жизни и высоком предназначении отпрыска династии Габсбургов девице вполне хватало. Император Франц не был поклонником слишком глубокого образования для женщин, поэтому особый упор делался на изучение иностранных языков – кто знает, в какое государство удастся выгодно выдать замуж дочь. Учитывалось также, что подданные Австрии разговаривают на 12 языках. Отсюда Мария-Луиза бегло владела, помимо родного немецкого, французским, английским, испанским, итальянским, а также чешским, венгерским и начатками турецкого. Она проявляла интерес и способности к музыке, играла на клавесине, арфе и гитаре, а также премило рисовала.

Разумеется, время наложило отпечаток и на ее воспитание. Семейству пришлось дважды бежать из Вены в Польшу и Венгрию и проживать в весьма непривычных тяжелых условиях. Естественно, что ненависть эрцгерцогини к «корсиканскому чудовищу, узурпатору, антихристу и людоеду» и французам, отправившим на эшафот ее двоюродную бабу, королеву Марию-Антуанетту, не знала границ. Ребенком она вымещала свой гнев на кукле, изображавшей проклятого Бонапарта. Эту ненависть постоянно подогревала ее мачеха Мария-Людовика, урожденная эрцгерцогиня Модена-Эсте. Ее отец был наместником австрийского императора в Ломбардии^[47], откуда ему со всей семьей пришлось бежать в Вену, когда в 1796 году французские войска под командованием Наполеона заняли Милан. Более глубоко в вопросы высокой политики Мария-Луиза не вникала и жила простыми

девичьими мечтами о прекрасном принце, что при ее высоком происхождении вовсе не было беспочвенными фантазиями.

Тем временем ее судьба решалась далеко от родных мест. В сентябре 1809 года «польская любовница» императора Наполеона I, графиня Мария Валевская, известила его о своей беременности. Новость, что он способен быть отцом, заставила его принять кардинальное решение: ему надлежит срочно развестись с любимой, но уже неспособной к рождению детей супругой Жозефиной и вступить в брак с принцессой из какой-то уважаемой династии с глубокими историческими корнями, дабы обеспечить свой престол наследником. Особой привередливости Наполеон не проявлял, во всеуслышание заявив своему канцлеру Камбасересу:

– Я женюсь на чреве!

Выбор был не особо велик: либо русская великая княжна, либо австрийская эрцгерцогиня, либо саксонская принцесса. Вдовствующая императрица Мария Федоровна наотрез отказалась отдать свою дочь «корсиканскому разбойнику», но вот эрцгерцогиня Мария-Луиза, мать которой родила дюжину детей, а бабки – по полтора десятка (в ее родословной были такие замечательные предки как великий император Карл V, великая императрица Мария-Терезия и по материнской линии – целая вереница великих французских королей), показалась Наполеону самой подходящей кандидатурой. Император со свойственной военному решительностью не видел причин медлить с зачатием будущего сына, и дипломаты, отбросив все привычные процедуры, срочно принялись за дело. У находившейся в то время в венгерском городе Офен Марии-Луизы почему-то возникли некие смутные предчувствия, не предвещавшие ей ничего хорошего. 5 января 1810 года она написала отцу такое письмо:

«Дражайший папа..., те многие доказательства вашей отеческой снисходительности и доброты, каковые вы дали мне, побуждают меня осмелиться на совершение шага, который я охотно отложила бы до вашего прибытия в Офен, однако же самые последние события побуждают меня к необходимости без промедления излить вам свое сердце. Сегодня я прочитала в газете о разводе Наполеона со своей супругой; должна признаться вам, дорогой папа, что я была сильно обеспокоена. Та мысль, что не исключена возможность моего включения в ряд тех особ, которые, возможно, были бы предложены в

качестве его будущей супруги, подвигла меня сделать вам признание, которое я приношу в ваше отеческое сердце. Вы не раз изъявляли доброту заверить меня, что никогда не будете принуждать мою склонность. За время моего пребывания в Офене мне представилась благоприятная возможность познакомиться с эрцгерцогом Францем^[48] и открыть в нем все те качества, которые смогли бы сделать меня счастливой. Я призналась в этом маме, которая имеет справедливые притязания на мое неограниченное доверие и была столь добра, чтобы предоставить мне сию благоприятную возможность и сообщить вам о моих чувствах. В уверенности, что я не могу вручить мою судьбу в лучшие руки, нежели ваши, ожидаю вашего решения с ощущениями детского благоговения и любви, каковые испытывала всегда, дражайший папа, ваша нижеподданнейшая послушнейшая дочь Луиза».

Не следует удивляться заискивающему тону этого письма, девушка понимала тщетность своих надежд на брак с эрцгерцогом Францем Модена-Эсте, ибо как дочь императора она была предназначена для замужества на более высоком уровне. Но потерпевшему не одно поражение от Наполеона императору Францу I было не до нежных чувств молоденькой дочери, и он без малейших колебаний дал свое согласие на этот унижительный для него союз. Но недаром императорская дочь была воспитана в духе беспрекословного послушания! Когда министр иностранных дел граф фон Меттерних явился к ней для проформы испросить ее согласие на вступление в этот брак, внушавший девушке смертельный ужас, Мария-Луиза с большим достоинством ответила:

– Я желаю только того, что приказывает мне желать мой долг. Когда речь идет об интересах государства, я должна следовать им, а не своим чувствам. Молите моего отца руководствоваться его долгом императора, а не интересами моей особы.

Сам Меттерних не питал особых иллюзий как насчет ума эрцгерцогини (как будто предчувствовал, что Марии-Луизе суждено стать для него крестом еще на много лет в будущем. К слову сказать, зная его нерасположение, она платила ему той же монетой), так и насчет прочих ее качеств, ибо внешность этой блондинки с синими глазами не представляла собой ничего из ряда вон выдающегося. Для

него она была лишь одной из нескольких дочерей императора, которые все представлялись ему на одно лицо.

– Ликом она скорее дурна, нежели пригожа, но хорошо сложена и, если ее немного обиходить и приодеть, будет выглядеть привлекательно, – весьма прагматично высказался министр иностранных дел.

Известный острослов князь де Линь выразился еще более хлестко:

– Австрия преподнесла Минотавру прекрасную телку!

Императору Францу стукнуло 42 года, его будущему зятю Бонапарту – 40 лет. Чтобы не ударить в грязь лицом, Франц I, невзирая на тяготы ведения войн, дал за дочерью солидное приданое в размере полумиллиона франков и драгоценностей на двести тысяч гульденов. Венчание в венской церкви августинцев было произведено по доверенности. Поскольку размер пальца Наполеона был неизвестен, архиепископ Вены для верности благословил одиннадцать обручальных колец. Австрийская аристократия расценивала этот брак как унижение Габсбургов.

Наполеон, обладавший неограниченными финансовыми ресурсами, из кожи вон лез, чтобы угодить столь высокородной молодой жене, так что в Париже для нее было приготовлено огромное роскошное приданое. Впервые встретившись с суженой, император спросил, каким образом ее напутствовал отец:

– Он мне сказал, что, как только я окажусь наедине с вами, я должна делать абсолютно все, что вы мне скажете, и что я должна повиноваться во всем, что бы вы ни потребовали.

– И она проделала все это смеясь, – рассказывал Наполеон впоследствии. На следующий день после первой брачной ночи он заявил своему холостому адъютанту:

– Дорогой мой, женитесь только на немке. Немки – лучшие женщины в мире: нежные, добрые, наивные и свежие как розы! – Неискушенность молодой жены показалась ему глотком свежей воды по сравнению с первой женой Жозефиной, в совершенстве владевшей всеми тонкостями французской любовной науки.

Коронованная австриячка^[49]

2 апреля 1810 года Мария-Луиза была обвенчана с Наполеоном и тут же коронована императрицей Франции. На церемонии отсутствовала половина кардиналов, усомнившихся в правомочности обряда, поскольку папа римский не признал первый брак Наполеона недействительным.

Медовый месяц императора длился почти год. Оказалось, что молодая жена во всех отношениях удовлетворяла его как партнерша в постели. Мария-Луиза унаследовала чувственность и сексуальный аппетит отца, поэтому жизнь замужней дамы ей пришлось вполне по вкусу. Быстро освоившись в новом статусе, она вскоре направила близкой подруге Виктории де Путе, сообщавшей ей о своем браке с графом де Креннвилем, следующее пожелание:

«Желаю вам наслаждаться таким же счастьем, которое испытываю я».

В другом письме Мария-Луиза благодарила небеса за дарованное ей великое счастье и отца за то, что он не выдал ее замуж за своего брата, эрцгерцога Карла^[50]. Правда, бракосочетание не обошлось без дурной приметы. По случаю свадьбы императора австрийский посол в Париже устроил празднество в специально построенном из дерева легком павильоне. В разгаре торжества от свечи загорелось бумажное украшение, и вскоре все хлипкое строение было объято пламенем. В огне погибло множество охваченных паникой высокопоставленных гостей, включая невестку посла, княгиню фон Шварценберг. Seriously пострадал посол Российской империи во Франции, уже известный нам Александр Борисович Куракин, получивший столь сильные ожоги, что полностью не смог поправить свое здоровье до самой смерти.

Наполеону льстило, то, что молодая и чувственная женщина воспринимала его как первоклассного любовника. В свою очередь, император ревновал ее и не желал, чтобы супруга хотя бы пару минут провела наедине с другим мужчиной. Он закатил жестокую головомойку придворной даме, на несколько минут покинувшей комнату, где императрице давал урок музыки известный итальянский композитор Фердинандо Паэр, которому Наполеон весьма благоволил.

Мария-Луиза, в свою очередь, продолжала писать Виктории де Кренневиль:

«Я могу быть счастлива лишь подле него..., не могу надолго разлучаться с ним. День, проведенный без письма от него, повергает меня в отчаяние».

Наполеону также нравилось то, сколь рачительной хозяйкой оказалась австриячка, в отличие от мотовки Жозефины. Надо сказать, что император также несколько изменил свое поведение. Если ранее он был натуральным трудоголиком, то теперь вставал с постели поздно, опаздывал на заседания Государственного совета, работал много медленнее, планировал, да так и не собрался лично выехать в Испанию, где безнадежно увязла в борьбе с воинственным коренным населением его армия. Наполеон стал уделять больше внимания своей одежде и тонкостям придворного этикета. Он даже изменил своему обычаю тратить минимум времени на прием пищи и долго просиживал за официальными торжественными трапезами, настаивая, чтобы выбор десертов составлял не менее 14 блюд.

Зато многочисленные враги использовали его привязанность к молодой супруге для уничижительного высмеивания, и на Наполеона как из рога изобилия сыпались весьма низкопробные пасквилы и карикатуры. Особенно старались англичане, вовсю издевавшиеся над сорокалетним «Напо» и «Попо», как ласково называла мужа Мария-Луиза, занимавшимся любовью с женщиной на полголовы выше его. Они вкладывали в уста возлежавших на брачном ложе супругов рискованно двусмысленные диалоги, ставившие под сомнение сексуальную полноценность императора. Кстати, невзирая на все достоинства молодой жены, некоторые ее привычки раздражали Наполеона. Тут следует напомнить, что он имел общую спальню с Жозефиной и считал это неотъемлемым правом жены. Мария-Луиза была против того, чтобы муж ночью вставал с постели, даже по малой нужде. К тому же она не терпела ночников в спальне, что было непривычно для него, и Наполеон впоследствии признавался, что иной раз отказывался от мысли посетить спальню жены.

Он взял ее с собой в поездку по Бельгии, Голландии и немецким княжествам на берегах Рейна. В отличие от Жозефины, которая исполняла представительские функции с такой безупречностью и естественностью, будто родилась в королевском дворце, Мария-Луиза

его разочаровала. Она держалась скованно, холодно и высокомерно, совершенно не умела вести светскую беседу, ее утомляли бесконечные приемы, аудиенции и процессии. Императрица жаловалась на погоду, мигрень, боли в желудке (следствие, как выяснили врачи, чрезмерного потребления пирожных с кремом). Наполеон впоследствии вспоминал на Св. Елене, что «Мария-Луиза была застенчива и испугана в обществе французов, которые казнили ее тетку».

Тем не менее, она исполнила мечту сорокалетнего Бонапарта, родила в марте 1811 года долгожданного сына, окрещенного Наполеон Франсуа Жозеф Шарль. Разумеется, супруг всячески баловал Марию-Луизу, определив ей огромное содержание и осыпая дорогостоящими подарками. Но все кончилось 25 января 1814 года с падением императора. Наполеон в последний раз обнял жену и сына, а уже в апреле Марии-Луизе пришлось вернуться в Вену, в отчий дом Габсбургов. Ее сын был отдан на воспитание деду, скорее в качестве пленника, нежели родного внука. Из Франсуа он превратился во Франца, а его обучение было устроено таким образом, что ребенок забыл французский язык и позднее ему пришлось учить его заново.

Сосланный на Эльбу Наполеон тщетно призывал жену воссоединиться с ним, даже подготовил для ее проживания целый этаж в своей вилле. Потолок в гостиной был расписан на аллегорическую тему с изображением двух голубков, разделенных облаками, но соединенных лентой с надписью «Супружеская верность». Однако молодая женщина под всяческими предлогами уклонялась от поездки на Эльбу.

Герцогиня Пармы и Пьяченцы

Победившие Наполеона союзники отдали Марии-Луизе в управление герцогство Пармы, Пьяченцы и Гуасталлы с населением 400 тысяч человек в Италии, куда она и поехала. После перенесенных переживаний отставная императрица ощутила потребность в лечении и в июне 1814 года отправилась на французский курорт Экс-ле-Бен. Дальновидный князь Меттерних приставил к ней в качестве сопровождающего помощника австрийского генерала и дипломата Адама-Альберта фон Нейперга, причем снабдил его весьма недвусмысленными инструкциями, определявшими направление его действий:

«Граф фон Нейперг постарается со всей тактичностью отвлечь герцогиню от мысли о поездке на остров Эльба, поездке, которая опечалит отцовское сердце его величества императора, проявляющего нежнейшую заботу о благополучии своей любимой дочери. Он без колебаний использует любое средство в своей власти, чтобы отговорить ее от этой мысли...»

Граф Адам-Альберт фон Нейперг, камергер императорского двора, сделал прекрасную военную карьеру, которой не помешал тот факт, что он то ли на дуэли, то ли в ходе военных действий – тут источники расходятся, – потерял один глаз. Черная повязка на лице даже делала его более неотразимым, и соблазнить неопытную Марию-Луизу, которая не знала ни одного мужчины, кроме своего «Напо», было для него делом несложным. История даже сохранила точную дату падения Марии-Луизы: 27 сентября 1814 года. В тот день граф фон Нейперг вывез герцогиню на прогулку в горы. На обратном пути, неподалеку от часовни славного героя швейцарского народа Вильгельма Телля, их застигла ужасная гроза. Парочка была вынуждена искать приюта на постоялом дворе «У золотого солнца». Именно там, в простой спальне, ничуть не напоминавшей о роскоши французских опочивален, Мария-Луиза отдалась фон Нейпергу. Вернувшись в Вену, она написала своей фрейлине, герцогине де Монтебелло:

«Только представьте – в последние дни моего пребывания в Эксе император (Наполеон Бонапарт) слал мне одно письмо за другим, принуждая меня ехать к нему, бежать с помощью одного лишь меся-

Гуро и оставить моего сына в Вене... Я подумала, что это очень плохая идея, и откровенно сказала ему, что не могу приехать прямо сейчас. ... Я пока не поеду на остров Эльба и никогда не поеду (вы лучше всех знаете, как мало я этого хочу), но император такой легкомысленный, такой безответственный!»

Она поселилась в своем герцогстве Пармском, которым, надо сказать, управляла с истинно габсбургской рачительностью. В результате войн герцогство было разорено, на него была наложена огромная трехмиллионная контрибуция, народ буквальным образом обнищал. Мария-Луиза привезла с собой фон Нейперга в качестве обергофмейстера и министра. Вдвоем они сумели наладить как экономическую, так и культурную жизнь Пармы, ибо прекрасно образованный граф также был любителем музыки и покровителем искусств. В частности, в 1829 году в Парме премьерным спектаклем «Заира», опусом молодого, но уже заявившего о своем ярком таланте композитора Винченцо Беллини, был открыт оперный театр «Театро Дукале». В наши дни уже под названием «Театро Реджо» он славится высоким качеством своих постановок и взыскательными зрителями, которые не стеснялись освистывать таких знаменитостей как Лучано Паваротти.

Так что в историю этой итальянской провинции правительница вошла как «Добрая герцогиня Мария-Луиджа», до сих пор главная улица Пармы носит ее имя. По ее инициативе был построен мост через реку Таро, скотобойни, приведено в порядок мемориальное кладбище делла Виллетта, на котором после полувекового странствия упокоился прах великого скрипача Никколо Паганини, некоторое время служившего при дворе Марии-Луизы и награжденного герцогиней Константиновским орденом. Помимо этого было построено несколько больниц и приютов, отреставрирован герцогский дворец. Свою страсть к садоводству правительница удовлетворяла преобразованием герцогского парка, сотворив уникальный пример сочетания итальянского и французского стилей и открыв это место для общественного посещения.

Однако в интимной жизни Мария-Луиза превратилась в настоящую нимфоманку. Хотя после рождения первенца врачи заявили, что последующие роды были бы смертельно опасными для ее здоровья, герцогиня опровергла это мнение, произведя на свет сначала троих

детей: в 1817 году дочь Альбертину, в 1819 – сына Вильгельма-Альбрехта, в 1821 – девочку, умершую в младенчестве. Появление младенцев держалось в глубокой тайне, новорожденных отдавали на воспитание в семью доктора России. Из-за последствий своей неумеренной страсти Мария-Луиза совершенно забросила сына, воспитывавшегося в Вене^[51], отчего тот глубоко страдал. Герцогство Пармское было отдано его матери лишь в пожизненное управление, Франц не имел права наследования, поэтому дед в качестве возмещения пожаловал ему титул герцога Рейхштадского, происходивший от названия небольшого местечка в Богемии. Плодовитость герцогини Пармской приводила в отчаяние князя Меттерниха, но он ничего не мог поделать с любвеобильной женщиной. В результате частых родов и выкидышей Мария-Луиза быстро состарилась, пренебрегла чисто женскими пристрастиями, стала одеваться безвкусно и старомодно.

Вся эта история была сущим скандалом, поскольку оба любовника официально состояли в браке. Правда, жена фон Нейперга скончалась еще в 1815 году, оставив ему четверых сыновей, но Мария-Луиза потеряла мужа только 5 мая 1821 года. Печальное известие, полученное ею лишь 16 июля, ничуть не огорчило молодую женщину: невзирая на пребывание на последнем месяце беременности, уже через пару дней она отправилась в оперу на представление «Севильского цирюльника». Свои ощущения по поводу смерти мужа она выразила в письме к своей подруге:

«Известие сие меня чрезвычайно взволновало. Я не могу забыть, что он был отцом моего сына и, вопреки общему мнению, относился ко мне совсем не плохо и всегда с уважением, а на большее в политическом браке и рассчитывать не следует. Поэтому известие о его смерти чрезвычайно меня огорчило, и, хотя надо радоваться, что он окончил свою несчастную жизнь по-христиански, я бы предпочла, чтобы он жил еще долго и счастливо, только вдали от меня».

Перед смертью Наполеон наказал своему доктору Антоммарки:

– Я хочу, чтобы взяли мое сердце, поместили его в сосуд с вином и отвезли в Парму моей дорогой Марии-Луизе. Скажите ей, что я любил ее всем сердцем.

Узнав об этом, Мария-Луиза переполошилась и написала отцу:

«Я хочу только одного – чтобы его сердце оставалось в его могиле. Недоброжелатели используют его как предлог для паломничества в Парму, и сие причинит мне сильную боль, потому что больше всего на свете я хочу мира и покоя...»

Губернатор острова Св. Елены, сэр Хадсон Лоу, не позволил доктору увезти эту реликвию в Европу. Антоммарки приехал в Парму в октябре с намерением передать Марии-Луизе посмертную гипсовую маску Наполеона. Герцогиня отказалась принять доктора, попросив графа фон Нейперга под благовидным предлогом выпроводить нежеланного посетителя за дверь. Некоторое время спустя врач Герман Роллет увидел, как дети управляющего Марии-Луизы «играют с каким-то предметом из гипса, к которому они привязали веревку и таскали его по полу наподобие кареты». Роллет поднял этот предмет и узнал посмертную маску Наполеона. Неизвестно, что случилось с браслетом, сплетенным из волос покойного императора, присланным ей камердинером Наполеона Маршаном. Он отправил реликвию герцогине по почте, ибо полиция не дала ему разрешения на въезд в Парму.

Через три месяца после смерти Наполеона Мария-Луиза тайно обвенчалась ^[52] с фон Нейпергом. Поскольку муж был намного ниже герцогини по рождению, брак считался морганатическим, рожденные в нем дети – в 1722 году дочь Матильда, в 1723 – сын Густав, не считая нескольких выкидышей, – оказались на положении бастардов. Их не считали законными носителями фамилии отца даже сыновья фон Нейперга от первого брака. В конце концов император Франц, скрепя сердце, дал им титул графов Монтенуово ^[53].

В 1829 году фон Нейперг, у которого было неважное сердце, скончался от водянки. Потеряв верного любовника, Мария-Луиза совершенно распоясалась, вступая в беспорядочные отношения со всеми подряд, начиная с гувернеров своих детей, камергеров, оперных певцов и тому подобного пестрого люда. Наиболее скандально выглядела ее связь с тридцатилетним очень богатым пармским аристократом Санвители, графом Фонтанелло. Пикантным является тот факт, что он сделал предложение ее 14-летней дочери Альбертине. Правда, Мария-Луиза отложила свадьбу на два года, пока невесте не исполнится 16 лет, но шуму эта романтическая привязанность наделала немало. В назначенный срок венчание дочери герцогини

состоялось, и, как уверяют современники, это был очень гармоничный и счастливый брак. Мария-Луиза продолжала множить свои похождения, следуя, как снисходительно пытаются оправдать ее официальные биографы, «злополучному физиологическому предрасположению» и «унаследованному темпераменту». Недаром ее старший сын, получивший от деда титул герцога Рейхштадского, с горечью высказался:

– Моя мать добра, но она такая слабая... Отец заслуживал другой жены.

Тут следует отметить, что сам Наполеон, невзирая на измену супруги, ни единым словом не упрекнул ее, написав:

«Моя возлюбленная жена Мария-Луиза никогда не вызвала во мне иных чувств, кроме восхищения; до самой последней минуты я сохраняю нежную привязанность к ней».

В 1832 году скончался первенец Марии-Луизы, герцог Рейхштадский. Надежда его прославленного отца, молодой человек, проявлявший незаурядные дарования, стал жертвой чахотки. Похоже, смерть сына не произвела на мать глубокого впечатления, она продолжала прежний образ жизни.

Упорядочением сексуальной всеядности герцогини Пармской вновь пришлось заниматься князю Меттерниху. Он назначил на вакантные должности обергофмейстера и министра лотарингского дворянина Шарля-Рене де Бомбея, вдовца с четырьмя детьми. За него Мария-Луиза в 1834 году вышла замуж и прожила с ним до самой своей смерти в 1847 году. Она не утихомирилась, продолжая увлекаться мужчинами, в частности, изменив мужу со сладкоголосым оперным тенором Жюлем-Франсуа Лекомтом. Даже родственники были вынуждены признать, что Мария-Луиза скончалась не столь уж престарелой дамой от «злоупотребления чувственными удовольствиями».

Плененные любовью – эрцгерцог Иоганн-Батист и дочь почтмейстера

Надо сказать, что в XIX веке среди Габсбургов начала проявляться весьма нездоровая тенденция, которая со временем лишь усиливалась. Члены этой родовитейшей династии стали склоняться в пользу браков с простолюдинками, без малейшего колебания не только отвергая самых выгодных в любом отношении невест, но и отрекаясь от всех привилегий членов клана Габсбургов. До XIX век известен был единственный случай морганатической женитьбы эрцгерцога Фердинанда II Габсбурга на дочери уважаемого горожанина Филиппине Велсер. Но вот в правление императора Франца I случилась история любви, которая приобрела легендарный характер.

Одной из скреп, цементирующих историю становления любой нации (напоминаем, что Австрия до превращения из великой державы в небольшое рядовое европейское государство была конгломератом кардинально отличавшихся друг от друга народностей), наряду с грандиозными битвами, крупными захватами чужих территорий, неоспоримыми культурными достижениями является романтическая история о всепобеждающей любви, зачастую носящая полумифологический характер. В Австрии она случилась самым подлинным образом, без особых приукрашиваний на уровне легенды, и ее героями являются вполне реально существовавшие люди: эрцгерцог Иоганн Габсбург (1782–1859) и простолюдинка Анна Мария Жозефина Плохль (1804–1885).

Эрцгерцог Иоганн-Батист (1782–1859), тринадцатое чадо императора Леопольда, был человеком незаурядным. Кстати, он выделялся среди всей родни уже собственным именем, совершенно нетипичным для Габсбурга. Дело было в том, что родители на момент его рождения были великими герцогами Тосканскими, а святой Иоганн Креститель является покровителем города Флоренции, столицы Тосканы. Примечательно, что мальчик сначала заговорил на итальянском языке, затем к нему добавился французский, и только значительно позднее – немецкий. Хотя его образование традиционно для Габсбургов имело военный уклон, подросток, не в последнюю

очередь вследствие своей природной любознательности и дотошности, получил солидные знания по естественным, техническим и социальным наукам. Его молодость пришлась на период наполеоновских войн, в которых он с переменным успехом принимал деятельное участие, но звание фельдмаршала, заслуженно или по традиции, в итоге все-таки получил. Тут уместно будет напомнить, что в 1807 году скончалась вторая жена императора Франца I, и великая княжна Екатерина Павловна затеяла сложную интригу, чтобы занять вакантное место. Ей вместо императора предложили на выбор как раз эрцгерцогов Фердинанда и Иоганна, но ее такой вариант не устроил.

После того как пушки умолкли, эрцгерцог, активно интересовавшийся альпинизмом, охотой и последними достижениями в технике и сельском хозяйстве, занялся развитием вверенной ему области империи, герцогства Штирия. Еще в 1800 году он посетил Тироль и, по его собственным словам, испытал «ту неизменную и непоколебимую любовь... к этой земле, на каковую она ответила преданной взаимностью, и каковую я унесу с собой в могилу». Причем надо учитывать, что все его действия по ускорению развития этой области совершались исключительно на основании чисто частной инициативы. Когда вследствие неблагоприятных погодных условий и последовавшего неурожая в 1816-17 годах эту часть государства поразил жестокий голод^[54], он лично раздавал населению картофель, побуждая крестьян к выращиванию этой культуры.

Ему сильно помогло получение в 1822 году крупного наследства в 200 000 гульденов после смерти дяди, герцога Альберта Саксен-Тешенского, супруга его родной тетки, вышеупомянутой нами Марии-Кристины, любимой дочери императрицы Марии-Терезии. Это позволило ему приобрести ряд поместий и заводов, которые он превратил в образцовые предприятия, управлявшиеся на основании последних достижений в соответствующих отраслях. Передовые способы он изучал во время посещения Великобритании, где буквально заболел локомотивами и впоследствии стал одним из горячих сторонников создания сети железных дорог в Австрии. Иоганн даже сделал национальной одеждой области Штирия серую с зеленой отделкой куртку из грубого непромокаемого сукна, которую ранее носили только охотники. Благодарные штирийцы сочинили в

честь эрцгерцога несколько песен-иодлей, сохранившихся по наши дни.

Как водится в этом мире, все то полезное, что Иоганн-Батист сделал для Штирии – он также был крупным благотворителем и меценатом, – со временем забылось, и имя одного из многочисленных Габсбургов было бы предано забвению, если бы не история его женитьбы на простолюдинке. Анна-Мария Плохль, в семье Нани, была первенцем уважаемого обывателя городка Бад-Аусзее Якоба Плохля и его жены Марианны. Исконно глава семьи занимался перевозками товаров, но в 1809 году смог поступить на государственную службу в качестве королевско-императорского почтмейстера. Жена Якоба исправно рожала каждый год по ребенку, так что девочке с ранних лет приходилось разделять с ней многие домашние заботы. В 1821 году, после рождения тринадцатого по счету младенца, мать семейства скончалась, и все обязанности по ведению хозяйства легли на плечи Анны. Именно поэтому у девушки с ранних лет выработался трезвый и практичный подход к житейским проблемам, что впоследствии объясняет ту ловкость, с которой она справлялась с управлением обширной собственностью эрцгерцога.

Об этой истории было написано немало книг и снято несколько фильмов. Согласно легендам, окружающим ее, эрцгерцог Иоганн, будучи холостяком, познакомился с Анной, когда ей было пятнадцать лет (т. е. 22 августа 1819 года), а ему на 22 года больше. По одной версии, он был немедленно поражен ее свежестью, непосредственностью, красотой и начал регулярно наезжать в дом почтмейстера. По другой версии, знакомство произошло совсем уже романтическим образом. Иоганн, который пребывал в постоянных разъездах, приехал на почтовую станцию в Бад-Аусзее и потребовал сменить лошадей, дабы продолжать свой путь. По какой-то причине не оказалось свободного кучера, и сообразительный Якоб живо передел дочку в мужскую одежду и усадил ее на облучок кареты. Иоганн моментально распознал подмену, но девушка запала ему в душу.

На самом деле эрцгерцог впервые встретил Анну, когда ей было всего 12 лет. Девочка поразила его своей неподдельной веселостью, когда вместе с ним в кругу жителей городка лихо отплясывала так называемый «переменный танец»^[55], но потом моментально затерялась в толпе. Впрочем, эрцгерцог тогда узнал от местного

чиновника Риттера, что его партнерша является дочерью местного почтмейстера.

Когда Анне исполнилось 15 лет, она превратилась в очаровательную девушку, и эрцгерцог время от времени навещал дом ее отца. Встречи были совершенно невинными: беседы на деревенской скамейке на берегу реки, прогулки на лодке. Во всяком случае, так изображается в романах и фильмах. На самом деле, как выяснилось всего пару десятилетий назад на основании обнаруженной переписки эрцгерцога с местными чиновниками, с которыми у него сложились дружеские отношения, дело обстояло не так просто.

Возможно, Иоганну потребовалось не слишком много времени, чтобы принять решение жениться на Анне. Похоже, физически она к тому времени вполне созрела для вступления в брак. Но дело осложнялось тем, что Анна уже обзавелась возлюбленным. Им стал Винценц Пфайфер, сын пекаря из города Леобен. В местном обществе он имел репутацию легкомысленного любителя поволочиться за женщинами. Пфайфер служил на колесном заводе в городке Форденберг и состоял с Анной в переписке. Время от времени молодые люди даже обменивались подарками. Во всяком случае, точно известно, что Анна подарила Пфайферу кольцо, не иначе, как в знак вечной любви. Возможно, эрцгерцогу Иоганну удалось склонить девушку на вступление в брак с ним, но он понимал опасность того, что Винценц впоследствии может шантажировать их наличием писем, в которых, надо полагать, простодушная красавица давала полную волю излипаниям своих чувств.

В 1822 году Иоганн купил колесный завод и через местного чиновника начал вести переговоры с Пфайфером и его отцом Иоахимом о возвращении писем и отказом от каких бы то ни было притязаний на руку Анны. Молодому человеку также надлежало уволиться с завода. Потерю должности, которая, надо полагать, неплохо оплачивалась, Иоганн компенсировал тем, что при помощи дворцового ведомства устроил Винценца на прохождение трехлетнего курса обучения в Горной академии города Хемниц и взял на себя все расходы по его переезду туда и полному содержанию.

Эта история осложнялась еще тем, что овдовевший Якоб Плохль вздумал жениться на двоюродной сестре Винценца и был очень недоволен тем, что ему в этом предприятии помешала сердечная

склонность дочери. В конце концов проблемы уладились, ко всеобщему удовлетворению. Правда, Плохль-старший вступил в брак с другой женщиной. Впрочем, вполне возможно, что именно кузину Винценца не прельстила перспектива замужества с отцом выводка из дюжины детишек. Никем не оспаривается дата 9 августа 1822 года, когда Иоганн на мосту через реку Энн воодушевленно произнес:

– Нани, я никогда не расстанусь с вами!

Наверняка его также вдохновило на этот смелый шаг полученное от дядюшки крупное наследство, освобождавшее его от необходимости искать богатую невесту.

Эрцгерцог хотел уже в следующем году жениться на своей избраннице, но император Франц I отказал брату в разрешении на брак с простолюдинкой. При венском дворе подобная идея рассматривалась как неслыханное нарушение вековых устоев династии. Надо сказать, что в своей чрезвычайно консервативной семье Иоганн имел репутацию либерала. Он часто буквально шокировал как императора, так и родню своими идеями по устройству государства и экономики, но, тем не менее, до смерти хранил полную лояльность короне.

Долгая дорога к признанию

Началась долгая изматывающая борьба двух любящих людей за простое человеческое счастье. В конце концов император разрешил брату взять Анну в дом лишь в качестве домоправительницы. Это возмутило Якоба Плохля, который понимал, что дочь безвозвратно погубит свою репутацию. В конце концов 20 сентября 1823 года Анна переехала в Форденберг, где очень уединенно жила в доме эрцгерцога, ибо венская родня настаивала на соблюдении приличий. Анна чувствовала себя подавленной, ее угнетали косые взгляды жителей Форденберга, их перешептывание за ее спиной, упреки отца по поводу того, что она запятнала не только свою честь, но и честь его семьи. В конце года до нее дошли слухи, что Винценц Пфайфер, обучавшийся в Горной академии, заболел, в следующем году он умер. Весть о его кончине погрузила Анну в глубоко удрученное состояние. Когда же эрцгерцогу донесли о смерти его бывшего соперника, он всего лишь сухо заметил:

– Жаль, юноша был не лишен дарований.

В конце апреля 1824 года Анна переехала в образцовое поместье эрцгерцога Брандхоф, купленное им еще в 1818 году. Иоганн часто бывал в разъездах, они поддерживали активную переписку и завели трогательный обычай. Оба, как это было принято в то время, вели дневники, и после возвращения Иоганна обменивались ими для прочтения. Эрцгерцог не переставал бомбардировать брата-императора просьбами о получении разрешения на брак, и наконец Франц пошел на уступку, но не до конца. 18 февраля 1829 года, поздним вечером, Анну и Иоганна обвенчали в часовне Брандхофа, но брак должен был держаться в тайне, и дети не имели права претендовать на фамилию Габсбург. Лишь в 1833 году Иоганн получил разрешение открыто называть Анну своей супругой, в следующем году она была принята в нижний ранг дворянского сословия и получила фамилию по названию поместья.

Иоганн продолжал свою бурную деятельность по модернизации Штирии, вводя новые методы ведения сельского хозяйства, виноградарства, выращивания скота, механизации работ, под конец жизни он даже стал бургомистром небольшого городка Штайнц,

случай, беспрецедентный для Габсбурга. В отсутствие мужа Анна прекрасно справлялась с управлением поместьем. В 1839 году родился единственный сын четы Франц, которому отец сумел выпросить титул графа Меранского. В 1850 году, уже при императоре Франце-Иосифе I, графиней Меранской стала и сама Анна – Габсбурги признали за ней неоспоримые качества идеальной супруги, хотя при дворе она так и не была принята.

Надо сказать, жена Иоганна была не только щедрой благотворительницей, прекрасной хозяйкой, но и отличной кулинаркой, видимо, уже в детстве усвоив ту нехитрую истину, каким образом легче всего проложить путь к сердцу мужчины. Некоторые из изобретенных ею блюд стали, как теперь принято выражаться, фирменными для кухни Штирии. Со временем семья переехала в город Грац, в замок Мерано, где Анна проживала после смерти мужа в одиночестве, занимаясь в основном благотворительностью. Одна из больниц города, основанная ею для лечения детей и впоследствии сильно расширенная, по сию пору носит ее имя.

Любовь этой пары пережила все испытания, и память о ней сохранена в Штирии несколькими установленными там памятниками. Хотя Франц был единственным отпрыском у родителей, сам он, женившись на столбовой дворянке, стал отцом семерых детей. В наши дни число потомков Анны и Иоганна превышает тысячу человек. Они преданно чтят память своих замечательных предков, устраивают в их честь праздники, издают книги. Например, в 1839 году эрцгерцог Иоганн своим пером весьма поэтично описал историю этой любви под названием «Брандхофер и его жена». Потомки издали эту небольшую повесть еще в 1930 году и поступили правильно, ибо в 1945 году оригинал рукописи, большая часть дневников и письма предков были утрачены вследствие военных действий. После войны история была переиздана и, как уже упомянуто выше, не раз экранизирована.

Глава 3

Закат земель

Эрцгерцогиня Софи – «единственный мужчина венского двора»

Здесь требуется сделать расширенное отступление и пояснить, каким образом на троне в 1848 году после революционных потрясений по всей Европе, захвативших также и Австрию, оказался 18-летний эрцгерцог Франц-Иосиф. Еще ранее стоило бы упомянуть, что после поражения императора Наполеона I положение Австрии усилилось. По результатам решений Венского конгресса империя вернула свои земли, захваченные врагом, вдобавок получила в Италии территории провинции Ломбардия и бывшей Венецианской республики, а также обрела главенствующее влияние в раздробленной Германии, кое-как объединенной в Германский союз. Все попытки подчиненных территорий учинить мятежи жестоко подавлялись.

Как повествовалось выше, император Франц I был женат четырежды, причем трижды – на близких родственницах. Невзирая на нескольких выживших детей, сыновей из них осталось всего двое, Фердинанд (1793–1875) и Франц-Карл (1802–1878). В Фердинанде I проявились все последствия кровосмесительных браков: еще в детстве этот рахитик сильно отставал в развитии, у него быстро установили гидроцефалию, и рано выявились припадки эпилепсии. Тем не менее, по смерти отца в 1835 году он, как законный наследник, взошел на престол и начал исполнять свои обязанности. Это не доставляло ему особого труда, ибо всем заправлял Тайный государственный совет. Этот орган власти состоял из трех человек: брата императора, эрцгерцога Франца-Карла (1802–1878), личности совершенно ничтожной, канцлера, уже известного читателю князя фон Меттерниха, и министра внутренних дел графа фон Коловрата.

Слабоумие Фердинанда I ни для кого не было секретом, поэтому, когда его младшему брату Францу-Карлу, человеку совершенно бесцветному, в 1824 году стали сватать баварскую принцессу, ее родные охотно дали согласие на этот брак. Они совершенно справедливо полагали, что старшему брату, правителю незадачливому и неспособному, со временем все равно придется уйти в отставку, и

тогда эрцгерцогиня Софи имеет все шансы стать австрийской императрицей.

Отец Софи, баварский король Максимилиан I, от двух браков произвел на свет полтора десятка потомков, причем с сильным перевесом в пользу женского элемента, поскольку Господь благословил его в числе дочерей двумя парами девочек-близнецов. Тем не менее, монарх сумел обеспечить их блестящими партиями: старшая, Августа-Амалия, по приказу Наполеона вышла замуж за его пасынка, вице-короля Италии Евгения Богарне, вторая, Каролина-Августа, сначала была замужем за королем Вюртемберским^[56], а во втором браке заняла место четвертой супруги императора Франца I и матери его осиротевших детей. Елизавета-Людовика стала королевой Пруссии. Амалию-Августу и Марианну выдали за саксонских принцев, и обеим, по прихоти судьбы, было суждено поочередно взойти на трон Саксонского королевства.

Жребии, выпавшие сестрам, равно как и перспектива стать императрицей Австрии, еще больше подогревали тщеславие и далеко идущие амбиции принцессы Софи. Она была не только неглупа, но и столь красива, что ее брат по отцу, король Людвиг I Баварский, заказал своему придворному художнику Й.-К. Штилеру ее портрет для своей «Галереи красавиц», расположенной в замке Нимфенбург близ Мюнхена. Софи была предпоследней дочерью короля Максимилиана I, по-видимому, на ней запас многообещающих женихов в Европе истощился. Последней из сестер, принцессе Людовике-Вильгельмине, даже не пришлось покидать родную Баварию. Ее выдали замуж за принца Макса Баварского из младшей линии правящего королевского рода Виттельсбахов, доброго, весьма безалаберного человека, любителя путешествий и хорошей выпивки в теплой компании простолюдинов. Но эту пару не следует обходить вниманием – их дочь стала одной из самых знаменитых коронованных красавиц Европы со странным и загадочным характером.

Итак, в 1824 году девятнадцатилетняя Софи появилась во дворце Хофбург и впоследствии снискала себе репутацию «единственного мужчины венского двора». Принцесса, будучи двойняшкой, очень горевала по своей сестре Марианне, с которой ее связывала тесная дружба. Молодой муж был весьма непривлекателен внешне и еще более убог духовно, но Софи полностью осознавала, в чем

заключается ее главная цель, и положила все силы на ее достижение. Первостепенной задачей было родить наследника, с чем ей не удавалось справиться в течение долгих шести лет. Эрцгерцогиня не была бесплодной, ибо перенесла два выкидыша, но долгожданный сын Франц-Иосиф появился на свет лишь в 1830 году. Надо сказать, что его рождение стало прекрасной рекламой для австрийского курорта Бад-Ишль, куда Софи прилежно и регулярно выезжала на лечение. Курорт стал престижным местом для международной аристократии, которая после 1830 года валом валила в этот живописный городок.

За первые годы своего замужества эрцгерцогиня Софи полностью освоила сложный этикет венского двора, назубок выучив перечень особ придворной аристократии и высших чиновников Австрийской империи объемом в тысячу двести страниц, и многому научилась. От скуки она часто общалась с герцогом Францем Рейхштадским, сыном сосланного Наполеона и эрцгерцогини Марии-Луизы. Юноша чувствовал себя при дворе деда чрезвычайно одиноким^[57]. Он был всего на шесть лет моложе Софи, женщины очень привлекательной. Отсюда неудивительно, что когда та наконец-то разрешилась от бремени долгожданным сыном, злые языки тут же приписали отцовство молодому герцогу. Надо сказать, что заболевший примерно в возрасте 16 лет чахоткой Франц вел активный светский образ жизни, имел несколько любовных интрижек, но очень любил проводить время в обществе эрцгерцогини Софи, которая называла его не иначе, как «мой старый милый друг». Здравомысляще настроенные историки считают сплетни об его отцовстве необоснованным злословием, поскольку по внешнему виду, характеру и всем повадкам флегматичный и консервативный Франц-Иосиф был типичным Габсбургом.

Однако злопыхатели вновь подняли головы, когда в 1832 году Софи родила второго сына Фердинанда-Максимилиана. Внешне он не имел ничего общего с уже сложившимся и устойчиво переходившим из поколения в поколение привычным обликом Габсбурга. У него отсутствовали как тяжелый подбородок, так и знаменитая выпяченная нижняя губа, а волосы и вовсе были рыжими. Впоследствии слухи о том, что он является потомком Наполеона, неоднократно доходили до принца, и Максимилиан сам порой имел обыкновение подшучивать на эту тему. Учитывая амбиции и весь жизненный путь эрцгерцогини

Софи, становится ясно, что эта женщина чрезвычайно глубоко осознавала свой династический долг и не стала бы заходить слишком далеко в своих отношениях с молодым человеком. В 1832 году герцог Рейхштадский скончался, и Софи искренне оплакивала его безвременный уход из жизни.

В 1834 году у эрцгерцогини родился очередной сын, Карл-Людвиг, личность совершенно заурядная; но его потомкам было суждено войти в историю не только Австрии. Речь идет, во-первых, о его сыне, Франце-Фердинанде, наследнике престола, чье убийство в Сараеве послужило искрой, запалившей Первую мировую войну. Во-вторых, один из внуков Карла-Людвига, Карл I, стал последним императором Австрии. Заслуга Софи в воспитании сыновей несомненна, она тщательно следила за этим процессом, стараясь не допустить, чтобы дети пошли по стопам их в высшей степени никчемного отца. Очень скоро эрцгерцогиню стали называть «тайной императрицей», каковое прозвище сохранилось за ней до конца дней. Надо отдать ей должное: эта женщина обладала невиданным политическим нюхом и трезво оценила ситуацию 1848 года, когда всю Европу сотрясла череда мощных революционных взрывов. Австрии пришлось даже прибегнуть к помощи императора всея Руси Николая I для подавления восстания в Венгрии, которое было осуществлено самым кровопролитным образом. Предводители восстания были схвачены и преданы суду, причем эрцгерцогиня Софи настаивала на самых жестоких приговорах.

Её желание иметь дочь привело в 1842 году к рождению последнего ребенка, который, к сожалению, оказался очередным сыном, принцем Людвигом-Виктором. На сей раз сплетники не стали утруждать себя предположениями относительно отцовства, ибо Софи, которой было под сорок, явно не представляла собой интереса для мужчин. Правда, сильное стремление матери родить девочку, видимо, отразилось на характере этого отпрыска, проявлявшего сильные гомосексуальные наклонности, о чем речь пойдет ниже.

События 1848 года выявили полную неспособность слабоумного Фердинанда I к управлению государством, поэтому он был вынужден отречься от трона, который, по праву наследования отошел его младшему брату, мужу эрцгерцогини Софи. Казалось, сбылась ее тайная мечта стать императрицей, чего еще можно было бы желать?

Но Софи за долгие годы брака осознала непригодность своего бесцветного супруга к правлению, она понимала, что настали другие времена, и Австрии требуется нечто более молодое и дерзновенное, в особенности, если этим монархом будет управлять проницательная и многоопытная мать.

Принц Франц-Иосиф был представителем, прекрасно держался в обществе и неоспоримо обладал здравым смыслом, развитым чувством долга и завидной работоспособностью. Эрцгерцогиня уговорила мужа отказаться от трона в пользу сына, и на престол взошел восемнадцатилетний император Франц-Иосиф I, просидевший на нем 68 лет, каковой срок полноправно был включен в список рекордных периодов монарших правлений. Он добросовестно служил эти годы своему отечеству, поднимаясь утром в четыре часа и проводя дни в трудах, имевших целью исключительно благо его чрезвычайно разномастных подданных.

К сожалению, что касается политической стороны его правления, история Австрия отмечена лишь вереницей потерь как территорий вместе с населением, так и такой неосязаемой вещи как политическое влияние. Номинально оставаясь империей, она утратила статус великой державы. Как это ни странно, период этот также отмечен расцветом культуры, многонациональное население лоскутной державы породило уникальный сплав характеристик, позволивший австриякам занять свое особое место на очень высоком уровне в сфере творческой жизни человечества. Но был и еще один тревожный показатель: Вена уверенно вышла на первое место в Европе по числу самоубийств. Отсюда случайно ли было появление Зигмунда Фрейда с его учением?

Но все эти итоги правления императора Франца-Иосифа будут подводиться уже после его кончины и падения империи, а в 1848 году при восхождении на трон молодого принца все были преисполнены радужного оптимизма и самых благих ожиданий. До последних дней своей жизни эрцгерцогиня Софи оказывала сильное влияние на своего сына. Бисмарк, посетивший Вену, заметил:

– Все политические ниточки находятся в руках матери императора.

Но энергичная дама не довольствовалась исключительно ролью серого кардинала в юбке. Она хотела полностью подчинить себе и интимную жизнь Франца-Иосифа.

Частная жизнь молодого императора

В 14 лет Франц влюбился в первый раз в фрейлейн Берту фон Марвиц, придворную даму королевы Пруссии. Романтическая история ограничилась парой свиданий, но Софи испытала нечто вроде паники: как бы послушный сын не ускользнул из-под ее влияния. Это видно из ее записи в дневнике:

«Франц испытывает нежные чувства к фрейлейн фон Марвиц. Такое сердечное чувство пробудилось в нем впервые. Сей мальчик, которого я все еще считала ребенком, переходит на склонности молодого мужчины. Мне кажется, что он более не принадлежит мне так, как раньше!»

Это увлечение прошло бесследно, но после того, как сын Софи стал императором, он, ведя в быту спартанский образ жизни, вовсе не отказывался от ее радостей. В первый год своего правления Франц-Иосиф уделял большое влияние придворной даме, графине Элизабет фон Угарте. Поговаривали, что именно она лишила его девственности в зимнем саду во время бала во дворце князей Кинских. Затем император окунулся в ту среду, откуда аристократы обычно рекрутировали женщин для ни к чему не обязывающих связей – театральную богему. Очаровательные и не связанные предрассудками общественной морали актрисы, певицы и, более всего, танцовщицы изъясляли безусловную готовность ублажить мимолетный каприз мужчины из большого света. Это приносило деньги, придавало вес репутации соблазнительницы, иногда способствовало получению ролей, за которые в театрах шло самое безжалостное сражение.

Надо сказать, эту среду не обошел своим вниманием и сын Наполеона. У него были романы с венскими аристократками – не дозвано, сколь далеко они зашли – с графиней Нандин Каролаи, урожденной принцессой фон Кауниц, графиней Лулу фон Турхайм, графиней Алмаши. Как-то он обратил свое внимание на певицу Терезу Пеш, у которой была репутация женщины, «наделенной умом и чувством». Приятели герцога Рейхштадского сообщили ей о высокой чести, и она изъявила полную готовность украсить собой жизнь молодого человека, часто страдавшего от приступов чихотки, одиночества и депрессии. Герцог в сопровождении одного из своих

друзей (кстати, это был сын графа фон Нейперга от первого брака) нанес ей визит в театральную уборную, но роман прервался, даже не начавшись, ибо молодому человеку не понравилась самоуверенность певицы – ему нужен был романтический флер.

Франц-Иосиф подходил к удовлетворению своих сексуальных потребностей более приземленно, предпочитая балетных танцовщиц из венских театров. История сохранила имена незначительных фигуранток Катарины Абель и Маргит Либеньи, отмеченных императорской милостью. Подобных увлечений сына Софи не боялась, но начала работать над тем, чтобы подыскать ему супругу – женатый император внушает больше уважения и создает у подданных ощущение устойчивости государства. Поскольку сестры Софи были замужем за немецкими монархами, эрцгерцогиня проводила через сына дружественную Германии политику и планировала выбрать ему в жены невесту из прусского дома Гогенцоллернов, свою племянницу Анну. Но Бисмарк оказался непреклонен в своей позиции: прусская принцесса ни в коем случае не должна переходить из лютеранской веры в католическую.

Тогда Софи решила найти невесту поближе, и, как это было принято у Габсбургов, с которыми она столь нерушимо сроднилась, сочла самой подходящей кандидатурой свою племянницу Хелену, дочь сестры Людовики и герцога Макса Баварского. Супруги воспитывали восьмерых детей, Хелен была старшей, очень красивой и благонаправной. Софи решила, что из нее под руководством мудрой свекрови выйдет прекрасная императрица. Но на сей раз послушный сын разрушил все планы матери: Франц-Иосиф остановил свой выбор на младшей сестре Хелен, пятнадцатилетней Елизавете, которую в семье ласково звали Сисси.

Покорительница сердец

Пожалуй, ни про одну супругу австрийского монарха не написано столько книг, сколько про императрицу Елизавету. Все прочие жены всегда стояли на заднем плане, посвятив свою жизнь исключительно рождению детей и богоугодным делам. В некоторой степени это было следствием принятого в Вене этикета испанского двора. Но Габсбурги недаром вступали в брак со своими родственницами, воспитанными в этом присущем семье духе. Франц-Иосиф I же по собственной воле женился хоть и на близкой родственнице, но воспитанной в совершенно иных традициях. Она была наделена такой красотой и обаянием, что перед ней не мог устоять ни один человек. История императрицы Елизаветы известна широкой публике в основном по сентиментальной кинотрилогии австрийского режиссера Маришки с актрисами Роми Шнайдер и Карлом Бёмом в главных ролях, которая очень поверхностно освещает первые годы супружества императорской четы. Действительность, безусловно, была намного более прозаичной.

Сисси, третий ребенок и вторая дочь герцогов Баварских, Людовики-Вильгельмины и Макса, родилась в рождественскую ночь 1837 года, что сочли хорошим предзнаменованием. К тому же женщины, тотчас же окружившие ее, обнаружили, что у младенца уже прорезался первый зубик – знак исключительный. Крестной матерью новорожденной стала ее тетка, прусская королева Елизавета. Зимой семья проживала в Мюнхене, а летом, и, по возможности, как можно дольше, – в замке Поссенхофен, среди гор, на берегу Штарнбергского озера. Дети проводили свой досуг, не ограниченный аристократическим этикетом, с родителями и резвились на природе среди собак и лошадей, с детства привыкнув видеть в окрестностях диких животных.

После завтрака с отцом и матерью в восемь часов утра, дети до двух часов дня занимались с преподавателями. Сисси была любимой дочерью герцога Макса. Тот грешил сочинением стишков и рано понял, что этой мечтательной и рассеянной девочке не требуется строгих рамок воспитания. Предпочтительно, чтобы она без помех следовала своим наклонностям. При этом Сисси проявляла большую

скрупулезность в освоении того предмета, который ей нравился. Но ее не следовало терзать часовыми упражнениями за пианино, ибо она явно не имела музыкальных дарований. Зато девочка увлекалась рисованием и сочинением стихов. Поэтому герцог Макс часто вмешивался в работу воспитательницы, баронессы Луизы Вулфен, меняя учебный план и порядок уроков, а то и вовсе отменяя их.

В результате Сисси росла чрезмерно чувствительной. Ее характер отмечался быстрой сменой веселости и серьезности. Конечно, свежесть и непосредственность девочки вызывали восторг. Но она могла неожиданно проявлять капризность, негодование, совершенно необузданную энергию. Хотя ее стихотворения не поднимаются выше среднего уровня, тем не менее, они являются искренними излияниями ее души. Ей совершенно не было свойственно чувство долга, не говоря уже о способности жертвовать чем-либо в ущерб собственной свободе.

Жизнь Елизаветы резко изменилась всего за двое суток, с 16 по 19 августа 1853 года. Герцогиня Людовика по договоренности с сестрой Софи привезла в Бад-Ишль, где Франц-Иосиф должен был отпраздновать свой день рождения, дочерей Хелену и Элизабет на смотрины. Но разумная Хелена с ее безупречными манерами не произвела на молодого императора никакого впечатления, тогда как он моментально влюбился в пятнадцатилетнюю Сисси и сделал ей предложение, невзирая на недовольство матери. Франц-Иосиф считался чуть не самым завидным женихом Европы, а Сисси показалось, что она влюблена в своего блестящего кузена. Впоследствии императрица как-то высказалась по поводу браков в аристократических сферах следующим образом:

– Пятнадцатилетнего ребенка продают и связывают клятвой, которую он не понимает и о которой потом три десятка лет или больше сожалеет, но уже не может ее нарушить, – относительно взглядов Елизаветы на браки членов правящей династии будет сказано ниже, когда речь пойдет о женитьбе наследника престола Франца-Фердинанда.

Эрцгерцогиня Софи была вынуждена, скрепя сердце, дать согласие на брак сына. Сисси была потрясающе красива. В наше время она вполне могла бы стать лицом какого-нибудь дома высокой моды. При росте 1,72 м и окружности талии 50 см ее вес составлял 50 кг. Свой единственный недостаток – некрасивые зубы, присущий, впрочем,

подавляющему большинству людей той эпохи по причине недостаточного ухода за полостью рта, – она тщательно скрывала тем, что почти никогда не улыбалась. Отсюда незнакомых с этим фактом людей удивляет то, что на всех фотографиях и большинстве живописных портретов у нее грустный вид. Бдительная эрцгерцогиня Софи, примечавшая все, накануне помолвки подпустила сыну шпильку:

– У нее зубы желтые!

Обаяние Сисси сражало наповал всех, от аристократов самого безупречного происхождения до простолюдинов. Сисси почему-то с самого начала своего вхождения в семью Габсбургов проявила сильную приверженность вопросу не сказать независимости, но самостоятельности Венгрии в границах Австрийской империи. Напомним, что в 1848 году Венгрия сделала попытку поднять восстание для обретения независимости. Мятеж был подавлен самым безжалостным образом. Председатель Совета министров самопровозглашенного венгерского государства, граф Батяньи, был расстрелян, графу Андраши, представителю уважаемого старинного семейства удалось бежать в Англию, но он был заочно приговорен к смертной казни. Вдова Батяньи прокляла императора Франца-Иосифа:

– Да поразит Господь всех тех, кого он любит, во всем его роде!

Стоит ли удивляться тому, что впоследствии, за что бы ни брался император, не удавалось ему? Но все беды постигнут его потом, а пока он сходил с ума от любви, как юный студент. На его рабочем столе появился и не покидал его портрет Сисси. Франц-Иосиф буквально засыпал свою невесту подарками: на именины, день Святой Елизаветы, 17 ноября, она получила роскошную бриллиантовую брошь в виде букета роз, на Рождество, совпавшее с шестнадцатилетием Сисси, – великолепный букет живых роз из оранжереи Шенбрунна и розового попугая, возвращенного в вольере зоопарка все при том же замке. Девушке стоило только пожаловаться, что она мерзнет, – и Франц-Иосиф самолично в сопровождении матери отправился в Вене в модный магазин и выбрал шикарный салоп из голубого бархата, отделанный соболем.

Для невесты готовилось огромное приданое, причем девушка легкомысленно саботировала примерки; к счастью для портних ее идеальная фигура сильно облегчала их задачу. В Вене, во дворце

Хофбург, эрцгерцогиня Софи лично наблюдала за отделкой покоев из 26 помещений для молодой четы на свой вкус, не упуская ни малейшей детали. 4 марта 1854 года состоялось подписание брачного контракта, совершенно ошеломившее Сисси, которая видела в своей влюбленности и нескрываемой пылкой страсти жениха лишь проявление нежных, совершенно лишенных приземленных корыстных интересов, чувств. Отец мог дать за ней деньгами небольшое приданое, всего пятьдесят тысяч флоринов, но сто тысяч добавил ее будущий муж. Франц-Иосиф также обязался выделять Сисси сто тысяч флоринов ежегодно на личные расходы, что дало повод для появления кислой гримасы на лице эрцгерцогини Софи, ибо она получала в пять раз меньше. В случае потери мужа за Сисси сохранялось это содержание. Но больше всего потрясла девушку оценка ее девственности, так называемый «утренний подарок», который, согласно старинному обычаю, муж преподносит жене на утро после первой брачной ночи. Он должен был составлять 12 тысяч дукатов, новеньких, совсем недавно отчеканенных и уложенных в ларец.

В качестве свадебного подарка новобрачной Франц-Иосиф предназначил корону, инкрустированную бриллиантами, реставрация которой обошлась в сто тысяч флоринов. Для демонстрации членам императорской семьи ее выставили во дворце Шёнбрунн. Полюбоваться на нее прибыла вдова и четвертая супруга покойного императора Франца I, Каролина-Августа. Подслеповатая престарелая дама наклонилась, чтобы получше рассмотреть искусную работу придворного ювелира, и не заметила, как ее кружевная мантилья зацепилась за оправу драгоценного камня. Распрямившись, Каролина-Августа дама потянула за собой корону, которая со зловещим стуком упала на пол. Золотые зубчики короны погнулись, а два камня вылетели из оправы. Гофмейстер срочно повез корону к ювелиру, но весь двор пришел в волнение, сочтя происшедшее дурной приметой.

22 апреля Сисси прибыла во дворец Шёнбрунн. Однако девушка тут же ощутила на себе те ограничения, о которых и не подозревала. По прибытии в Шёнбрунн ей немедленно представили ее статс-даму, 56-летнюю графиню Эстергази-Лихтенштейн, основной задачей которой было днём и ночью напоминать Сисси о ее долге и обязанностях императрицы. Для начала она вручила ей два руководства — «Церемониал торжественного вступления ее светлости принцессы

Элизабет в Вену» и «Церемониал бракосочетания» объемом в 19 страниц. Эрцгерцогиня Софи втайне считала невестку недостойной своего сына и поставила себе задачей сделать из нее идеальную императрицу.

Жизнь в императорском дворце

Под венец Сисси убирали четыре часа. Облаченная в белое атласное платье, с шлейфом, расшитым серебром и гирляндами роз, с прической, переливающейся бриллиантами, она прибыла из загородного Шёнбрунна в Вену, где ее ожидал ошеломительный прием населения. Но на этом празднества завершились, и начались суровые будни, в которых Сисси практически не имела возможности побыть наедине с самой собой. Уже через две недели после бракосочетания она сочинила такие стихи^[58]:

Мне б только не свернуть с тропы,
Что главное несет – свободу.
На улице, среди толпы
Порой совсем не вижу броду.
Живу как в каменной темнице,
Сдавили тяжкие оковы.
Тоска в душе моей теснится.
Потеряна свобода снова.
Но, наконец, прошло похмелье,
Что жизнь мою в тисках держало.
Хочу забыть судьбы мгновенья,
Когда свободу потеряла.

Этими мотивами пронизано и все ее стихотворчество. Строгим правилам оказались подчинены даже самые незначительные бытовые стороны жизни молодой императрицы. Выяснилось, что она не должна носить пару туфель более одного дня, а затем обязана отдавать ее горничной^[59]. Она не имела права попросить за обедом пива – императрица не должна уподобляться посетительнице баварского трактира. Она не имеет возможности в сопровождении всего одной дамы выйти на центральную торговую улицу Вены и купить себе в модном магазине то, что ей хочется. Она была обязана обращаться к своей свекрови, приходившейся ей родной теткой, только на «вы». При

отъезде из Вены, например, для посещения родителей или отдыха в летнем дворце, полагалось писать эрцгерцогине Софи письма, начинавшиеся с обращения «Дорогая сударыня свекровь» и завершавшиеся смиренными словами «Целуя ваши руки вместе с императором, остаюсь ваша преданная невестка Елизавета».

Эрцгерцогиня Софи постоянно навязывала молодой чете свое общество и правила, а Францу-Иосифу не доставало смелости перечить матери. Как только супруги отправлялись на отдых вдвоем, Софи тут же следовала за ними. Когда Сисси произвела на свет детей, двух дочерей – Софи, Гизелу – и сына Рудольфа, – эрцгерцогиня тут же забирала их к себе и позволяла матери лишь минимальный доступ к ним. Но Сисси не собиралась смиряться и постоянно проявляла непокорность. Будучи первоклассной наездницей, она целыми днями носилась верхом, умиряя столь же непокорных скакунов и уделяя непозволительно много времени любимым собакам. Одна из ее фрейлин делилась со знакомыми дамами:

– Она живет для своих собак, держит их на коленях, подле себя или на руках и бьет блох на столе и даже в тарелках.

Целых 18 лет, вплоть до смерти эрцгерцогини Софи, Сисси упорно пыталась не дать поработить себя – но душа ее была глубоко травмирована. Любимый муж с утра до вечера был занят государственными делами, она же была лишена права не только побыть наедине с собой, но и иметь близких подруг, ибо, согласно этикету, 229 знатных дам из двадцати трех наиболее высокородных семей обладали правом свободного входа в ее покои в определенные часы. Всё это вызывало у Сисси регулярные приступы депрессии, время от времени ее здоровье сильно ухудшалось. Особенности опасения у окружающих оно стало вызывать после смерти трехлетней дочери Софи.

Ее заинтересованность в венгерском вопросе двор также считал неуместной, хотя, надо сказать, Елизавета внесла существенный вклад в завоевание симпатии венгерской аристократии и в тот факт, что в 1867 году империя Габсбургов превратилась в дуалистическую монархию Австро-Венгрию. После проигранных Австро-прусской и Австро-итальянской войн 1866 года империя потеряла свое влияние на немецкие государства и постепенно начала утрачивать статус великой державы. Австрияки составляли примерно лишь четверть населения

государства, поэтому ослабление Австрии на международной арене привело к тому, что оживились движения внутри страны за предоставление большей самостоятельности венграм, чехам и словакам. После обретения Венгрией относительной самостоятельности коронование Франца-Иосифа и Елизаветы королями Венгрии прошло чрезвычайно торжественно, при огромном стечении народа и в атмосфере небывалого воодушевления венгров. Сисси освоила необыкновенно трудный венгерский язык и обзавелась двумя придворными дамами из мелкопоместных венгерских дворян, с которыми ее со временем связала прочная дружба. Ее любимым местом стал замок Гёдёллё в Венгрии, подаренный ей мужем. Там, в обществе своих любимых лошадей и собак, она чувствовала себя дома.

Уже в тридцать шесть лет Елизавете было суждено стать бабушкой^[60], причем младшей дочери Сисси Мари-Валери исполнилось об ту пору всего 6 лет. Принцесса Гизела была помолвлена в возрасте пятнадцати лет с баварским принцем, что стало для матери неприятным сюрпризом. С ее точки зрения, чрезвычайная юность невесты и слишком близкие родственные связи между принцем и невестой (мало того что баварского происхождения, так еще и мать жениха была австрийской эрцгерцогиней) являлись серьезными препятствиями к заключению этого брака. Ей вежливо напомнили, что дочь императора должна вступать в брак с особой равного положения и обязательно католического вероисповедания. Свою позицию Франц-Иосиф исчерпывающе изложил в письме эрцгерцогине Софи:

«... поскольку сейчас так мало принцев-католиков, пришлось постараться заполучить единственного среди них, за которого можно отдать Гизелу со спокойной совестью».

Сисси потребовала отложить бракосочетание, пока Гизеле не исполнится 16 лет. На церемонии венчания мать невесты затмевала новобрачную своей всепобеждающей красотой. Елизавета упорно уклонялась от выполнения официальных обязанностей императрицы, но тратила пропасть времени на уход за своей особой, всеми силами стараясь сохранить свою красоту и молодость. Для нее во всех ее жилищах постоянного проживания были оборудованы помещения для физических упражнений со шведской стенкой, кольцами, свисавшими с потолка, и брусьями – вещь доселе неслыханная. Императрица спала на узкой железной кровати, которую вечером ставили в углу ее

спальни, а утром выносили оттуда. Эту кровать возили за ней повсюду во время ее путешествий. Очень сложным и затратным по времени был уход за ее волосами, спускавшимися с ее головы буквально до пят.

– Я – раба своих волос, – не стеснялась заявлять Сисси. Волосы мыли раз в три недели и этот процесс занимал почти целый день. Состав для мытья был сложной смесью эфирных масел, коньяка и яиц. Эту заботу поручили известной своим мастерством театральной парикмахерше фрау Ангерер, дочери повитухи, что породило в Вене серьезную дискуссию, имеет ли право женщина низкого происхождения, причесывающая презренных актрис, ухаживать за волосами самой императрицы.

Сисси просто фанатически старалась поддерживать постоянным свой вес в пятьдесят килограмм, дважды в день взвешивалась и до последних дней жизни могла похвастаться неизменным объемом талии в 50 см. Она придерживалась очень строгой диеты. Сначала это был период яиц, молочных продуктов и фруктов, затем императрица перешла на слегка обжаренные котлеты из телятины и питье бычьей крови, полагая, что эта природная жидкость заряжает ее невиданной энергией. Затем опять вернулась диета из молочных продуктов и фруктов. Естественно, на Сисси работали лучшие портные Вены и знаменитый парижский кутюрье Ворт^[61], основоположник французской «высокой моды», она неизменно являлась миру в роскошных нарядах и умопомрачительных драгоценностях. Помимо изготовленных специально для нее венскими ювелирами, переделывались также в современном духе украшения прежних императриц. Между прочим, к их числу относился рубиновый гарнитур, для которого были использованы камни из драгоценностей приснопамятной французской королевы Марии-Антуанетты. Эти украшения, по мнению суеверных людей, внесли очередной вклад в несчастья династии Габсбургов. Где бы ни появлялась Сисси, она неизменно потрясала окружающих своей красотой и обаянием.

Поскольку жизнь при дворе под бдительным присмотром свекрови постепенно стала для нее совершенно невыносимой, Сисси начала путешествовать по Европе и нашла в этом некоторое облегчение.

– Покой есть великая ценность, и может быть обретен только вдали от света и людей, – имела обыкновение изрекать она.

Скуповатый супруг, тем не менее, покорно финансировал эти дорогостоящие вояжи, построил ей роскошную виллу на острове Корфу и несколько особняков в Австрии. Для Елизаветы изготовили собственный комфортабельный вагон, свита из 70 человек и любимые лошади следовали за ней в том же составе. В свиту входил пекарь, снабженный мешками с австрийской мукой, и два кондитера, изготавливавшие особые конфеты для дочери Мари-Валери. Их заворачивали в позолоченные и прозрачные, осыпанные блестками фантики с портретами членов императорской семьи. Обретя утешение в такой кочевой жизни, Сисси совершенно отрешилась от своих прямых обязанностей, и в Вене появлялась лишь изредка и на короткое время, что вызывало недовольный ропот в народе. Могла ли такая красавица быть верной супругой своему вечно занятому и удрученному нескончаемыми неприятностями мужу?

С 1866 года Сисси все чаще выезжала в венгерские степи, где часто встречалась с обаятельным и элегантным графом Дьюлой Андраши (1823-90), который вернулся из эмиграции в Англии и стал министром иностранных дел. В мае 1867 года она гостила в его замке, причем злые языки немедленно отметили, что как раз во время пребывания там императрицы жена Андраши отсутствовала. Некоторые современники считали привязанность Сисси к графу обоснованной тем, что ее свекровь, эрцгерцогиня Софи, смертельно ненавидела Андраши, возглавившего венгерское восстание 1848 года, заочно приговоренного к смерти и затем помилованного – по ее мнению незаслуженно – Францем-Иосифом. Сплетни стали еще более упорными после того, как 22 апреля 1868 года Сисси родила в Венгрии своего четвертого ребенка, любимую дочь Мари-Валери, которую впредь часто так и называли – «дитя Венгрии». Вопрос о том, был ли Андраши любовником Сисси, до сей поры является у историков дискуссионным. Некоторые сомневаются, что граф решился бы склонить императрицу к грехопадению, ибо для достижения своих политических целей во имя служения Венгрии ему нужна была благосклонность императора. Вряд ли бы он смог сохранить ее, если бы выставил Франца-Иосифа перед обществом в роли рогоносца.

Когда Андраши в 1890 году скончался, Сисси горестно заявила:

– Умер мой последний и единственный друг.

В беседе со своим преподавателем греческого языка Христоманосом, которого также считали ее любовником, она призналась:

– Да, отношения с Дьюлой были истинной дружбой, не отравленной любовью.

Вообще, похоже на то, что Сисси не тянуло на плотские удовольствия. Знаменательным признанием является ее стих:

Не для меня любовь, не для меня вино.
Любовь несет беду, вино горчит давно.

Ниже будет рассказано о том, как она открыто содействовала тому, чтобы Франц-Иосиф обзавелся любовницей-актрисой. Слухи о связи императрицы с преподавателем греческого языка, доктором Константином Христоманосом, ходили недолго. Грек учился в Вене и получил должность при посредничестве обергофмейстера барона Нопчи. Правда, получив место при столь высокопоставленной особе, Христоманос быстро стал слишком самоуверенным и высокомерным. У него не сложились отношения ни с кем из окружения императрицы, он переругался даже с офицерами с яхты Елизаветы «Грейф». Видимо, Елизавета также заметила заносчивость своего преподавателя, ибо его вскоре уволили и в виде компенсации дали должность преподавателя греческого языка в Венском университете. Похоже, именно в это время в сердце 37-летней Елизаветы затеплилось некое чувство к незнакомому молодому человеку, с которым она случайно встретилась во время масленичного карнавала в Вене в 1874 году.

Сентиментальная интерлюдия

Самый популярный бал Вены давали в зале «Общества друзей музыки», во главе которого некогда стоял композитор Шуберт. Сисси только что завершила исполнение обязанностей хозяйки скучного официального бала и решила поехать на увеселение, о котором говорила вся Вена. Ее прельщала перспектива, сохраняя свое инкогнито, видеть и слышать все, не будучи узнанной. Следует заметить, что Франц-Иосиф в это время пребывал с официальным визитом в России.

Императрица удалилась в свои покои с целью замести следы непозволительной отлучки. Там она переделалась в домино из желтой парчи, спрятала волосы под белокурым париком, а лицо – под черной маской, отороченной кружевом. Из предосторожности ее венгерская фрейлина Ида Ференци, облаченная в красное домино, обращалась к императрице, называя ее именем Габриэль (горничной Сисси Габриэль Шмидт), чтобы навести возможные подозрения на ложный след. Обе женщины наблюдали с галереи за весельем толпы, без удержу несущейся в бешеных галопах. Соблазнительные пышные венки откровенно заманивали в свои сети мужчин. Все напоминало Венецию времен Казановы, но с иными мелодиями танцев под музыку Ланнера и Штрауса. Ида Ференци обратила внимание на одинокого молодого человека, очень элегантного, явно не из простонародья. Фрейлина приблизилась к нему, непринужденно взяла под руку и вкрадчиво стала задавать невинные вопросы, стараясь выведать, с кем разговаривает. Он оказался чиновником на государственной службе по имени Фредерик Лист Пахер фон Тайнбург. Ида предложила ему:

– Здесь моя подруга, которая очень скучает. Не хотели бы вы развлечь ее на несколько мгновений?

Молодой человек согласился, и дама в желтом домино начала в совершенно естественной манере болтать с ним на самые различные темы. Незнакомка как бы мимоходом задала ему несколько вопросов о его отношении к императрице. По-видимому, его ответы понравились ей, ибо она попросила собеседника спуститься с ней в зал, в толпу захмелевших от веселья людей. Они провели вместе два часа, к обоюдному восторгу выяснили, что любимым поэтом обоих является

Генрих Гейне. Дама призналась, что не является местной жительницей, много путешествует и поинтересовалась, не смог ли бы он приехать в Мюнхен или Штутгарт, если она назначит ему свидание, попросила дать его адрес. По прошествии пары часов незнакомка попросила сопроводить ее к наемному фиакру и уехала вместе с сопровождающей.

Через неделю молодой человек получил конверт, отправленный из Мюнхена (письма отсылала сестра Елизаветы Мария, низложенная королева Неаполитанская, путешествовавшая по Европе).

«Дорогой друг, вы будете удивлены получить мои первые строки из Мюнхена. Я нахожусь здесь проездом на несколько часов и воспользовалась сим, чтобы подать весточку о себе, как и обещала. С какой тревогой вы ожидали ее! Не отрицайте, я не требую от вас объяснений, поскольку я знаю так же хорошо, как и вы, то, что происходит с вами с той примечательной ночи. Вы переговорили с тысячами женщин и девушек, вы, несомненно, верили, что развлекаетесь, но ваш ум ни разу не повстречал родственную душу. В конце концов вы обрели в ослепительном мираже то, что вы искали в течение многих лет, но лишь для того, чтобы потерять сие, несомненно, навсегда...»

Второе письмо прибыло из Лондона.

«Милый друг! Как мне жаль тебя! Так долго не иметь от меня известий, как сие, должно быть, невыносимо скучно, каким бесконечным кажется тебе время! Но я не могла поступить иначе. Ты желаешь узнать про мою жизнь. Она малоинтересна. Несколько престарелых тетюшек, кусачий мопс, множество сетований на мою экстравагантность, для развлечения ежедневно после обеда одинокая прогулка в Гайд-парке, а вечерами, после посещения театра – общество. Вот перед твоими глазами моя жизнь со всей ее безысходностью, пустотой и отчаянной скукой. Я испытываю ностальгию по той Вене, легкомысленной, залитой солнцем, но это ностальгия на кошачий манер, ностальгия по месту, а не по людям. А сейчас я желаю вам доброй ночи, мои часы показывают за полночь. Вспоминаешь ли ты обо мне в этот момент или илешь в ночь тоскующие песни? В интересах твоих соседей желаю тебе наслаждаться снами».

Разумеется, Сисси пыталась навести молодого человека на ложный след, но он был не так-то прост. Отвечая на это письмо, Фредерик фон Тайнбург прямо намекает, что она – не менее чем княгиня, а возможно, даже и выше, и прямо говорит, что ее зовут не Габриэлой, но вполне могли бы называть Елизаветой. Перепуганная Сисси на время прекратила переписку, ибо Ида Ференци предупредила ее о возможном превратном истолковании этого продолжения невинной карнавальной интриги.

Даже одиннадцать лет спустя Сисси никак не могла забыть ту встречу на маскараде. Весной 1885 года она сочинила стихотворение, которую сама называла «Песнь желтого домино»:

Помнишь ли ночь ту в сияющем зале?
Как это было давно...
Там наши судьбы близкими стали,
Наши слова откровеньем пылали,
Мы словно птицы в танце порхали,
Много нам было дано.
Я этот день до сих пор не забыла.
Я тебе душу и сердце открыла,
Но не открыла лица своего.
Кажется, все это было недавно.
Но как это было давно...

По-видимому, она хотела поделиться с фон Тайнбургом этим приливом воспоминаний, и в мае написала ему, прося прислать свою фотографию и подписавшись именем Габриэль. Адресат был немало удивлен и взволнован, но побоялся стать жертвой розыгрыша и фотографию не послал:

«Дорогое Желтое домино!

Ничто не могло поразить меня более, чем весточка, которую ты подала мне.

Сказать, что я упал с облаков, было бы слишком мягко. Что случилось за эти одиннадцать лет? Ты, несомненно, еще блистаешь гордой красотой былых времен; что же касается меня, я превратился

в добропорядочного и плешивого супруга, у меня жена, схожая с тобой ростом и фигурой, и восхитительная дочурка. Ты могла бы, если сочтешь приличествующим, по прошествии одиннадцати лет, без опаски снять свое домино и прояснить это загадочное приключение, самое волнующее из тех, которые я пережил.

Ты видишь, я все тот же, такой же простой и доверчивый. От тебя я могу получить только хорошее, так что посылай без опаски то, что хочешь. Что бы сие ни было, я испытаю от него удовольствие, как от любой новости, исходящей от тебя...»

Сисси пришла в восторг от того, что мимолетная встреча оставила незабываемый след в душе этого человека, явно романтического склада и столь отличного от окружавших ее мужчин. Она написала ему шуточный ответ, спрашивая, не отважился ли он сфотографировать свою «родительскую плешь», поскольку на него охотно взглянули бы в роли любящего супруга. Но фон Тайнбург, подозревавший, кто на самом деле была эта пленительная незнакомка, решил, что над ним подтрунивают, рассердился и в октябре 1885 года написал в ответ:

«Жаль, что по прошествии одиннадцати лет ты все еще находишь необходимым играть со мной в прятки. Снятие маски после столь длительного периода времени стало бы немалой радостью и славным завершением масленичного вторника 1874 года, ибо анонимная переписка после столь долгого времени теряет свое очарование. Твое первое письмо на масленицу порадовало меня, а последнее – рассердило. Лишь тот не принимает недоверия, кто знает, что не заслуживает его. Прощай и не сердись!»

Елизавету это письмо неприятно удивило, привыкшей к всеобщему поклонению и обожанию женщине было тягостно получить подобную отповедь. Ей было невдомек, что эти несколько обидные слова были адресованы не императрице, а анонимной маске. Сначала она почувствовала себя оскорбленной, но потом разразилась смехом и заявила графине Ференци:

– Теперь он не получит того, что я для него приготовила! – стихотворение так и осталось в ее тетради.

Письма от Желтого домино прекратились, но молодой человек тщательно сохранил все послания таинственной маски, которые нашли в его личном архиве после смерти 86-летнего старика в 1934 году. До самой кончины фон Тайнбург помнил все подробности этой встречи на

маскараде. Какова подоплека этого странного маскарадно-почтового романа? Проснулись ли в Сисси при встрече с молодым человеком какая-то дремавшая греза о несбывшейся романтической любви и порыв поймать эту грезу, воплотить ее в жизнь? Эта тайна уже никогда не будет разгадана.

В конце февраля 1876 года Сисси прибыла в Англию, чтобы принять участие в охоте. Все знали, что она является совершенно неустрашимой наездницей. Императрица сломя голову носилась на своих скакунах по полям, иногда в дамском седле, одетая в плотно обтягивавшую ее амазонку и цилиндр на роскошных косах, иногда в туго облегающих замшевых брюках садилась на лошадь по-мужски, а порой вообще ездил без седла. Август и начало сентября 1875 года Елизавета провела в Нормандии, где сняла себе в сельской местности замок Сассето. Для совершенствования в верховой езде Елизавета выписала из Англии преподавателя верховой езды, с которым познакомилась там в прошлом году. Г-н Аллен не интересовался ничем иным, кроме своего ремесла, а потому ставил самые высокие требования к лошадям, конюхам и наездникам. Он убедил императрицу, что ей жизненно необходимо освоить скачку с препятствиями.

11 сентября Сисси должна была объезжать свою новую лошадь по имени Зуав. Но Аллен уже с утра утомил лошадь, и, когда всадница подскакала к небольшой живой изгороди, лошадь на мгновение замешкалась, затем выполнила великолепный прыжок и, неудачно приземлившись на передние ноги, упала на колени. Вследствие сильного удара крепление седла ослабло, Елизавету выбросило из него, она ударилась о поросль вокруг дуба и осталась лежать неподвижно. У нее констатировали сотрясение мозга и огромную гематому на лбу. Это событие вызвало настоящую суматоху в Европе.

Английский кавалер

Памятуя об этом событии, лорд Спенсер, организатор псовой охоты в графстве Нортгемптоншир, приставил к высокой гостье тридцатилетнего капитана Джорджа Миддлтона (1846–1892), известного в обществе любителей конного спорта под прозвищем Гнедой^[62]. Он имел репутацию одного из лучших наездников королевства, но возложенной на него миссией остался в высшей степени недоволен. Миддлтон не собирался отступать от своих обычных правил ведения охоты, даже если в ней будет участвовать императрица. Но лорд Спенсер также знал, что Сисси не потерпит осторожного компаньона.

Скептически настроенный Миддлтон с первого же дня охоты признал, что Сисси является из ряда вон выходящей наездницей, и с ней не может сравняться ни одна англичанка. Императрица пришла в восторг от английской охоты и с упоением предавалась ей. Её фрейлина графиня Фестетич жаловалась:

– Обычно мы выезжали три-четыре раза в неделю, а теперь приходится садиться в седло каждый день.

Сисси также по достоинству оценила все выдающиеся качества своего компаньона и пригласила его осенью в Венгрию на охоту. Придворные были удивлены такой честью, оказанной молодому небогатому офицеру, единственным достоинством которого была репутация несравненного наездника. Ко всему прочему, после падения с лошади он почти полностью оглох и стал совершенно никудышным собеседником. Единственным свидетельством пребывания Миддлтона в замке Гёдёллэ и будто бы несколько возбужденного состояния императрицы являются воспоминания Марии, графини фон Лариш, племянницы Сисси.

Тут следует сделать отступление и познакомить читателя с этим персонажем, сыгравшим непростую роль в императорской семье. Брат Сисси, Людвиг-Вильгельм, проявил легкомыслие, вполне достойное своего отца, герцога Макса, женившись на актрисе Генриэтте Мендель. Чтобы как-то прикрыть этот морганатический брак родственника любимой супруги, Франц-Иосиф пожаловал ей титул баронессы фон

Валлерзее. Сисси очень любила родившуюся у брата дочь Марию и всячески защищала ее, зная, насколько двор жесток по отношению к людям низкого происхождения. Тем не менее, восемнадцатилетняя девушка остро чувствовала ущербность своего положения в аристократической среде и с юного возраста развила в себе отнюдь не лучшие качества, в частности, двуличность. Доверенная фрейлина Сисси графиня Фестетич не была склона разделять горячую привязанность Сисси к племяннице:

«Я хотела бы любить ее, иногда она мне нравилась, но...но и что? Что-то останавливало меня, я даже не осмеливаюсь писать из страха оказаться несправедливой. Мне хочется смягчить мое ощущение, у меня такое чувство, что она неискренна, не чистосердечна, как будто бы обладает талантом комедиантки».

Мария, вскоре выданная замуж за графа фон Лариша, оставила такое описание Миддлтона: «Дородный мужчина примерно сорока лет был одет в элегантный серый дорожный костюм. У него была ярко-рыжая шевелюра и такого же цвета усики. Его красная физиономия была буквально усеяна веснушками, нос малость великоват. Как бы для уравнивания этих недостатков, зубы его блистали белизной, а голубые глаза искрились весельем, вызывая симпатию». Якобы у Сисси были глаза на мокром месте, когда Миддлтон уезжал. Другие современники утверждали, что офицер понял тщетность своих попыток завоевать Сисси и время от времени наносил визиты в публичные дома Будапешта, что вызывало неудовольствие императрицы.

Портрет, нарисованный Марией фон Лариш, не особенно льстит этому мужчине, но при всем этом отнюдь не одна женщина в Англии стала жертвой то ли его обаяния, то ли славы. Известно, что у Миддлтона в течение полутора лет, примерно в 1884-85 годах, был роман с весьма нравственно неустойчивой леди Бланш Огилви, женой полковника Генри Хозье. Ее легкомысленность была широко известна в высшем свете, и даме удалось избежать развода лишь потому, что муж сам был пойман на супружеской измене. Считается, что именно Миддлтон был отцом ее дочери Клементины, родившейся 1 апреля 1885 года. Леди Хозье сама призналась в этом в письме к другому любовнику. Разоблачающее письмо было опубликовано лишь в 2002 году. Любопытно, что довольно привлекательная Клементина при

таким сомнительным факте ее биографии – не сказать, чтобы редко встречавшимся у английских аристократок того времени, – не засиделась в девицах, а вышла замуж за молодого Уинстона Черчилля, впоследствии знаменитого политика, и стала ему не только верной супругой, но и соратницей в его политической деятельности.

Сам Миддлтон в октябре 1882 года женился, причем именно с этим событием некоторые историки связывают высказывание императрицы в письме:

«Почему я не могу сломать себе шею, положив всему конец раз и навсегда?»

Графиню фон Лариш связывали близкие дружеские отношения с наследным принцем Рудольфом. Надо полагать, именно она вложила ему в голову мысль о неподобающих отношениях матери с Миддлтоном. Только этим можно объяснить нашумевший эпизод в 1878 году, во время посещения Англии Рудольфом вместе с Елизаветой, когда принц на ужине у принца Уэльского вместо того, чтобы церемонно приветствовать знаменитого наездника, резко на 180 градусов повернулся на каблуках и демонстративно отошел в сторону.

Тут следует отметить, что на охоте в 1881 году Елизавета повысила свои требования к лошадям, испытывая по три скакуна в день, и выбирала все более трудные препятствия для преодоления. Не обходилось без падений, заканчивавшихся, правда, более или менее благополучно. Чтобы лучше управлять скакунами, императрица перестала надевать перчатки, и оттого ладони у нее были в крови. Невзирая на то, что она взвешивалась по два раза на день и не выходила за свои обычные 50 кг, Мария Лариш впоследствии утверждала, что в конце зимы 1882 года Елизавета тайно родила во Франции дочь Каролину. Впрочем, историки не воспринимают это свидетельство серьезно.

Сисси приписывали даже лесбийскую связь. Она очень любила посещать венский цирк знаменитого импресарио Эрнста Ренца, где ее больше всего привлекали выступления конных наездников. В 1875 году императрица особенно восхищалась выступлениями наездницы по имени Элиза. На самом деле эта циркачка была дочерью дрезденского фабриканта мыла Петцольда, получила отличное образование, но увлеклась конным спортом и, проявив недюжинные способности, выступала сначала во французском цирке, а затем в

венском заведении Ренца. На арене она соперничала с другой звездой цирка из известной цирковой династии, Эмили Луассе (1856–1882), ибо женщины выступали в разной манере, и у каждой были свои сторонники и поклонники. На самом деле обе наездницы не враждовали, а дружили.

Сисси наняла Элизу на время очередного пребывания в венгерском замке Гёдёллё, чтобы обучиться высшей школе выездки, и в переписке называла ее «весьма достойной особой». Нет никаких доказательств порочащей связи императрицы с наездницей, но легенда осталась. Правда, более трезвомыслящие биографы полагают, что чрезмерный романтический настрой Сисси исключает столь утонченную чувственность. Во всяком случае, она по-царски вознаградила циркачку, подарив ей скакуна по имени Лорд Байрон, самого красивого в ее конюшне. Императрица также приглашала и Эмили давать ей уроки верховой езды.

В 1882 году Эмили Луассе трагически погибла во время циркового представления. Это ужасное событие произвело сильное впечатление как на Элизу Петцольд, так и на императрицу. Элиза через год вышла замуж за барона де Бланшера и оставила арену ради семейной жизни. Императрица же стала ездить верхом гораздо меньше и более осмотрительно.

Все-таки исследователи приходят к заключению, что, невзирая на все кризисы в семейной жизни и массу возможностей изменить супругу, Елизавета оставалась верна ему. В 1872 году она высказалась графине Фестетич:

– Меня определенно не воспитали быть императрицей, и я знаю, сколь многого мне не хватает в моем образовании – но я не совершила ничего дурного, тому свидетель Господь на небесах. Благоприятная возможность к тому мне представлялась. Меня бы охотно разлучили с императором.

Сисси явно ложилась в постель с мужем без особого удовольствия, но не допускала туда и другого мужчину. Причины этого обсуждаются до сих пор. Возможно, она была фригидна, возможно, все-таки имела лесбийские наклонности, которым опасалась следовать. Возможно, плотская любовь оскорбляла ее романтическую натуру. Когда ее любимая дочь Мари-Валери по любви выходила замуж, Елизавета буквально постоянно твердила ей:

– Не понимаю, как можно желать брака и ждать от него так много хорошего.

Брак дочери оказался поначалу счастливым, но романтически настроенная Елизавета была неспособна понять блаженство гармоничного семейного очага. Когда дочь умоляла мать подольше погостить у нее, та отвечала:

– Морской чайке тесно в ласточкином гнезде...

Ей брачные цепи всегда были в тягость. Во всяком случае известно, что частенько под предлогом менструаций Елизавета отказывалась делить ложе с супругом и умышленно способствовала появлению в жизни Франца-Иосифа других женщин.

Похождения императора

После рождения четверых детей Сисси сочла свой супружеский долг выполненным и полностью отдалась странствиям. Франц-Иосиф же старался отвлечься от своих несчастий и всепоглощающей работы в обществе других женщин. Сначала это была графиня Потоцкая, член семьи, верно служившей австрийскому престолу (Альфред Потоцкий даже был премьер-министром в 1870-71 годах), очаровательная женщина с огромной косой. Правда, император умело скрывал свои похождения, и о них известно немного. Но ему не удалось держать в тайне связь с Анной Наховски, ибо эта привязанность длилась слишком долго. Франц-Иосиф познакомился с 15-летней девушкой 8 мая 1875 года в парке Шёнбрунна. Анна приняла его за простого офицера, который внезапно остановился, увидев ее, и без промедления заговорил с ней. Сопровождавшая Анну горничная потом сказала своей хозяйке, что это был сам император. 26 июня того же года под дождем был первый поцелуй.

Анна, урожденная Новак (1859–1931), в 14 лет была выдана замуж за фабриканта шелковых тканей Иоганна Хёдука, отчаянного картежника и алкоголика. У них родилась дочь Карола. Через три года Анна развелась с мужем, причем положила на его счет в банке крупную сумму денег – Хёдук пребывал в полном неведении о ее связи с императором. В мае 1884 года молодая женщина, с разрешения императора, вышла замуж за железнодорожного служащего Франца Наховски, который знал о ее связи с императором. Однако его вполне устраивал тот образ жизни, который Анна смогла создать семье за счет монарха. Супруги жили в доме с отдельным входом, который использовался для любовных свиданий. Обычно император извещал о своем приходе заранее, по устоявшейся традиции Анна должна была уже снять корсет и ожидать его в постели. Связь носила ярко выраженный чувственный характер. Она продолжалась даже тогда, когда в жизни Франца-Иосифа появилась другая возлюбленная, Катарина Шратт. Император положил конец этой истории после самоубийства принца Рудольфа в Майерлинге, причем это было сделано весьма бестактно. Анну вызвали в Хофбург, и некий барон предложил ей самой определить размер денежной компенсации.

Анна запросила 100 тысяч гульденов для себя и по 50 тысяч для двоих детей (в браке с Францем Наховски было рождено две дочери и сын, причем старшая дочь была вылитым портретом Франца Наховски). Ей выдали 200 000 гульденов, а она написала следующую расписку:

«Настоящим подтверждаю, что сегодня получила 200 тысяч гульденов в виде подарка от его величества императора. Далее клянусь, что всегда буду хранить молчание о встрече с его величеством. Анна Наховски, 14 марта 1889 года».

Анна действительно до самой смерти не проронила ни слова об этом романе, но вся Вена знала, что ее дочь Хелен (1885–1976), получившая образование оперной певицы, была отпрыском императора. В 1911 девушка, невзирая на яростное противодействие официального отца^[63], вышла замуж за известного композитора-модерниста Альбана Берга и проживала с ним на вилле в Штирии, которую подарил матери император для использования семьей на летнем отдыхе. В 1976 году Хелен скончалась и завещала передать в печать дневник матери, что и было сделано. По материалам дневника было установлено, что ее сын, хотя и носил имя Франц-Иосиф, отпрыском императора не являлся, ибо родился через год после прекращения связи монарха с Анной.

Как уже было сказано, связь императора с Анной Наховски носила ярко выраженный сексуальный окрас, разница в возрасте в 29 лет и натуральная пропасть в уровне мышления и социальном положении ничего иного и не предполагали. Но потребность в общении с интересной и не связанной великосветскими условностями собеседницей, заполнившей ему отсутствие семейного очага, у Франца-Иосифа явно была. Поэтому еще до разрыва с Наховски в его жизни появилась новая спутница, актриса Катарина Шратт (1853–1940).

Царица сцены

Ее путь к сердцу императора оказался весьма своеобразен. Катарина родилась в семье незначительного торговца и с малых лет проявила интерес к игре на сцене. Невзирая на сопротивление родителей, она все-таки добилась своего и в марте 1873 году с большим успехом дебютировала в роли Кетхен в пьесе «Кетхен из Хайлбронна» на сцене Венского городского театра. Надо сказать, что в Австрии особым успехом пользовались пьесы из народной жизни, которые часто играли на диалекте. Диапазон дарования Шратт был широк, от классики до легких комедий, но лучше всего ей удавались роли молодых женщин из простонародья. Наряду с другой знаменитой актрисой Шарлоттой Волтер Кати долгое время пользовалась репутацией неоспоримой любимицы публики. В декабре 1873 года по случаю 25-летия правления императора в театре устроили праздничное представление бессмертного «Укрощения строптивой» Шекспира с Шратт в роли Катарины, где Франц-Иосиф впервые увидел ее на сцене.

В 1879 году Катарина вышла замуж за чиновника Николаса Кисса фон Иттебе, завязанного картежника. В 1880 году у супругов родился сын Антон, и в том же году они разъехались, но разводиться не стали. В 1885 году во время масленичного карнавала произошла знаменательная встреча Катарины Шратт с императором на «Балу промышленников», где они оживленно беседовали друг с другом. После этого Франц-Иосиф не пропускал ни одного спектакля Бургтеатра с участием Катарины. Сопровождавшая его императрица заметила этот интерес и стала потихоньку способствовать ему с надеждой, что Франц-Иосиф обретет в лице этой комедиантки родственную душу.

Не без задней мысли Елизавета заказала художнику Генриху фон Ангели портрет актрисы. Когда пришел срок последнего сеанса позирования, монаршая чета лично посетила ателье живописца. Там они встретились с Катариной Шратт, впервые узнавшей, для кого был предназначен портрет. Состоялась оживленная беседа. Вскоре после этой встречи Франц-Иосиф направил Катарине свое первое письмо:

«Милостивая сударыня, прошу вас принять прилагаемый подарок на память, в знак моей самой сердечной благодарности за то, что вы

приняли на себя труды позировать Ангели для портрета. Еще раз должен повторить, что я не мог бы позволить себе просить вас пойти на эту жертву, и оттого моя радость от вручения сего дорогого подарка является еще большей. Ваш преданный поклонник».

Следует лишь добавить, что «прилагаемым подарком» был ценный перстень с изумрудом. Письмо положило начало 30-летней переписке императора с актрисой. Свои послания он теперь заканчивал словами «Сердечнейше любящий вас Франц-Иосиф» или «Думайте иногда о тоскующем по вам, искренне любящем Франце-Иосифе» или «Прощайте, дражайшая подруга и сердечные приветствия от тоскующего по вам Франца-Иосифа».

«Я сам себе не верил, насколько меня тянуло к вам»

Хотя историки не перестают спорить о том, насколько далеко зашли отношения между этими двумя личностями, они явно были чрезвычайно тесными. Придворные и столичные сплетни того времени об актрисе и императоре полны весьма скабрёзных смешков на эту тему. Франц-Иосиф подарил актрисе виллу в Глориэттегассе и стал постоянным ее посетителем, причем иногда с ним приезжала императрица, обставлявшая свои визиты таким образом, будто навещает близкого друга. Иногда Елизавета захватывала с собой дочь Мари-Валери, причем девушка даже ничего не подозревала об истинной роли Катарины. Так что императрица была спокойна, что ее супругу есть с кем поделиться своими заботами и огорчениями. Ему непрестанно приходилось сталкиваться с существенными трудностями во внутренней и внешней политике, постоянные огорчения потихоньку подрывали его знаменитую уравновешенность и невозмутимость. Будучи лишенным нормальной спутницы жизни, Франц-Иосиф отчаянно нуждался в женщине, которая хоть на какое-то время уводила его из этого мира непреходящих тревог и потерь. Жизнерадостная Катарина не была посланницей какого-то клана или выразителем мнения некой клики. Ее разговор был легким, веселым и отвлекающим императора от скучного содержания огромных кип бумаг на его письменном столе. Она также самым занимательным образом снабжала его сплетнями из жизни венского общества.

«Меня уже одолевает чрезвычайное любопытство по поводу обещанных сплетен в следующем письме»

Помимо этого актриса прекрасно готовила, даже составила свою кулинарную книгу. В частности, сохранилось письмо императора с упоминанием о «ризотто с омаром»; вдобавок, Катарина всегда обеспечивала наготове к утреннему, отлично сваренному кофе его любимую выпечку гугельхупф^[64]. Правда, в соседней кондитерской Цаунера по ее заказу одновременно выпекали такую же на тот пожарный случай, если, по какой-то нелепой случайности, от которой не застрахована даже самая опытная кулинарка, изделие подруги императора окажется неудачным.

По-видимому, актриса высказывала подозрения, что Елизавета узнает о ее тайных встречах с императором и будет презирать ее. Именно этим можно объяснить следующие успокоительные письма к ней от Франца-Иосифа:

«Я люблю мою жену и не хочу злоупотреблять ни ее доверием, ни ее дружбой по отношению к вам. Поскольку я слишком стар, чтобы быть другом-братом, позвольте мне остаться вашим другом-отцом и относитесь ко мне с той же добротой и той же искренностью, как и сейчас».

«Императрица неоднократно самым милостивым и любящим образом отзывалась о вас, и могу заверить вас в ее любви к вам. Если бы вы могли узнать эту великолепную женщину ближе, вы определенно были бы исполнены сходных же чувств».

Сама Шратт таким образом отзывалась об императрице:

«Люди говорят, что императрица холодна и не в состоянии говорить с кем-либо открыто и без стеснения, но со мной она разговаривает самым искренним образом, поверяя множество вещей, которые мне кажутся как непонятными, так и трогательными. Она определенно обладает редкими свойствами, в числе которых ее прекрасные чарующие глаза. Если на них и оказали влияние многочисленные печальные испытания и разочарования, то это также позволило им стать еще более выразительными».

Если Шратт заболела, Елизавета немедленно справлялась о состоянии ее здоровья. Это не мешало Сисси сочинять ядовитые стишки о влюбленном немолодом человеке, которого стрелы амура поражают в старческое сердце. Когда Мари-Валери узнала об истинном положении дел, она была просто потрясена, что ее мать спокойно относится к этому странному треугольнику. Тем не менее,

сохранилось свидетельство, что еще в 1890 году Сисси потребовала от дочери, «если она умрет, отговорить папу жениться на Шратт».

Между тем, Катарина Шратт дарила своей благосклонностью не одного императора. Сохранились весьма недвусмысленные письма к ней графа Вильчека:

«Кати, позволь мне побыть у тебя, побыть наедине с тобой, чтобы нам не помешали никакой дворецкой и никакой император».

Пикантным фактом в этой параллельной интрижке было то, что чрезвычайно богатый, весьма привлекательный и также состоявший в браке граф Вильчек был близким другом как императора, так и наследного принца Рудольфа. На это письмо был дан коротенький торопливый ответ:

«Пожалуйста, определенно приходи, если возможно, до полудня».

У актрисы случился также роман с известным актером Виктором Кучерой, на десяток лет моложе ее. Они, между прочим, играли вместе в исторической пьесе, Катарина исполняла роль императрицы Марии-Терезии, Кучера – ее супруга Стефана Лотарингского. Ходили слухи и о ее связи с принцем Фердинандом Саксен-Кобург-Готским, будущим королем Болгарии.

Шратт вела шикарный образ жизни, который оплачивал Франц-Иосиф, заодно осыпавший ее драгоценностями. Ее положение популярнейшей театральной звезды требовало огромных расходов на туалеты, как сценические^[65], так и повседневные. Она проигрывала массу денег в рулетку, устраивала весьма популярные ужины, на которых промышленные и финансовые магнаты, не допущенные ко двору, смешивались с актерами, художниками, литераторами, учеными самых разных национальностей империи; значительную часть составляли евреи. Восхищенный отзыв оставил прусский посол в Вене граф фон Ойленбург:

«Хоть в Хитцинге, хоть в городе^[66], на ужинах у фрау Кати Шратт беседа всегда остроумная и живая, общество разнообразное и отличное».

Дружба императорской четы с актрисой Шратт продолжалась. Дело дошло до того, что Катарина было решила последовать примеру Елизаветы и перейти на диету для некоторого похудения, но внезапное убийство императрицы так и оставило это благое намерение не воплощенным в жизнь. Незадолго до своей смерти, видимо, чтобы

сделать приятное супругу, Елизавета заказала художникам два портрета Шратт: один – в виде миниатюры и второй – поясной, в костюме главной героини легкой комедии Ганса Сакса «Фрау Вархайт никому не хочет давать приют».

После смерти императрицы отношения между императором и актрисой несколько охладели, в период 1900–1901 годов дело чуть не дошло до разрыва, ибо Францу-Иосифу не понравилась пьеса, в которой она исполнила роль императрицы Марии-Терезии. К тому же он упорно не желал жаловать ей орден Елизаветы I класса. При жизни императрицы с этим не было бы проблем, но после ее убийства такой шаг казался Францу-Иосифу неподобающим. Потом актриса оставила сцену из-за испортившихся отношений с дирекцией Бургтеатра, причем император считал нужным в этом конфликте не принимать сторону Шратт, и прежняя связь между ними восстановилась. Это дало повод для сплетен, будто бы престарелые любовники вступили в морганатический брак. Зная более чем безразличное отношение императора к неравноправным брачным союзам, историки считают такой поворот событий в высшей степени маловероятным.

Когда Франц-Иосиф скончался, мстительный гофмейстер князь Монтенуово, помешанный на соблюдении дворцового протокола, запретил фрау Шратт приближаться к похоронному катафалку. Но престолонаследник Карл, внучатый племянник покойного и сын непутевого эрцгерцога Отто, проявил внимание к ней и лично подвел за руку к гробу, на который она положила три розы. После ухода императора в мир иной, Катарина, получившая по завещанию полмиллиона гульденов, вела очень уединенный образ жизни в своей квартире во дворце Кёнигсвартер. Она выступала с художественным чтением только в благотворительных концертах, стала чрезвычайно религиозна и часто посещала склеп при церкви капуцинов, где покоится прах императора.

Трагедия престолонаследника Рудольфа

Обеспечив Франца-Иосифа женщиной, которой он мог излить наболевшее в душе, Елизавета с чистой совестью продолжала свои путешествия, иногда не возвращаясь в Вену даже на Рождество. Подданным это постоянное до неприличия отсутствие не нравилось, а в наиболее передовых кругах общества стали иметь хождение крамольные мысли, что самому императору с его устаревшими авторитарными замашками не мешало бы уйти на покой. Явно настало время прихода к власти молодых, более прогрессивно мыслящих людей. На эти нездоровые тенденции также наложились брожения умов в Чехии, требовавшие предоставления этой части лоскутной империи самостоятельности, подобной Венгрии. Естественно, все взоры недовольных устремились на наследного принца, эрцгерцога Рудольфа.

По авторитетному заявлению эрцгерцогини Софи, появление на свет ни одного другого дитяти в клане Габсбургов не вызвало в империи такой радости, как рождение ее внука Рудольфа в одиннадцатом часу вечера 21 августа 1858 года. Напоминаю, что ему предшествовали две дочери, что вселяло вызывало в умы подданных серьезные сомнения в надежном будущем династии. Но вот сын-наследник родился, счастливый отец-император от полноты чувств разразился рыданиями, немедленно снял с себя и навесил на младенца свой орден Золотого руна. Начиравших засыпать в своих постелях венцев разбудил сто один пушечный залп, кое-кто даже выскочил с радостными воплями на улицу. На другой день в столице царило всеобщее ликование, со сказочной быстротой расползавшееся по всей империи.

Отец назначил младенца полковником 19-го пехотного полка, предопределив таким образом его будущее как военную стезю. Счастливая мать получила в подарок роскошное жемчужное ожерелье из четырех ниток за семьдесят пять тысяч гульденов, но на этом ее блаженство и кончилось. Желание Сисси лично кормить ребенка грудью сочли «экстравагантным», доверив эту задачу государственной важности цветущей крестьянке из Моравии. Ребенка же забрала под свою опеку эрцгерцогиня Софи, полагавшая совершенно невозможным доверить невестке воспитание наследника престола. С

ее точки зрения, лишь бабушка была в состоянии оградить младенца от всех опасностей, угрожавших ему. Тем более, что его рождению предшествовало дурное предзнаменование: 16 августа в церемониальном зале дворца Хофбург с оглушительным грохотом сорвалась с потолка и упала на паркет огромная люстра.

Через пару лет после рождения сына Сисси под предлогом нездоровья начала вереницу своих бесконечных путешествий и с сыном виделась редко, его воспитанием занимались гувернеры и наставники. Мальчик был способным учеником и не только быстро осваивал необходимые для наследника науки, но еще и пытался критически осмыслить окружающую его действительность. Рудольф быстро осознал, к какой отсталости ведет укоренившийся в Австро-Венгрии режим самодержавного монархического правления и сильно увлекался республиканским устройством Франции, промышленным прогрессом в Великобритании и вообще всяческими либеральными идеями. Он рано начал вступать в разногласия с отцом, что же касается вечно отсутствующей матери, то его характеристика была краткой, но емкой:

– Она – женщина умная, но праздная.

Франц-Иосиф сына к государственным делам не допускал, пытаясь ограничить круг его деятельности выполнением обязанностей военной службы. Это меньше всего привлекало принца, его друзьями стали представители самой высокородной золотой молодежи (включая нескольких родственников) и журналисты из либеральных кругов Вены. Неудивительно, что Рудольф познал женщин уже в 14 лет, о чем имеются многочисленные записи в его дневнике с упоминанием уплаченных им сумм (по наивности он поначалу позволял им выуживать у себя по несколько сот флоринов, хотя потом в его дневнике появилась торжествующая запись о некой «блондинке в каштановой аллее» которая «за 20 гульденов делает все!»). Поначалу речь шла исключительно о женщинах легкого поведения из простонародья, в частности, «профессиональной проститутке, промышлявшей на балах», и дочери некоего кучера фиакра по имени Леопольдина Пус.

Рудольфу рано начали подбирать невесту; надо сказать, что рынок молоденьких невест-католичек был исключительно беден, а потому быстро остановились на племяннице мексиканской императрицы

Шарлотты, дочери бельгийского короля Леопольда II, принцессе Стефани (1864–1945). Матерью ее была австрийская эрцгерцогиня Мария-Генриэтта, чрезвычайно несчастливая в браке и жаждавшая пристроить своих дочерей при родном венском дворе. Стефани была столь молода, что свадьбу отложили на год, пока принцесса не сформируется как женщина и не придет в детородное состояние. Угодливые писаки в прессе поспешили наречь ее «Брабантской розой», но широкого распространения это высокопарное прозвание не получило. Особых достоинств за девицей не замечали, напротив, как хладнокровно описал невесту князь Кефенхюллер-Меч, она выглядела так: «Выцветшая блондинка, волосы жидкие, лицо безо всякого выражения, нос длинный». Брови и ресницы у нее были настолько белесыми, что создавалось впечатление, как будто оные у нее вовсе отсутствуют. Принцесса была довольно высока – 1,76 м – и отвратительно сложена, отчего венские остряки пустили в ход язвительное выражение:

– Невеста принца обладает изяществом драгуна!

Племянница императрицы, графиня Лариш, записала в своем дневнике: «Многочисленные дамы, которые знали и любили кронпринца, были на седьмом небе от счастья. При такой невесте можно было не опасаться, что из него когда-нибудь выйдет примерный муж». Ко всему прочему, Стефани, упор в воспитании которой делался на дисциплину^[67] и религиозность, была совершенно лишена чисто женского стремления принарядиться и преподнести себя в выгодном свете.

10 мая 1881 года состоялась свадьба. Прибывшая прямо к венчанию из своих бесконечных странствий императрица Елизавета назвала невестку «безобразным бактрианом»^[68] и пальцем не пошевелинула, чтобы хоть как-то облегчить ее вхождение в императорскую семью. Медовый месяц для новобрачных обернулся самым натуральным фиаско. Для начала никто не озаботился тем, чтобы должным образом подготовить для молодых замок Лаксенбург: мебель, белье, все было старым, пропахшим сыростью, никто не озаботился создать уют, украсить помещения цветами и растениями. По воспоминаниям Стефани, неосведомленной о сексуальной стороне семейной жизни, «мои иллюзии были разрушены ужасным опытом моей первой ночи».

С год эти два совершенно несовместимых человека сосуществовали с превеликим трудом.

Рудольф возлагал большие надежды на рождение сына. Видимо, поскольку ему никак не удавалось проявить себя на общественно-политическом поприще, ибо к делам управления отец его не подпускал, появление на свет наследника династии явно упрочило бы его положение. Интересно, что он планировал назвать ребенка Вацлавом, в честь святого Вацлава, покровителя Богемии. После того как Венгрия стала полноправной частью монархии, чехи подняли вопрос о предоставлении таких же прав себе, и Рудольф относился к этой идее более чем сочувственно. Он писал беременной жене:

«Хорошенько береги себя и Вацлава».

Рождение в 1883 году дочери Елизаветы, которую ласково называли Эржи, уменьшительное от венгерского варианта ее имени^[69], сильно разочаровало Рудольфа и отдалило от жены. На ребенке это совсем не отразилось. У императорской четы уже было три внука от дочери Гизелы, проживавшей в Баварии, но Эржи была первой внучкой в Хофбурге и потому пользовалась особой любовью Франца-Иосифа. В качестве подарка по случаю рождения дед преподнес ей изумруд стоимостью в 40 тысяч гульденов. После полного крушения своих сокровенных надежд Рудольф, вернувшийся к пьянству в обществе своих друзей и посещению борделей, заразил жену гонореей, что сделало ее бесплодной. Врачи не стали раскрывать принцессе истинную причину ее недомогания, Стефани узнала об этом лишь позднее и в 1886 году отлучила мужа от супружеского ложа.

Во время своих походов по злочным местам Вены Рудольф познакомился с куртизанкой высокого полета Мицци Каспар (1864–1907), которая совершенно вскружила ему голову. О ней известно немного: девица родилась в Граце в 1864 году, в восемнадцать лет переселилась в столицу и после непродолжительного выступления на сцене в роли актрисы окончательно перешла на положение девы веселья в известном венском борделе мадам Вольф, славившемся своими красотками. Принц Рудольф взял Мицци на полное содержание и купил ей трехэтажный особняк, который стал их любовным гнездышком. Она, впрочем, была невысокого мнения о сексуальных способностях принца и впоследствии сообщала следившими за ней

агентам полиции, что «кронпринц Рудольф был импотентом и только тогда способен к совокуплению, когда накачается шампанским».

Весьма пикантны сохранившиеся полицейские отчеты о похождениях Рудольфа и немецкого кронпринца Вильгельма (будущего императора Вильгельма II) в венских борделях. Причем Вильгельм влип в некрасивую историю, настоящую ловушку: любовница Рудольфа, некая Элла Скопиц, подсунула ему свою подругу, очень красивую Анну Хомолач, дочь камер-фрау королевы Вюртембергской. Однако та уже была беременна от некого русского дипломата. Позднее, когда ребенок благополучно появился на свет, семья Хомолач потребовала от немецкого двора признать ребенка потомком принца. История тянулась довольно долго, пока девочка, которую, конечно же, назвали Вильгельминой, не была признана, а мать не получила возмещение в сумме 100 тысяч марок. Позднее Рудольф не мог придумать ничего лучше, как поделиться этой историей с одним из газетных репортеров.

Известно, что Рудольф обращался к папе Льву XIII с просьбой расторгнуть его брак со Стефани, но получил отказ, что толкнуло его на еще более отчаянные загулы. В 1888 году в жизни Рудольфа появилась 17-летняя баронесса Мария Вечера (1871–1879). Она происходила из семьи австрийского дипломата Альбина Вечеры, женившегося на Елене Бальтацци, дочери коммерсанта греческого происхождения, составившего огромное состояние на торговле в Константинополе. Помимо Марии, в семье было еще два сына и дочь. Барышни получили образование в институте благородных девиц, в 1887 году Елена овдовела, и семья обосновалась в Вене. Страстным желанием матери было как можно выгоднее выдать замуж дочерей, с каковой целью она прилагала все усилия к тому, чтобы быть принятой при дворе. Баронесса устраивала роскошные приемы, но очень закрытое венское общество чуралось этой женщины, имевшей репутацию парвеню. Елена начала осаждать принца Рудольфа еще в 1879 году. Запись в дневнике графини Фестетич, придворной дамы и доверенного лица императрицы Елизаветы, гласит следующее:

«Как к такому молодому человеку подкрадывается искушение! Среди прочих я обнаруживаю мадам Вечера..., что, пожалуй, не слишком опасно, ибо, видит Бог, очаровательной ее не назовешь, однако она так хитра и использует любого в собственных интересах.

Она жаждет попасть ко двору, стремится показать себя и свое семейство. У нее подрастают дочери. Пока, правда, очень медленно, но начинать нужно издалека!»

Вскоре Рудольф заявил графине Фестетич:

– С вашего разрешения завтра вас посетит баронесса Вечера.

Графиня решительно заявила:

– Нет, ваше императорское высочество, я не разрешаю присутствия баронессы в моем салоне, я не нуждаюсь в ее обществе. До сей поры я старалась держаться подальше от нее и буду продолжать в том же духе.

Но со временем баронесса нашла другую лазейку в непробиваемой стене, которую выстроило вокруг себя придворное общество. Она сдружилась с уже известной нам племянницей императрицы графиней Марией фон Лариш-Валлерзее, которая и познакомила Марию с принцем Рудольфом.

По-видимому, пресытившемуся обществом продажных женщин принцу пришлась по душе неискушенность и свежесть этой привлекательной брюнетки, ее готовность беззаветно довериться ему. Мария не отличалась ни особыми талантами, ни острым умом, сфера ее интересов ограничивалась модными туалетами и верховой ездой. Как это часто бывает у молоденьких барышень, она без ума влюбилась в кронпринца, а Мария фон Лариш сыграла роль сводницы. 5 ноября 1888 года состоялась первая встреча в холостяцких покоях Рудольфа в Хофбурге, за которой последовали все прочие. 13 января 1889 года Мария лишилась девственности, о чем свидетельствует ее письмо подруге:

«Знаешь ли, Агнес, я благодарна судьбе, потому что теперь я более не принадлежу себе, но только ему одному. Отныне я должна делать все, что он потребует от меня».

Пять дней спустя Мария составила свое завещание – весьма необычный поступок для 17-летней девушки. 28 января доверенный камердинер Рудольфа Братфиш отвез Марию в охотничий домик в деревне Майерлинг. Позднее туда приехали на охоту Рудольф, граф Иосиф Хойос и принц Филипп Саксен-Кобургский, женатый на сестре Стефани, принцессе Луизе-Марии. Под предлогом простуды принц отказался от охоты и уединился в спальне с Марией. На следующий день прислуга безрезультатно пыталась достучаться в запертую дверь. Когда ее взломали, то обнаружили там два трупа, принца и его

возлюбленной. Судя по всему, Рудольф застрелил Марию, а затем покончил жизнь самоубийством. На столе лежало несколько прощальных писем.

«Дорогая Стефани! Ты теперь свободна от моего присутствия и мучений; будь счастлива по-своему. Будь добра к бедной малышке, это единственное, что остается от меня».

Было и письмо Марии, адресованное матери:

«Дорогая мама! Прости меня за то, что я сделала, я не была в силах противиться любви. По договоренности с ним [кронпринцем Рудольфом] я хочу быть похоронена подле него на Алландском кладбище. Я счастливее в смерти, нежели в жизни. Твоя Мэри».

Принц не забыл Мицци Каспар, распорядившись передать ей все наличные деньги, имевшиеся в его распоряжении на тот момент. Полиция, следившая за принцем, отметила в своих донесениях следующее: 28 января в три часа ночи принц явился к Мицци Каспар, пил много шампанского, дал привратнику на чай 10 гульденов и при расставании с женщиной против обыкновения перекрестил ее. От Мицци он поехал прямо в Майерлинг. Надо сказать, что Мария была не первым кандидатом на уход в мир иной: в декабре 1888 года Рудольф предлагал Мицци совершить двойное самоубийство в храме гусаров в Мёдлинге. Жизнерадостная куртизанка подняла его на смех, но перепугалась и поехала к начальнику венской полиции барону Краусу, дабы поведать ему об этом необычном предложении. Тот не считал разумным серьезно воспринимать эти сведения дамы легкого поведения и не предпринял никаких действий.

Безусловно, для императорского дома это был грандиозный скандал, который всеми силами пытались замять. Труп Марии Вечера в тот же день спешно захоронили, а от матери потребовали срочно выехать за границу. На похороны Рудольфа сбежалась вся Вена, причем из уст в уста шепотом передавались самые дикие истории, включая такой вздор, что Мария Вечера была побочной дочерью императора Франца-Иосифа, позволившего себе непродолжительный роман с ее матерью. В конце концов всеобщее мнение сошлось на том, что это не было самоубийством, а принц стал жертвой международного заговора. Будто бы планировалось сместить Франца-Иосифа с трона Венгрии и на его место посадить Рудольфа, взгляды которого на правление были чрезвычайно либеральными. Кронпринц отказался участвовать в этой

затее, и заговорщики устранили его из-за боязни быть разоблаченными. Кстати, эту теорию неоднократно поддерживала своими заявлениями последняя императрица из династии Габсбургов, вдова Карла I Цита, возвратившаяся в Австрию в 1982 году. В таком случае, Мария Вечера была убита лишь потому, что оказалась рядом с Рудольфом. По указанию императора охотничий домик в Майерлинге снесли и на его месте построили монастырь кармелиток.

О трагедии Майерлинга написано множество книг. Могилу Марии несколько раз вскрывали и останки исследовали, что ни на сантиметр не приблизило к разгадке тайны. Таинственным образом исчезли многие документы. В частности, после смерти Рудольфа Франц-Иосиф направил папе Льву XIII телеграмму с просьбой о разрешении на религиозную процедуру похорон. Был получен отказ, поскольку самоубийцам не полагалась ни отпевание, ни погребение в освященной земле. Немедленно была послана вторая, зашифрованная депеша объемом примерно две тысячи слов, объяснявшая обстоятельства смерти наследника престола убийством по политическим причинам. Разрешение было получено. Первая телеграмма сохранилась, вторую же не могли найти в архивах ни Австрии, ни Ватикана.

Подобная же судьба постигла многие частные письма европейских монархов, делившихся мнениями об этом событии. Дело о расследовании смерти принца, открытое для предания гласности в 1955 году, содержало только листы чистой бумаги. Найденное в 1945 году в Берлине в куче мусора дело сообщало о новых подробностях смерти любовников из Майерлинга: выстрелы не произошли один непосредственно за другим, но после убийства Марии Рудольф жил еще несколько часов и лишь затем скончался. Известно также, что императрица Сисси оставила в Брно у нотариуса некую шкатулку с указанием открыть ее через 75 лет после ее смерти – при вскрытии ларчик оказался пуст. Так что тайна Майерлинга так и осталась нераскрытой.

Последние годы Елизаветы

После трагической смерти сына здоровье императрицы начало понемногу сдавать, она постепенно отказывалась от верховой езды и охоты. Елизавета переключилась на быструю пешую ходьбу, буквально загоняя своих придворных дам и сопровождавших ее в целях безопасности агентов полиции в иностранных государствах. Например, на отдыхе в Бад-Ишле императрица ходила пешком более семи часов в день. Забота о сохранении красоты превратилась у нее в манию, она иногда съедала только восемь апельсинов за день. Ухаживавшая за ее волосами женщина была вынуждена искусно прятать выпавшие волосинки, в противном случае Сисси выходила из себя от гнева.

Пристрастие супруги к пешей ходьбе немало беспокоило Франца-Иосифа. Хотя в художественной литературе того времени западные писатели описывают Россию исключительно как страну ужасных нигилистов с непрекращающейся вереницей терактов, в Европе сильно оживилось течение анархистов, и всяческие покушения на жизнь особ, причастных к государственной службе, происходили весьма регулярно. Суд присяжных во Франции вынес суровые приговоры тюремного заключения трем участникам безобидной рабочей демонстрации – и Франсуа Равашоль (1859–1892) устроил взрывы в домах, где проживали двое из участников этого судилища. Равашоля отправили на гильотину. В качестве мести за Равашоля Огюст Вайан (1861–1894) в декабре 1893 года бросил бомбу в палате депутатов французского парламента и получил смертный приговор. Паулино Паллас (1862–1893) бросил две бомбы в испанского генерала Арсенио Кампоса. С головы генерала не упал ни один волос, но пострадали несколько человек, и Палласа казнили.

Анархист Эмиль Анри взорвал бомбу в кафе на вокзале Сен-Лазар и был приговорен к смертной казни. В июне 1894 года Паоло Лега совершил неудавшееся покушение на итальянского премьер-министра Франческо Креспи. Но самое громкое политическое убийство произошло в июне 1894 года, когда итальянец Джеронимо Казерио (1873–94) заколол президента Французской республики Сади Карно. Это была месть за Вайана и Анри. Обеспокоенный Франц-Иосиф

просил Елизавету извлечь урок из этого происшествия, умоляя ее прекратить бездумно разгуливать по улицам городов. Но Сисси не обращала на его предостережения ни малейшего внимания. Она уже перестала возвращаться в Вену на свой день рождения и Рождество. Франц-Иосиф покорно поздравлял ее с этими праздниками письмом:

«Сегодня я хочу принести тебе самые искренние пожелания счастья и просить, чтобы в течение того, возможно, непродолжительного времени, которое нам с тобой еще осталось жить, ты оставалась со мной такой же доброй и милой, какой была для меня прежде. Я хотел бы сказать тебе сие, поскольку не умею как следует дать это понять (да тебе и наскучило бы, если бы я то и дело демонстрировал сие), как страстно я тебя люблю. Спаси и сохрани тебя Бог и дай нам с тобой свидеться – большего нам нечего и желать... Твой малыш».

Всегда одетая в черное, с ниткой редкостного черного жемчуга на шее, Елизавета проносилась по городам и странам, стараясь как можно быстрее уехать из Австрии, регулярно получая вести о новых утратах. При загадочных обстоятельствах утонул в озере ее кузен, помешавшийся король Баварии Людвиг II. В преклонном возрасте скончались родители Сисси. Вскоре умерла старшая сестра Хелен, которая по замыслу эрцгерцогини Софи должна была стать женой Франца-Иосифа. 4 мая 1897 года трагически погибла сестра Софи, герцогиня Алансонская. На благотворительном базаре в Париже в кинопроекторном аппарате загорелась пленка, и вскоре пламя охватило весь зал, двери которого оказались заблокированными. Обгоревший до неузнаваемости труп Софи, лишенный ноги и руки, смог опознать по зубам только ее личный стоматолог. Елизавета ощущала, что смерть приближается и к ней. Она как-то заявила дочери Мари-Валери:

– В какой-то день все это кончится... Вечный покой будет наилучшим исходом.

В конце апреля 1895 года ей все-таки пришлось вернуться в Австрию, ибо в Венгрии прошли обширные празднества по случаю тысячелетия создания венгерского государства. Не могла огорчить своим отсутствием юбилейные торжества легендарная супруга монарха, которую епископ во время торжественной службы возблагодарил за то, «что ее по-матерински нежная рука некогда

соткала золотую ленту, которая неразрывно соединила нацию с ее горячо любимым королем». Вот как описал ее присутствие в королевском дворце классик венгерской литературы Кальман Миксат, также активно занимавшийся политикой:

«Она сидит в тронном зале королевского дворца в своем черном венгерском одеянии, отделанном кружевами. Все, все в ней мрачно. С темных волос спускается черная вуаль. Черные шпильки в волосах, черный жемчуг – все черное, только лицо белое как мрамор и невыразимо печальное. Просто Матер долороса^[70]. Это еще то же самое, прежнее лицо, знакомое нам по прекрасным картинам... Она все та же, однако горе оставило на этом лице свои следы. Она сидит неподвижно и бесстрастно, словно не видит и не слышит ничего вокруг себя».

В том же году императрица составила окончательный вариант своего завещания, в котором поделила основное личное состояние^[71] на пять частей: по две пятых предназначались дочерям Гизеле и Мари-Валери, одна пятая – внучке, дочери покойного Рудольфа, Елизавете. Сисси совершенно не обрадовало рождение в 1895 году первой правнучки по линии дочери Гизелы. Императрица как будто спешила навстречу смерти, и та настигла ее там и тогда, где и когда, казалось, этого можно было меньше всего ожидать: в благополучной и нейтральной Швейцарии.

10 сентября 1898 года в Женеве, на берегу озера, в самой мирной обстановке, итальянский анархист Луиджи Луккени одним ударом заточенного напильника лишил жизни эту загадочную женщину, попав ей точно в сердце. Мотивы этого поступка так и остались невыясненными. Впрочем, если даже поверхностно ознакомиться с биографией этого человека, все становится ясно: это типичная судьба личности, отвергнутой обществом безо всяких на то оснований. Рожденный в 1872 году итальянской матерью-одиночкой, ребенок был оставлен ею в приюте для найденышей, а затем отдан на воспитание в приемную семью. Как ему там жилось, можно судить по тому факту, что мальчик уже в девять лет начал работать подручным разнорабочего на строительстве железной дороги из Пармы в Специю. Зарабатывать на жизнь тяжелым трудом ему пришлось вплоть до призыва в армию.

Луиджи кое-как выучился читать и писать, в поисках работы забредал то в Австрию, то в Швейцарию. В армии он проявил себя

дисциплинированным солдатом, храбро сражался во время Абиссинской кампании, получил медаль и был произведен в ефрейторы. Но после окончания службы Луккени вновь очутился на улице без гроша в кармане и постоянной работы. Вновь начались странствия, в течение которых молодой человек попал под влияние идей анархизма, пристрастился к чтению журнала «Агитатор». «Собственность есть кража!» – этот лозунг четко запечатлелся в его мозгу, и он решил внести свой вклад в дело освобождения общества от оков аристократии и капиталистической буржуазии. Луккени замыслил убить какую-нибудь особу, пользовавшуюся большой известностью, чтобы об этом заговорили газеты. Сначала он выбрал целью французского принца Анри Орлеанского, но тот быстро покинул Швейцарию. Тогда Луккени стал следить по газетам за передвижениями императрицы Австро-Венгрии.

Тщательно проведенное следствие не выявило ни наличия сообщников убийцы, ни направления его действий какой-нибудь анархистской организацией. Луккени судили и приговорили к пожизненному заключению. После оглашения приговора подсудимый вскочил на ноги и закричал:

– Да здравствует анархия! Смерть аристократам! – убийца неоднократно подчеркивал на допросах, что не раскаивается в содеянном. В октябре 1910 года он повесился в своей камере на кожаном ремне.

Конец пути

Получив известие о смерти супруги, Франц-Иосиф зарыдал и с отчаянием воскликнул:

– За что Бог карает меня?

Убийство императрицы потрясло Европу. За ее гробом на торжественных похоронах следовали восемьдесят два суверена и высших государственных деятеля. Тело Елизаветы покоилось в тройном гробу из двух оболочек из свинца и наружной из бронзы. На него нанесли надпись «Елизавета, императрица Австрии». Немедленно запротестовали восхищавшиеся ею венгры, и были добавлены слова «и королева Венгрии». Катафалк остановился перед церковью капуцинов, и гофмейстер князь Грюненталь постучал в запертую дверь. Изнутри откликнулся монах:

– Кто там?

– Ее императорское и королевское величество императрица Австрии и Венгрии Елизавета, – провозгласил сановник.

– Мы ее не знаем, – раздался ответ. Князь Грюненталь постучал снова.

– Кто там?

– Императрица Елизавета.

– Мы ее не знаем, – прозвучало из-за двери.

После третьего стука и очередного возгласа «Кто там?», князь смиренно промолвил:

– Ваша сестра Елизавета, бедная грешница.

Дверь распахнулась. Так, рядовой грешницей, подобной несчетному числу неприметных смертных, отправилась в вечный покой самая красивая и загадочная из коронованных особ не только Австрии, но, пожалуй, и Европы.

Как утверждала последняя императрица Австро-Венгрии Цита, Франц-Иосиф до самой смерти имел обыкновение повторять в интимном кругу:

– Никто никогда не узнает, как я ее любил...

На самом деле доказательствами тому являются сохранившиеся переполненные любовью письма императора жене. Есть и еще одно, очень наглядное свидетельство. В 1865 году Франц-Иосиф заказал

художнику Францу-Ксаверу Винтерхальтеру, этому «королю живописцев и живописцу королей», набившему руку на портретах коронованных особ, два холста с изображением Сисси. Один – парадный, в бальном платье, а второй – глубоко интимный, в negligé, как ни до этого, ни после ни одна кисть не запечатлевала жену монарха. Художник в этом случае справился со своей задачей на все сто процентов: он не просто изобразил красивую и желанную женщину, но увидел ее глазами страстно влюбленного мужа. Ознакомившись с вышеприведенными свидетельствами сердечной привязанности Франца-Иосифа, мы можем понять личную трагедию императора. Он надеялся обрести в лице этой красавицы любящую супругу и заботливую мать своих детей, а получил лесную фею с берегов озера Штарнберг, чьи хрупкие крылышки оказались не в состоянии обеспечить привычное беззаботное порхание в гнетущей атмосфере императорского дворца Хофбург.

В 1907 году Франц-Иосиф лично открыл беломраморный памятник своей супруге в Народном саду. Венгры также не забыли свою королеву, поэтому в Будапеште существуют район города, площадь и мост через Дунай, носящие имя Эржебет.

Несчастье быть «вечно вторым», или Трагическая судьба эрцгерцога Максимилиана

После сообщения о смерти супруги император впал в отчаяние и заявил:

– На этом свете я не был обделен ни одним несчастьем.

Яркой иллюстрацией тому послужила судьба его брата Фердинанда-Максимилиана (1832–1867). Здесь уже рассказывалось, как эрцгерцогиня Софи сделала своего сына-первенца императором и крепко держала под неусыпной опекой, но не выпускала из поля зрения и остальных отпрысков. На самом деле, ее любимцем был второй по старшинству Максимилиан. Он вырос в неглупого и способного юношу, хорошо образованного, владевшего шестью языками (включая венгерский, польский и чешский), постоянно пополнявшего запас своих знаний, но, по воле судьбы, ему было суждено занимать при брате-императоре положение «вечно второго». Это оказало роковое влияние на формирование его жизненного пути.

Поначалу Максимилиан порывался обосноваться подле брата в роли его помощника и даже покушался на вмешательство в государственные дела. Но Франц-Иосиф упорно отвергал эти попытки, что лишний раз заставляло эрцгерцога осознавать свою ненужность. Он с горечью отмечал это в своих дневниковых записях:

«Моя откровенность, мой бесцеремонный, открытый нрав смущают его; мои либеральные взгляды шокируют его; он боится моей свободной манеры выражаться, мой горячий темперамент пугает его».

Подобное отношение уязвляло Максимилиана, исповедовавшего либеральные взгляды и весьма популярного у венских обывателей. Он был довольно безалаберен в ведении финансовых дел, в отличие от императора, строго учитывавшего свои расходы. Младший брат рано набрал кучу долгов, поскольку затеял собирать коллекции картин и иных предметов искусства. Разочаровавшись в придворной жизни, эрцгерцог пустился странствовать, в частности, посетил Париж, где весьма понравился Наполеону III и его супруге, императрице Евгении.

Кто мог предполагать, что впоследствии эта симпатия выйдет ему боком?

Слишком популярного брата необходимо было каким-то образом нейтрализовать, а потому Франц-Иосиф пожаловал ему звание контр-адмирала и назначил (в 22 года!) главнокомандующим военно-морским флотом, поручив провести в нем назревшие реформы. Насколько успешно молодой предводитель справился с этой задачей, умалчивается, но тут его настигла чистая, искренняя любовь. Более привлекательный внешне, нежели его брат, Максимилиан имел большой успех как у светских дам, так и у полусветских, в результате чего подцепил венерическое заболевание. Неожиданно во время своих морских странствий он влюбился в прекрасную принцессу Марию-Амалию Португальскую, дочь императора Бразилии Педро I, которую называл не иначе, как «истинной принцессой». Девушка также проявляла склонность к нему, и дело шло к помолвке^[72], но все расстроилось из-за преждевременной смерти Марии-Амалии от скоротечной чахотки на острове Мадейра, куда ее направили для лечения. Чтобы отвлечь склонного к мечтательности сына от меланхолических страданий, Софи решила женить его и занялась поисками подходящей кандидатуры. Ее выбор пал на самую завидную невесту Европы, принцессу Шарлотту Бельгийскую (1840–1927).

Она являлась единственной дочерью (помимо трех сыновей) короля Бельгии Леопольда I, происходившего из древнего рода немецких князей Саксен-Кобург-Готских и посаженного на царствие в новосозданном государстве Бельгия в 1830 году. Мать ее была дочерью французского короля Луи-Филиппа. В первом браке Леопольд был женат на английской принцессе-престолонаследнице Шарлотте, скончавшейся в первых родах. Сестра Леопольда была матерью английской королевы Виктории, так что юная Шарлотта приходилась той двоюродной сестрой. Принцесса Шарлотта рано потеряла мать и часто проводила время то при французском, то при английском дворе. Леопольд очень любил свою дочь и, будучи чрезвычайно богатым человеком, обеспечил ей прекрасное образование и огромное приданое. Женихи так и вились вокруг бельгийского двора, королева Виктория настаивала на браке кузины с португальским кронпринцем Педро. Шарлотта же, красивая, умная, свободно владевшая четырьмя

языками и очень амбициозная, влюбилась в Фердинанда-Максимилиана^[73].

Невзирая на то, что эрцгерцог изображал из себя претендента, совершенно покоренного красотой и достоинствами принцессы, во время переговоров по условиям брачного контракта он торговался за каждый гульден приданого, как последний ростовщик. В результате за Шарлоттой дали великолепнейшие драгоценности на сумму 535 тыс. франков и 2 миллиона 875 тыс. в ценных бумагах. В приватном разговоре эрцгерцог высказался так:

– Она очень смышленная, это несколько опасно, но я вскоре приноруюсь к этому.

Свадьба состоялась в 1857 году, Максимилиана назначили вице-королем области Ломбардия-Венето, владений Габсбургов на Апеннинском полуострове. Шарлотта была твердо убеждена в том, что она и ее супруг созданы Господом исключительно для того, чтобы править, и не давала никому забыть, что является дочерью короля и внучкой короля. На этой почве возникло соперничество между ней и императрицей Елизаветой, красота которой все-таки затмевала новобрачную, но играть вторую роль при венском дворе Шарлотта не желала. Поначалу она пришла в восторг от красот подведомственных ее мужу территорий, в особенности Венеции. И в Милане, и в Венеции супруги изо всех сил старались найти общий язык с итальянскими аристократами, закатывали роскошные празднества и балы. К сожалению, умами местной элиты уже давно завладели идеи движения национального возрождения итальянской нации в рамках единого государства, известного под названием Рисорджименто, и ее члены упорно избегали посещения увеселительных мероприятий, устраиваемых ненавистными австрияками. Туда являлись лишь обыватели да мелкие торговцы.

В конце концов император Франц-Иосиф счел правление брата излишне либеральным, его отношение к деятелям движения за объединение Италии – чересчур попустительским, образ жизни – непомерно расточительным, а потому лишил Максимилиана его должности. Тот предпочел не возвращаться в Вену и занялся постройкой близ Триеста на деньги из приданого Шарлотты роскошного дворца Мирамар, эффектно возведенного на утесе на берегу адриатической бухты Гриньяно.

Вскоре в ходе военных действий между австрияками с одной стороны и франко-сардинскими силами – с другой, Австрия проиграла битвы при Мадженте и Сольферино, потеряв провинции Ломбардия и Венето. Оказавшись полностью не у дел, Максимилиан окончательно охладел к жене, его потянуло на сентиментальные воспоминания, и он повез Шарлотту за собой в морское путешествие на Мадейру, где была похоронена его первая любовь, принцесса Мария-Амалия. Оставив жену на три месяца изнывать от бездеятельности и тоски в главном городе острова Фуншале, муж отправился далее на родину покойной в Бразилию, правителем которой мог бы стать, останься принцесса жива. Размеры и богатства страны произвели на него сильное впечатление, и Максимилиан задумался о том, как можно было бы с внедрением либеральных идей сделать из Бразилии процветающую империю.

Тем временем французский император Наполеон III задумал грандиозный план создания в Новом Свете большой латиноамериканской католической монархии, тесно связанной с Францией. Она должна была противостоять мощному влиянию Соединенных Штатов, государства англо-саксонского и, в своей подавляющей части, протестантского. Наполеон воспользовался ослаблением США вследствие начавшейся там Гражданской войны, приостановлением Мексикой на два года выплаты предоставленных ей Францией кредитов и совместно с Испанией и Великобританией организовал интервенцию соединенных военных сил. Впоследствии англичане и испанцы вывели свои войска, тогда как Наполеон довел контингент французского экспедиционного корпуса до 30 тысяч солдат, не считая 10 тысяч на военных кораблях, курсировавших в прибрежных водах.

Отсюда не удивительно, что, когда Наполеон III самыми яркими красками расписал эрцгерцогу Максимилиану, как народ Мексики буквально жаждет заполучить на троне страны Габсбурга, тот принял эти уверения за чистую монету и дал свое согласие отплыть в далекую и прекрасную страну в роли полновластного правителя. Надо сказать, что немаловажную роль в принятии Максимилианом решения отправиться в Мексику сыграли три женщины: эрцгерцогиня Софи, мечтавшая стать матерью двух императоров, супруга Шарлотта, страстно желавшая основать новую династию, и императрица Евгения,

задумавшая получить твердую опору Франции в Новом Свете. Супруга Наполеона III, урожденная испанка, ревностная поборница католической церкви, поставила целью «водрузить в надежной Мексике знамя веры». Шарлотта, так и не постигшая истинного характера своего супруга и реального положения вещей, с восторгом воскликнула:

– Для любого другого отважиться на эту попытку было бы безумием, но не для него!

Так что о каких-то тщательно продуманных планах этой чистой воды авантюры говорить не приходилось. Перед отъездом эрцгерцог Максимилиан с большим возмущением по требованию старшего брата отказался от своих прав на австрийскую корону и титул эрцгерцога.

Мексиканская глава

Убытие супругов в Мексику в 1864 году вместе со своим двором было обставлено с величайшей пышностью и торжественностью. Оно даже было запечатлено придворным художником на огромном холсте с прицелом обретения почетного места в дворцовой картинной галерее будущей мексиканской династии. Чета уже видела себя основателями нового монархического дома и во время плавания с упоением занималась разработкой подробнейшего этикета двора мексиканского императора объемом в 600 страниц. Однако положение дел на далеком континенте не имело ничего общего с нарисованной Наполеоном III благой картиной.

Супруги оказались там инородным телом, хотя из всех сил старались понравиться, разговаривая исключительно по-испански и возвращая вокруг себя новую знать. Но императорская чета быстро восстановила против себя народ слишком роскошным образом жизни, содержанием огромного двора, дорогостоящим ремонтом и украшением нескольких дворцов. К тому же император Максимилиан I вскоре рассорился с командующим французским экспедиционным корпусом маршалом Базеном. Тот женился на родственнице бывшего президента Мексики и сам питал большие амбиции. Супруги промучились на далеком континенте два года. В стране бушевало восстание, Наполеон III приступил к свертыванию военной помощи.

9 июля 1866 года Шарлотта отправилась в Европу к Наполеону с просьбой о финансовой и военной помощи. В столице ее провожал император Максимилиан, который торжественно говорил о предстоящих им тяжелых испытаниях и высоких целях, во имя которых им надлежит принести большие личные жертвы. Императрица со свитой убыла в четырех каретах с императорским гербом. Ее сопровождали маркиз дель Баррио и его супруга, придворная дама Шарлотты, издавшая впоследствии свои мемуары. Вечером 10 июля поезд императрицы прибыл в городок Пуэбла. Шарлотта чувствовала себя наилучшим образом, хотя путешествие протекало не без осложнений.

Например, по прибытии на одну из почтовых станций оказалось, что налетевшая на нее незадолго до прибытия императрицы банда угнала

четырех мулов, предназначенных для кареты Шарлотты. Энергичную женщину это ничуть не смутило. Она потребовала, чтобы маркиз дель Баррио за любые деньги купил верховую лошадь и проделала весь путь до городка Рио-Прието в седле. Там она приняла ванну, переоделась и дала официальный ужин с последующим приемом для местных властей. В Пуэблу Шарлотта въехала в отличном настроении и ничуть не уставшей. Однако в полночь она выбежала одетой из своей спальни, призвала свою прислугу и приказала кучеру закладывать лошадей. Шарлотта потребовала отправиться к вилле бывшего префекта. Тот вместе с семьей находился в отъезде, но управляющий впустил императрицу и провел ее с зажженных фонарем по всем помещениям. Шарлотта разговаривала сама с собой, таращиась на голые стены, под конец повернулась, приказала ехать обратно и вернулась в свою спальню. Утром у нее был несколько подавленный вид. Она совершила небольшую прогулку верхом, затем проспала несколько часов и сообщила своей придворной даме, что чувствует себя, «как будто выздоровела от легкой лихорадки».

13 июля императрица прибыла в Веракрус, где ее в порту ожидал пароход под названием «Императрица Евгения», на мачте которого развевался французский флаг. Шарлотта возмутилась и заявила, что покинет Мексику лишь под мексиканским стягом. Требование было совершенно необоснованным, ибо судно принадлежало французскому пароходству. Императрица продолжала настаивать на своем требовании, вышла из себя, отправилась к коменданту порта и закатила ему безобразную сцену, потребовав немедленной замены флага. Сопровождавшему Шарлотту барону фон Малорти буквально силой удалось увести императрицу, но комендант порта под свою ответственность приказал поднять флаг Мексики. Лишь тогда императрица вместе со свитой поднялась на борт. Здесь Шарлотта почувствовала сильное изнеможение и даже не могла вспомнить свою стычку с комендантом порта. Ее лейб-доктор Зенеледер констатировал перевозбуждение нервов и прописал сильное снотворное.

Вовремя 25-дневного плавания на борту судна никаких поводов для беспокойства Шарлотта своему окружению больше не подавала. Распорядок ее дня был подчинен строгому придворному церемониалу, который она требовала соблюдать также и в море. 8 августа 1866 года судно стало на якорь во французском порту Сен-Назар, где

императрицу ожидал посол Мексики Алмора с плохими вестями. Австрия и Пруссия находились в состоянии войны, 3 июля австрийская армия потерпела сокрушительное поражение под Кёниггрецем, и Франц-Иосиф был вынужден просить о мире. Теперь Пруссия усилилась настолько, что представляла угрозу и для Франции, отсюда время для ведения переговоров с Наполеоном III оказалось выбранным крайне неудачно. Но у Шарлотты не было иного выхода, ей надлежало любыми путями заставить императора выделить помощь в виде денег и солдат. Она послала Наполеону в Париж телеграмму с извещением о своем прибытии и необходимости провести переговоры по важным вопросам.

В Париже императрицу даже не удосужились встретить с надлежащими почестями. Страдавший от приступа почечнокаменной болезни император наотрез отказал ей в помощи, проявив негибкую твердость, хотя Шарлотта грозила отречением супруга и даже высокомерно закричала:

– Мне не следовало бы забывать, что в моих венах течет кровь Бурбонов, и не унижаться перед Бонапартом и связываться с авантюристом!

Под конец их встречи у нее случился настоящий нервный припадок, закончившийся обмороком. Когда она очнулась, и императрица Евгения поднесла ей стакан воды, Шарлотта выбила его у нее из рук и закричала:

– Прочь! Яд! Убийцы! Они хотят убить меня, спасите!

Ее отправили в гостиницу под опеку лейб-доктора. После нескольких дней в Париже, не пожелав более встречаться с монаршей четой, Шарлотта по совету врача Зенеледера провела некоторое время в Швейцарии, благотворный климат которой вроде бы восстановил ее силы. Однако же в один из праздничных дней она увидела на улице крестьянина, возвращавшегося домой с народного гулянья. Через плечо у него висело украшенное цветами ружье, человек явно принял участие в соревновании по стрельбе. Внезапно Шарлотта подняла ужасный крик, уверяя своих фрейлин, что этот человек – переодетый мексиканский генерал Алмонте, который намерен убить ее! Прибежавший на крики императрицы доктор Зенеледер усмотрел в этом приступе явные симптомы мании преследования. С того дня приступы начали повторяться все чаще и чаще.

Тем не менее, Шарлотта нашла в себе силы отправиться в Рим, к папе Пию IX, с целью проведения переговоров о конкордате, соглашении между Святым престолом и Мексикой, регулирующим положение и привилегии католической церкви в новой империи. Императрица Шарлотта явилась в Ватикан, вопреки обычаю, не в кружевной накидке, а в шляпе. Опешившего папу, однако же, предупредили о некоторых странностях в поведении императрицы, и он даровал ей свое благословение. Старенький Пий IX принял Шарлотту для разговора с глазу на глаз и попросил ее разрешения позавтракать в присутствии высокой гостии. Во время совершенно делового разговора о католической церкви в Мексике Шарлота вдруг окунула свои пальцы в чашку с папским шоколадом, с наслаждением облила их и воскликнула:

– По крайней мере он не отравлен! Все, что дают мне – отравлено, я умираю от голода!

Ошарашенный папа приказал принести ей другую чашку, но императрица живо возразила:

– Нет, нет, меня отравят, если узнают, что это питье для меня! Я лучше разделю шоколад с вашим святейшеством, – и ее величество продолжала макать пальцы в шоколад, пока не опустошила всю чашку.

Папа был вынужден призвать кардинала Антонелли и врача императрицы. Но все попытки заставить императрицу покинуть Ватикан оказались тщетными. Шарлотта продолжала бессвязно уверять их в намерении врагов отравить ее и отказалась покидать папский дворец, дабы не пасть жертвой заговорщиков. С ней ничего не могли поделать, и она вошла в историю как единственная женщина, переночевавшая в Ватикане. Для нее и придворной дамы установили две кровати в папской библиотеке. На другой день Шарлотту с трудом удалось уговорить переселиться в монастырь. Однако состояние императрицы ухудшалось так стремительно, что пришлось прибегнуть к смиренной рубашке. Сопровождающие были вынуждены обратиться к ее деверю, эрцгерцогу Карлу-Людвигу, который срочно примчался в Рим и отвез невестку в Австрию. Там у нее диагностировали явное умопомешательство.

Тем временем в феврале 1767 года последние французские солдаты покинули Мексику. Император Максимилиан отказался отречься и с немногими сторонниками укрылся в крепости Кверетаро. Крепость

была взята, а Максимилиан арестован повстанцами. Узнав об этом, Франц-Иосиф поспешно вернул ему титул эрцгерцога, наивно полагая, что мексиканцы не дерзнут казнить члена императорской фамилии. Тем не менее, 19 июня пленник был расстрелян вместе с двумя генералами. Император Максимилиан вел себя чрезвычайно мужественно и перед приведением приговора в исполнение раздал солдатам золотые монеты с просьбой, чтобы они не изуродовали его лицо, дабы мать смогла опознать его. Смерть любимого сына буквально подкосила эрцгерцогиню Софи. Гибель Максимилиана совпала с крушением ее идеалов по укреплению неоабсолютной монархии в Австрии и разочарованием в связи с предоставлением равных прав Венгрии. После 1867 года она отошла от политики и скончалась в мае 1872 года от воспаления легких. Ее гроб установили в Капуцинергруфте рядом с останками ее друга, сына императора Наполеона, герцога Рейхштадского. В 1940 году его прах по указанию Гитлера был перенесен в Париж, в усыпальницу Бонапартов при Доме инвалидов.

Шарлотту заключили под надзор сначала в замок Мирамар, а затем, когда стало ясно, что она безнадежна, отправили к родным – в Бельгию. Надо сказать, что о ней проявляла очень большую заботу жена ее брата, короля Леопольда II, Мария-Генриэтта. Сначала больную поместили в замок Тервёрен, в котором вскоре случился пожар, причина которого так и осталась невыясненной. Глядя на горящий замок императрица радостно повторяла:

– Как красиво! Как красиво!

После пожара ее перевели в замок Бушу, поблизости от королевской резиденции Лэкен в окрестностях Брюсселя. Безумная совершенно не воспринимала окружающую ее действительность, а видела себя императрицей на торжественных приемах и блестящих балах. Несчастная не знала, что осталась вдовой, и взахлеб рассказывала окружающим о своем любимом муже.

Загадка императрицы Шарлотты

Шарлотта так и не пришла в себя, хотя и прожила до почтенного возраста 86 лет. Но это состояние совершенно неменяемой императрицы мексиканской дало повод для рождения легенды – легенды о ее ребенке, будто бы появившемся на свет 21 января 1867 года. За десять лет брака ни одного отпрыска у венценосной четы так и не родилось, что вынудило их усыновить в качестве наследников престола двух внуков бывшего императора Мексики. Шарлотта всячески противилась этому шагу мужа, но была вынуждена уступить. Тем не менее, императрица не оставляла надежды основать новую династию и в отчаянии прибегала ко всем возможным средствам, чтобы обзавестись ребенком. Предполагается, что она уехала из Мексики беременной. Но кто был отцом рожденного ею сына?

С одной стороны, считалось, что вследствие перенесенного в молодости венерического заболевания эрцгерцог Максимилиан был бесплоден, с другой – что дочь одного из придворных садовников Консепсьон Седано по прозвищу «Прекрасная индианка» родила в 1866 году сына. После казни императора его взял на воспитание некий богатый землевладелец. Впоследствии молодой человек по имени Хулиан Седано отправился в Европу, где поразительное сходство с Максимилианом позволяло ему выдавать себя за потомка покойного императора Мексики.

В Париже он был близок к интеллектуальным и дипломатическим кругам, в частности, служил секретарем у консула Никарагуа в Париже. Во время первой мировой войны Седано весьма удачно шпионил в пользу Германии, например, поставляя сведения о производстве французских самолетов, но в 1917 году был схвачен и расстрелян. Правда, впоследствии журналистка и переводчица Адриана Эстрада Кахигаль в результате исторических изысканий доказала, что никакой Прекрасной индианки не существовало, но легенда настолько прочно укоренилась в головах мексиканцев, что ей вряд ли суждено умереть.

История внезапного душевного заболевания императрицы Шарлотты до сих пор занимает историков; по-видимому, связанные с ней загадки не будут разрешены никогда. Ключ к одной из них пытался

найти чешско-немецкий писатель и журналист еврейского происхождения Эгон-Эрвин Киш (1885–1948). Высланный из Германии в 1938 году, в 1940 он оказался в Мексике. Как бывший австрийский подданный, писатель был прекрасно осведомлен о судьбе Максимилиана и Шарлотты, внезапно пораженной странной болезнью. Дело пахло явным покушением на императрицу. Откровенно говоря, врагов у этой женщины было предостаточно. Мексиканцы быстро поняли, что Максимилиан слаб, но его супруга не переставала подстрекать его к сопротивлению и, таким образом, продолжению гражданской войны. Отсюда в народе упорное хождение имела легенда, что, воспользовавшись страстным желанием Карлоты (как ее называли на испанский лад) родить наследника для продолжения династии, императрицу заманили к знахарке, где опоили каким-то снадобьем с сильным воздействием на нервную систему и в бессознательном состоянии изнасиловали.

Журналист Киш решил попытаться докопаться до истины, причем провел свое исследование весьма тонким образом. Он выяснил имя самой авторитетной травницы в Мехико и для начала попытался выяснить у нее, какое противоядие существует против зелья, вызывающего последствия, сходные с симптомами душевного заболевания императрицы Шарлотты. Таким знатоком оказалась некая донья Кармелита, к лавочке которой на рынке столицы народ буквально валил валом. Женщина средних лет восседала среди баночек и мешочков, а в помещении кишела ребятня, дети и внуки хозяйки. Для завоевания доверия знахарки журналист поинтересовался средствами для излечения нервных заболеваний, попросил отвесить ему по дозе каждого и без малейший промедлений расплатился наличными. Знахарка, похоже, имела готовый ответ на любой вопрос и с удовольствием делилась своими познаниями.

Журналист ненавязчиво поинтересовался, не хлебнула ли императрица Карлота «бешеной травки», известной в Мексике под названием Toloachi.

Донья Кармелита со знанием дела пустилась в объяснения.

– От «бешеной травки» безумие является преходящим. Только лишь когда человек привыкает к удовольствию от этого состояния, ему угрожает стать безумным навсегда. Тогда он пляшет на улицах,

подобно обезьяне, и не обращает внимание на то, что люди смеются над ним. Императрице же дали яд один-единственный раз.

Киш не удержался и в лоб спросил у знахарки:

– А какой это мог быть яд?

Знахарка несколько испугалась и стала заверять его, что не имеет дело с ядами, а занимается исключительно целебными травами. Постепенно журналисту удалось выудить у нее, что императрица Карлота явилась к одной из знахарок столицы и попросила средство для зачатия ребенка. Разумеется, она пришла под вымышленным именем, переодетая, скрывая лицо под густой вуалью. Тем не менее, травница то ли узнала ее, то ли Карлоту умышленно заманили к ней, но мексиканка была яркой сторонницей Бенито Хуареса и черной ненавистью ненавидела *Emperadores*, как в народе называли Шарлотту и Максимилиана.

Журналист принялся допытываться, подсунули ли императрице растительное средство или змеиный яд. В конце концов ему удалось выудить у доньи Кармелиты, что Шарлотте дали гриб под названием *Teuhuinti*. Правда, далее знахарка разговаривать на эту скользкую тему отказалась, и Киш отправился наводить дополнительные справки в других местах. Оказалось, что в народе гриб известен под названием «плоть богов», вытяжка из него в разбавленном состоянии является тоником, а в неразбавленном вызывает длительное безумие. Средство не причиняет вреда телу человека, напротив, безумный может прожить до ста лет в полном физическом здравии. В начале заболевания у человека «едет крыша», он чувствует себя полным сил, становится задиристым, начинает угрожать людям намного сильнее его, строит дерзкие планы.

Известно, что грибы с наркотическим действием существуют не только в Мексике, – викинги будто бы перед битвами пили настойку из грибов, вводивших их в состояние возбуждения и осознания безграничности собственных сил. Что же касается конкретно Австрии, то в Вене с давних пор существовала поговорка:

«Der hat narrische Schwammerl gegessen»^[74].

Некоторые историки медицины также считают умопомрачение Шарлотты следствием психотропных веществ, которые понемногу подмешивали ей в еду. Широкие массы же более интересуется, кто был отцом ее сына, и что с этим ребенком случилось. Когда дитя появился на

свет, родственники Шарлотты оказались в затруднении. С одной стороны, они знали о бесплодии императора Максимилиана, с другой стороны, безумие матери не позволяло им докопаться до истины. Таким образом, его вроде бы нельзя было окрестить именем Максимилиан, но и другое тоже дать было не с руки. Когда младенец появился на свет, еще была надежда, что его мать выздоровеет. Посему император Франц-Иосиф I потребовал, чтобы ребенка немедленно забрали, а матери сказали, что он умер. Но для безумной Шарлотты рождение сына осталось белой страницей в ее жизни.

Таким образом, в жизнь вступил мальчик Максим де Нималь. До семи лет его воспитывала в твердых католических принципах некая бездетная вдова в Марселе. В семь лет ему был назначен опекун, финансист Давид Козн де Леон, друг бельгийского короля Леопольда II, брата Шарлотты, и он получил французское гражданство. В восемнадцатилетнем возрасте юноша поступил в Сен-Сир, самое престижное военное учебное заведение Франции. В двадцать лет его усыновил бухгалтер вышеупомянутого финансиста Франсуа-Жозеф Вейган и дал свою фамилию. Максим Вейган успешно закончил Сен-Сир и получил назначение в драгунский полк. У него всегда были лучшие скакуны в полку, и в деньгах молодой офицер явно не нуждался.

В 1900 году он попросил руки дочери командира полка, виконта де Форсанза. Отец невесты сначала отказал ему, заявив, что не может выдать свою дорогую Рене за человека без рода и племени: Максим совершенно чистосердечно признался ему, что ничего не знает о своих истинных родителях. Получив отказ, удрученный Вейган поделился своим горем с приемным отцом и практически на другой день получил согласие на брак. Будто бы генералу де Форсанзу сообщили, что у Максима более голубая кровь, чем у любого подданного республиканской Франции. На другой день после венчания на банковском счету Вейгана оказалось триста тысяч франков. В браке родились двое сыновей.

Максим Вейган прожил очень долгую жизнь, он скончался в 1965 году в возрасте 98 лет. Офицер сделал блестящую карьеру, во время Первой мировой войны он служил во французском Генеральном штабе при главнокомандующем Фердинане Фоше, выполняя самые ответственные задания. После войны Вейган был французским

советником при Ю. Пилсудском во время польско-советской войны. Во Второй мировой войне он сначала занимался восточно-европейским направлением и планировал операцию по захвату после бомбардировки английскими и французскими силами нефтепромыслов Баку. В 1940 году Вейган даже недолго побыл главнокомандующим французскими вооруженными силами. Сам Вейган будто бы никогда не пытался узнать правду об истинных родителях и в своих объемистых мемуарах обошел этот вопрос полным молчанием. Историки до сих пор гадают, кто же был его отцом, причем кандидатур несколько.

Историки А. Кастело и А. Бени сочли потрясающим внешнее сходство между Вейганом и бельгийским полковником на французской службе Альфредом ван дер Сmissеном (1823–1895). В мексиканской кампании он командовал легионом бельгийских добровольцев. Однако наиболее дотошные исследователи раскопали, что в предполагаемый период зачатия ребенка офицер находился с января 1866 года на севере Мексики и оставался там до июня, так что никакого контакта с Шарлоттой у него не было. Что же касается чрезвычайного сходства, увы, доказательством отцовства это быть не может. Подтверждением тому служит скандальный судебный процесс, состоявшийся в Париже в конце двадцатого века.

Дело шло о претензии на одну восьмую часть наследства известного шансонье Ива Монтана (1921–1991). Иск в суд подала студентка Аврора Дроссар, дочь незначительной актрисы. Ее мать когда-то снималась вместе с Монтаном в одном фильме, возник скоропалительный роман, в результате которого и появилась на свет Аврора. При жизни певец своего отцовства упорно не признавал. Девушка же была как две капли воды похожа на Монтана и после его кончины подала иск в суд. Через семь лет она сумела добиться эксгумации трупа покойного для отбора образца на тест ДНК. Три независимых экспертизы полностью исключили вероятность отцовства. Проигравшая истица была в ужасе, ибо в расчете на получение наследства Аврора влезла в долги и потратила огромные деньги на адвокатов, но отдавать их было нечем.

Вторым кандидатом является французский офицер Шарль Луазель (1825–1889). До мексиканской кампании он успел поучаствовать и в Крымской войне, и в военных действиях в Италии и Алжире. В

Мексике он сначала состоял в штабе главнокомандующего Базена, а затем был главой кабинета императора Максимилиана. Склонность Шарлотты к Луазелю отмечали все придворные, но это считалось платоническим увлечением императрицы. Странно же, однако, что в состоянии безумия она написала Луазелю более 400 писем, объем которых доходил порой до 20 страниц.

Третья гипотеза считает Максима Вейгана внебрачным сыном брата Шарлотты, бельгийского короля Леопольда II, большого любителя женщин, что, безусловно, полностью хоронит романтическую историю о тайном сыне безумной императрицы Мексики.

Продолжатель династии

Жизнь младшего брата императора, эрцгерцога Карла-Людвига, (1833–1896) вроде бы не выделялась ничем особенным. Даже его мать, уже известная читателю эрцгерцогиня Софи, признавала посредственность сына и в открытую заявляла:

– Интересным ему не быть никогда!

Тем не менее, именно ему было суждено стать отцом и дедом двух престолонаследников, завершивших историю пребывания династии Габсбургов на троне. Подростком Карл-Людвиг умилял окружающих невинной влюбленностью в свою очаровательную кузину Сисси, будущую императрицу, – тогда ей было всего 12 лет. Между ними даже завязалась безобидная переписка, принц делал ей трогательные подарки. Со временем переписка увяла; как известно, Карла обошел брат Франц-Иосиф, и в дальнейшем его семейная жизнь сложилась не особенно удачно. По молодости его женили на двоюродной сестре, принцессе Маргарите Саксонской, но та после двух лет супружеской жизни в возрасте всего 18 лет умерла от тифа, не успев обеспечить рождение наследника. Молодому вдовцу быстро подыскали замену в виде итальянской принцессы Марии-Аннунциаты с изрядной долей габсбургской крови. Невеста страдала не только тяжелым заболеванием легких, но еще и эпилепсией, причем приступ этого недомогания поразил ее прямо во время свадебных торжеств. Брак продлился всего 9 лет, но хворая эрцгерцогиня успела родить 4 детей, с которыми практически не общалась, боясь заразить их. По иронии судьбы, именно потомкам этой болезненной женщины выпала судьба продолжателей династии.

Старший сын этой четы Франц-Фердинанд, после трагической смерти принца Рудольфа и кончины отца, занял место наследника престола: именно его убийство совместно с супругой стало поводом для начала Первой мировой войны. Второй сын, эрцгерцог Отто, скончавшийся в 1906 году, стал отцом последнего императора Австро-Венгерской империи, Карла I. Третий сын Фердинанд-Карл дал повод для последнего скандала с выходом из императорского дома. В 1907 году он без разрешения императора тайно женился в Швейцарии на своей сожительнице с 1902 года Берте Чубер, дочери известного

австрийского математика и профессора высшей школы. Пару лет это событие удавалось держать в секрете, но затем история выплыла на поверхность, и император разразился громами и молниями. Франц-Иосиф приказал племяннику принять фамилию рядового обывателя, вернуть орден Золотого руна, выйти из армии, выехать за границу, а имя его вычеркнули из всех государственных справочников. Фердинанд-Карл принял фамилию Бург и переехал сначала в Лугано, а затем в Мюнхен. Чтобы он не слишком распускал язык в прессе, ему заплатили роскошные отступные в сумме 250 000 крон, что позволило отщепенцу вести безбедный образ жизни вплоть до его смерти в 1915 году.

Сам эрцгерцог Карл-Людвиг, не игравший особой роли как младший брат императора, в молодости, тем не менее, пытался заняться политикой. Его назначили наместником Тироля, но он счел права своих полномочий сильно ограниченными и подал в отставку, посвятив свою жизнь, как нейтрально выражалась пресса, «покровительству искусств и наук». Императорская семья охотно направляла его на всяческие мероприятия, где требовалось представительство от Габсбургов, отчего острые на язык венцы наградили его прозвищем «выставочный эрцгерцог».

Мать уверяла, что воспитала Карла-Людвига преданным католиком, за моральный облик которого у нее опасений нет. Графиня Лариш же в своих воспоминаниях назвала его «тучным стариком с животными инстинктами». Также и покинувший ряды династии эрцгерцог Леопольд-Сальватор, о котором речь пойдет ниже, был невысокого мнения об этом родственнике. По его уверению, Карлом-Людвигом владела «единственная страсть к старому вину и молодым женщинам, лошадям и охоте».

Видимо любовь к прекрасному полу не позволила ему долго маяться во вдовцах, и после смерти второй супруги Карл-Людвиг женился в третий раз на Марии-Терезии Португальской, очень красивой, неглупой и дипломатичной даме, на 22 года моложе него. Она чистосердечно заботилась об осиротевших детях мужа от второго брака, не делая никакой разницы между ними и своими двумя дочерьми. Мария-Терезия пользовалась прекрасной репутацией в императорском семействе. Невзирая на собственные постоянные измены, Карл-Людвиг стал бешено ревнив, на всех молодых офицеров

смотрел как на потенциальных соблазнителей и нередко распускал руки. В один из последних дней своей жизни он заявился домой пьяным в компании столь же хмельных людей и дам полусвета. Когда жена попыталась урезонить его, супруг пустил в ход плеть для верховой езды. Подобное поведение шло вразрез с его чрезвычайно религиозными настроениями, которые под конец жизни только усиливались. В старости он даже разъезжал по улицам Вены, благословляя прохожих крестным знаменем, что вообще-то подобало только высшим церковным иерархам. Под конец жизни Карл-Людвиг совершил паломничество в Египет и Палестину, где напился воды из Иордана и по возвращении на родину через некоторое время скончался от тифа.

Младший сынок Софи

Но наиболее скандальным из братьев императора оказался самый младший, эрцгерцог Людвиг-Виктор (1842–1919). Трудно сказать, была ли аномалия в ярко выраженных склонностях этого человека к представителям мужского пола врожденной или привнесенной воспитанием. Эрцгерцогиня Софи страстно желала иметь девочку, однако ее единственная дочь Мария-Каролина страдала, подобно своему дяде, императору Фердинанду I, эпилептическими припадками, от одного из которых и скончалась в возрасте всего 4 лет. Попытка обеспечить ей замену привела к тому, что на свет появился еще один сын. Мать долго держала его при себе в обществе своих фрейлин, наряжала в девичьи платья и всячески лелеяла. С легкой руки матери у Людвиг-Виктора в семье создалась репутация всеобщего любимца, типичная история «младшенького» и последнего чада, получившего прозвище «Луцивучи». Император считал своим долгом оказывать младшему брату покровительство и на многие его выходки смотрел сквозь пальцы.

Пребывание в женском обществе развило в нем умение вести остроумный светский разговор о самых незначительных предметах, каковая сноровка со временем переросла в сплетничанье, а остроумие – в злословие. Его обычной тактикой было прикинуться сочувствующим лицом, втереться к человеку в доверие, а затем делать ему гадости и распространять о нем сплетни. Его совершенно не переносила императрица Елизавета, которая рассказала графине Фестетич:

– Эрцгерцог Людвиг, чтобы обозлить меня, доподлинно точно передавал все, что люди лгут на мой счет. Естественно, он ненавидит меня и хочет таким образом причинить мне боль. Теперь я никогда не встречаюсь с ним наедине и не принимаю его. Он столько насплетничал и налгал, что действительно отравил мою жизнь. Он поносит всех и меня также. Он говорит отвратительные вещи и потом уверяет, что их сказала я. Теперь я больше не встречаюсь с ним и живу в полном спокойствии.

Невзирая на то, что при дворе нездоровые склонности Людвиг-Виктора были отлично известны всем, его пытались женить. Старший

брат Максимилиан нашел ему очень выгодную невесту, дочь-наследницу бразильского императора Педро, т. е. у Австро-Венгрии вновь возникала перспектива присоединить к себе обширную богатую заморскую территорию. Однако эрцгерцог заявил, что вступать в брак с «отталкивающе безобразной принцессой» не намерен, но если его будут к тому принуждать, он до конца своих дней будет чувствовать себя мучеником. В 1866 году его заставили сделать предложение сестре Сисси, баварской принцессе Софи, столь же красивой. Та, пребывая в депрессии после того, как баварский король Людвиг II расторг их помолвку, наотрез отказала своему двоюродному брату.

Княгиня Нора Фуггер оставила в своих воспоминаниях самые нелестные отзывы о Людвиге-Викторе: «Он разительно отличался от своих братьев, не имел ни военной жилки, ни склонности к искусствам, был слабым, немужественным, жеманным, уродливой внешности. Его боялись из-за его клеветы. Он вел чрезвычайно светскую жизнь, был обо всем – не всегда верно – осведомлен, язык у него – остер, как жало у ядовитой змеи. Он во все вмешивался, плел интриги и радовался, когда вследствие этого вспыхивали небольшие скандалчики. У людей были все основания опасаться его болтливости и сплетен, но ведь он был братом императора! Так что его все терпели. Правда, у него была одна положительная сторона: он был верным другом своих друзей – больше, чем подруг, – защищал их, когда свет нападал на них, и оказывал им всяческие услуги. По отношению к пожилым дамам – более, нежели к молодым, – выказывал он всяческое внимание и любезность. Его не любили в императорской семье, поскольку он всегда умел раскритиковать что-то или оболгать».

Ношение женского платья, связь с кучером и посещения общественной бани в Вене регулярно давали повод для скандалов. До поры до времени император отшучивался:

– Надо было бы назначить ему в адъютанты балерину, тогда ничего такого не случилось бы!

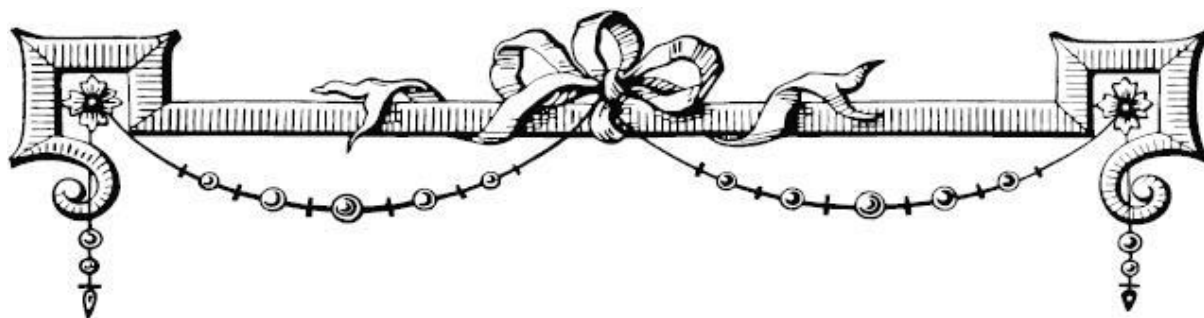
В его роскошном дворце на Шварценбергской площади не было бассейна, и Людвиг-Виктор завел себе обычай дважды в неделю в сопровождении адъютантов посещать общественную баню. Тот факт, что эрцгерцог в общественной бане купался вместе Бог знает с кем, никак не укладывался в строгий придворный этикет. В один прекрасный день 1904 года все закончилось громким скандалом, когда

один из посетителей, уставший от домогательств эрцгерцога, отвесил ему пару оплеух. О столь неприглядном событии было доложено императору, немедленно приказавшему брату отправиться в свой замок Клесхайм под Зальцбургом. Поговаривали, что немалую роль в этой ссылке сыграл наследник престола Франц-Фердинанд, жену которого, графиню Лидию Хотек, Людвиг-Виктор считал недостойной своего мужа из-за недостаточно почтенного генеалогического древа и выказывал ей презрение чуть не в глаза.

Свои гомосексуальные наклонности он не скрывал и в замке Клесхайм регулярно разгуливал по комнатам в женском платье. Пока Людвиг-Виктор был в здравом уме, то всячески поддерживал свою репутацию мецената, устраивая грандиозные балы, но офицерам полка местного гарнизона было запрещено принимать приглашения на эти празднества. В 1915 году над эрцгерцогом пришлось установить опеку и изолировать его в помещении с решетками на окнах. Умалишенный Людвиг-Виктор скончался в 1919 году уже после падения империи и был похоронен на обычном кладбище.

Глава 4

Последние Габсбурги

Надо сказать, что поведение молодого поколения Габсбургов доставляло императору Францу-Иосифу I сплошные огорчения. Как было рассказано выше, сам монарх не отказывал себе в радостях жизни, но пользовался ими по возможности скрытно, своим примером потворствуя подобному же образу действий многочисленной родни. Тем не менее, престиж династии был для него превыше всего, и император без малейшего снисхождения преследовал тех, кто пытался запятнать честь рода супружеством с простолюдинкой, даже с дворянкой, – Габсбурги должны были сочетаться браком только с отпрысками правящих семей. Невесте надлежало быть равной по статусу, католичкой (но годилась и протестантка, если она изъявляла согласие сменить веру): лишь в таком случае можно было рассчитывать на получение разрешения от императора. Надо было обладать упорством эрцгерцога Иоганна-Батиста, личности явно незаурядной, чтобы добиться легализации брака с дочерью почмейстера Анной Плохль.

Дурной пример заразителен, и, в отличие от уникальной истории Филиппины Велсер, в XIX веке он не остался единственным. Эрцгерцог Генрих-Антон (1828–1891) являлся одним из многочисленных внуков императора Леопольда II. Он был совершенно типичным Габсбургом, в положенное время поступил на военную службу, ничем особенным на ней не отличился, но дослужился до командования дивизией и был награжден высоким орденом Золотого

руна, о котором простые смертные и мечтать не смели. Однако в феврале 1968 года эрцгерцог совершил, с точки зрения родни, непоправимую глупость: обвенчался в Больцано^[75] с певицей Леопольдиной Хофман. Гнев императора Франца-Иосифа был велик, но он, по крайней мере, не стал оспаривать законность этого брака и даже сделал жену Генриха дворянкой. Однако глава семьи выставил целый ряд условий, которым Генрих беспрекословно повиновался. Его исключили из императорской семьи Габсбургов, даровав титул графа Вайдека, и потребовали навсегда покинуть пределы отечества. Разжалованный эрцгерцог сложил с себя все воинские звания и убыл из Австрии в Швейцарию, где поселился в Люцерне. Поскольку Генрих-Антон не располагал большим личным состоянием, то был вынужден договариваться со своими четырьмя братьями относительно выделения ему средств на прожитие.

Граф Вайдек вел в тихом Люцерне совершенно мирный образ жизни, наслаждаясь семейным счастьем. У четы родилась дочь Мария-Райнерия, пользовавшаяся безграничной любовью родителей. Однако в 1872 году супруги получили личное письмо от императора, буквально ошеломившее их. Франц-Иосиф I сообщал, что Генрих «восстанавливается в правах императорского принца, а его морганатический брак задним числом получает высочайшее соизволение». Так и осталось невыясненным, что же вызвало такое изменение в образе мышления императора, поколебавшее незыблемые устои кодекса семьи Габсбургов. Возможно, его подвигла на такую неслыханную милость внезапная смерть матери, эрцгерцогини Софи, в апреле того же года, которая нанесла ему тяжкий удар. Но этому случаю восстановления члена династии в своих правах было суждено остаться единственным. Семья вернулась в Больцано, где Генрих-Антон владел небольшим дворцом, и счастливо жила там до смерти супружеской четы, случившейся, как в сказке: во время одной из поездок в Вену в 1891 году оба заболели воспалением легких и скончались в один и тот же день.

История брака эрцгерцога Генриха-Антоня закончилась более или менее благополучно, но это вовсе не означало, что родственники перестали удивлять императора. Когда в 1899 году упокоился эрцгерцог Эрнст, императора ожидало потрясающее открытие. Этот холостяк не проявил себя ничем особенным, служил по военной части,

нажил кучу долгов, но так и не стал обременять себя узами Гименея. Однако как только прах эрцгерцога поместили в склеп Габсбургов, буквально ниоткуда появились трое детей покойного и предъявили претензии на наследство.

Оказалось, что 26 апреля 1858 года эрцгерцог Эрнст будто бы обвенчался с Лорой фон Скублиц, дочерью мелкопоместного венгерского дворянина Имре фон Скублицца. Дама была разведена и имела от первого брака двух дочерей; отсюда было ясно как день, что император ни в коем случае не даст согласия на этот брак. Поэтому венчание держалось в строжайшей тайне, тем более, что свидетелем был брат жениха, эрцгерцог Генрих. От этого союза родились две дочери (одна из которых умерла) и сыновья Эрнст и Генрих. Их мать, именовавшая себя баронесса фон Вальбург, скончалась в 1865 году. Поскольку отец пребывал в состоянии постоянного банкротства, расходы по содержанию потомства принял на себя брат Эрнста, эрцгерцог Райнер.

Дети носили фамилию фон Вальбург, но им было запрещено говорить, кто является их истинным отцом и общаться с ним. Это оказало такое воздействие на их психику, что Генрих (1861–1888) в припадке депрессии покончил жизнь самоубийством, перерезав себе вены. Клотильду выдали замуж за врача, что же касается Эрнста (1859–1920), тот имел склонность к широкому образу жизни, денег на который у него не было, и погряз в долгах. Процесс по делу внезапно объявившегося потомства длился с 1900 по 1902 год, причем предъявленное свидетельство о браке эрцгерцога с Лорой фон Скублиц сочли фальшивкой. Точно таким же признали и ее титул баронессы фон Вальбург, ибо он не был пожалован законным образом. В 1909 году министр внутренних дел Австро-Венгрии постановил, что дети должны носить девичью фамилию матери. Мечтавшему о великосветской жизни Эрнсту пришлось зарабатывать себе на пропитание, трудясь последовательно кондуктором венской конки, шталмейстером и переписчиком нот у Иоганнеса Брамса и Иоганна Штрауса. В конце концов он опустился до положения официанта в будапештском кафе и в двадцатых годах прошлого века скончался в полной бедности.

Неуступчивый наследник престола

Старший племянник императора, эрцгерцог Франц-Фердинанд (1863–1914), после трагической смерти принца Рудольфа, а затем кончины своего отца Карла-Людвига занял место наследника престола. Рожденный больной матерью, он всю жизнь не отличался крепким здоровьем, одно время у него даже будто бы диагностировали туберкулез, но тщательное лечение и длительное морское путешествие сотворили чудеса. С детства ему была предназначена обычная стезя отпрыска мужского пола династии Габсбургов: строгое религиозное воспитание и карьера военного. Франца-Фердинанда это вполне устраивало, он вырос глубоко верующим человеком и был очень доволен предначертанной ему судьбой служения во славу австрийского оружия.

– Я – офицер телом и душой, – не без гордости говаривал он. – На мой взгляд, во всем мире сие суть профессия самая возвышенная и благородная.

Франц-Фердинанд потихоньку продвигался по служебной лестнице, естественно, у отпрыска из династии Габсбургов было с этим меньше сложностей. Он был очень осторожен в своем поведении, стараясь держаться подальше от людей, пытавшихся лестью и угодничеством завоевать его дружбу лишь с целью личной выгоды. Тем не менее, Франц-Фердинанд поначалу также вкусил от довольно беспечной жизни молодых офицеров: танцевал на балах, участвовал в пирушках, охотился с братьями и сослуживцами – последнему занятию он страстно предавался до конца своих дней. С тайнами секса его, как водится, познакомили певички и танцовщицы. Не обошлось без некоторых осложнений.

2 июля 1885 года некая Мария Йонке родила мальчика, нареченного Генрихом. Молодая женщина принялась утверждать, что его отцом был Франц-Фердинанд, и в апреле следующего года пригрозила подать иск в местный суд. Начались переговоры, в результате которых эрцгерцог согласился выплатить фрейлейн Йонке 15 тысяч гульденов, и, таким образом, эта претензия была урегулирована. 29 августа 1889 года двадцатилетняя Мария Хан, продавщица из пражского магазина одежды, произвела на свет сына, которому дала имя Курт. К ней

откомандировали посредника, убедившего молодую женщину, что некоторое возмещение живыми деньгами более реально, нежели судебный иск, обреченный на проигрыш.

Невзирая на полученные их матерями отступные, и Генрих Йонке, и Курт Хан впоследствии всю свою жизнь утверждали, что являются потомками Габсбургов и даже после падения империи шантажировали детей Франца-Фердинанда. Курт Хан в 1939 году безуспешно пытался выиграть в суде иск по претензии на часть имущества покойного эрцгерцога. Незадолго до своей смерти в 1942 году он даже сменил свое простонародное имя на исторически благородное Франц-Фердинанд.

Генрих Йонке вообще слыл психически неуравновешенным человеком, это даже помогло ему уклониться от прохождения военной службы. Доказательства того, что Франц-Фердинанд был его отцом, выглядели весьма неубедительно, и после крушения империи сыновья покойного эрцгерцога отказались платить самозванцу. Тогда Йонке обратился с иском в суд Зальцбурга. После рассмотрения дела суд признал претензии Йонке необоснованными.

Но и при жизни эрцгерцога эти грехи молодости сильно досаждали Францу-Фердинанду, тем более, что они быстро становились достоянием общественности, обожавшей перемывать косточки Габсбургам. О всех проступках родни доносилось императору, и это могло повлечь за собой самые неприятные последствия. В 1888 году Франц-Фердинанд жаловался наследному принцу Рудольфу:

– Вы должны признать, что с Отто и со мной обходятся несправедливо. Как только мы отправляемся на охоту или какие-нибудь жалкие танцы, так на весь двор, на всю Вену поднимаются негодующие крики, а в армейском кругу нам ставят в вину уклонение от служебного долга.

Как это ни странно, невзирая на свою весьма подмоченную репутацию, Рудольф пожелал помочь кузену дельным советом:

– Кузен, нужно наслаждаться своим здоровьем в полном объеме, но всегда в меру и с умом.

Первое отклонение от обычной судьбы молодого Габсбурга произошло еще когда Францу-Фердинанду исполнилось всего 12 лет. Скончался бездетный герцог Франц V Моденский, эрцгерцог Австрийский-Эсте. Он был обладателем большого состояния и

многочисленных ценных объектов недвижимости, каковым имуществом распорядился посредством весьма сложного завещания объемом в 500 страниц. Покойный оставил все это добро тому из рода Габсбургов, кто присоединит титул Эсте к своему собственному и продолжит эту линию, ставшую выморочной. Тут подсуетился отец Франца-Фердинанда, предложив на роль наследника своего старшего сына. Правда, одно из условий весьма взволновало подростка: чтобы получить наследство, ему в течение года предстояло овладеть практическим знанием итальянского языка. Вот в этом-то для потенциального наследника и заключался камень преткновения.

Мы уже говорили о том, что практически все Габсбурги были полиглотами, но, увы, к числу таковых. Франц-Фердинанд не принадлежал. Его с детства пичкали уроками французского, английского, чешского и венгерского, но, за исключением французского, который эрцгерцог освоил вполне сносно, на остальных он так и не смог разговаривать бегло. Итальянский же ему удалось в известной степени покорить, и Франц-Фердинанд стал обладателем знаменитой виллы д'Эсте близ Рима, замка в окрестностях Падуи, Моденского дворца в Вене, нескольких поместий, коллекций оружия и художественных ценностей. Правда, все это было отягощено многочисленными обязательствами по содержанию родственников в Эсте, например, вдовы герцога Моденского, пенсий для слуг и содержания огромного штата, причем ничто из завещанного имущества не могло быть продано, а работники не подлежали увольнению. Тем не менее, Франц-Фердинанд стал считаться одним из самых богатых эрцгерцогов.

Гибель принца Рудольфа и, после смерти отца, назначение наследным принцем глубоко потрясли Франца-Фердинанда. Молодой человек хорошо осознавал, какая ответственность свалилась на его не особенно крепкие плечи, и как она осложняет его жизнь. Эрцгерцог уменьшил количество выездов на охоту, перестал участвовать в шумных выходках своего брата Отто, стал еще тщательнее выбирать свое окружение. По слухам, он будто бы содержал в своем Моденском дворце молодую любовницу по имени Мила Куглер, но сколь долго длилась эта связь – неизвестно. Двор беспрестанно досаждал ему требованиями жениться, но Франц-Фердинанд отчаянно сопротивлялся. В этом его поддерживали императрица Елизавета и

мачеха Мария-Терезия Португальская, заменившая ему рано умершую мать. Когда наследнику стали сватать родственницу из династии Виттельсбахов, императрица Елизавета отправила ему письмо, настоятельно советуя:

«Не делай этого, Франц, ищи другую кровь. Вопреки всем советую тебе: женись на той, которую ты любишь, в противном случае у тебя родятся безобразные дети...»

Под иным родством Елизавета подразумевала невесту не из баварской династии. К этому времени ей было уже ясно, что безумие поразило как ее двоюродного брата, короля Баварии Людвига II, так и его младшего брата Отто. Франц-Фердинанд внял совету императрицы, но не питал никаких иллюзий относительно перспектив найти себе избранницу по сердцу.

«...когда кто-нибудь из нас полюбит кого-то, в ее семейном древе непременно обнаруживается какая-нибудь мелочь, препятствующая браку, а потому впоследствии у нас оказывается, что муж и жена всегда связаны двумя десятками родственных уз. В результате половина детей родятся дураками и эпилептиками».

Собственно говоря, эрцгерцога пугала не сама идея брака, но невозможность найти родственную душу и, в результате, перспектива «обзавестись восковой куклой». Он писал графине Норе Фуггер:

«...мне хотелось бы спокойной жизни, уютного дома и семьи, но я задам вам важный вопрос: кого взять в жены?...К сожалению, среди принцесс на выданье не из кого выбирать; все они еще цыплята, девочки шестнадцати-восемнадцати лет, одна уродливее другой... Я могу легко представить себе идеал той женщины, которая мне нужна, подле кого я хотел бы жить, и которая тоже стала бы со мной счастлива: ей не надобно быть слишком юной, а ее характер и взгляды на жизнь должны быть устоявшимися и зрелыми. Но я не знаю ни одной подобной принцессы».

Через тернии – к семейному счастью

Все-таки Францу-Фердинанду повезло, ибо он нашел такую женщину. Ею оказалась чешская графиня София Хотек (1868–1914), дочь дипломата. Она была скорее миловидной, нежели красивой, очень элегантна, хорошо образована, свободно разговаривала на английском, немецком и французском языках, но довольно неуверенно – на чешском. Ее отец, второй сын в семье, был беден и отягощен восемью дочерьми и двумя сыновьями. Образ жизни семьи Хотеков был типичным примером того, что называли «позолоченной нищетой»: дипломат провел всю свою жизнь при европейских дворах, но дочери были вынуждены зашивать просящие каши башмаки обыкновенными нитками. Этот изъян тут же заприметили пройдохи-журналисты, когда семья прибыла в Вену. У дочерей-бесприданниц аристократов выбор жизненного пути был невелик: либо уйти в монастырь, либо поступить на службу в качестве гувернантки или фрейлины. И двадцатилетней Софии удалось приискать место фрейлины жены эрцгерцога Фридриха, урожденной принцессы Изабеллы де Крой (1856–1931).

Изабелла была дородной мужиковатой особой, по внешности которой никак нельзя было предположить, что она является продуктом слияния нескольких древних бельгийских, французских и немецких аристократических родов, в частности, знаменитых принцев де Линь. Зато дама прекрасно осознавала исключительную ценность своей голубой крови и держалась соответствующим образом, т. е. весьма надменно. Эта особа подавляла даже своего мужа, но несказанно огорчила его, родив подряд восемь дочерей, пока на свет не появился долгожданный сын. Изабелла была требовательной, властной и мстительной работодательницей, однако София молча сносила все придирки и выходы эрцгерцогини. Мало что известно о романе девушки с Францем-Фердинандом, поскольку их обширная переписка и дневники были утрачены в результате потрясений двух мировых войн. Предположительно, они познакомились то ли в 1892, то ли в 1894 году. Франц-Фердинанд часто наносил визиты во дворец эрцгерцога Фридриха, и Изабелла решила, что его интересует их старшая дочь Мария-Кристина. Перспектива выдать дочь за наследника престола вскружила эрцгерцогине голову, тем ужаснее

были ее разочарование и гнев, когда она узнала о влюбленности Франца-Фердинанда в графиню Хотек.

Ее озлобление не знало границ и, объединившись с обергофмейстером двора князем Монтенуово, эрцгерцогиня Изабелла положила все силы на то, чтобы буквально стереть в порошок эту ничтожную особу и заставить наследника жениться на своей дочери. Она пожаловалась Францу-Иосифу, который вызвал виновника на ковер в Хофбург, дабы прочитать ему мораль и заставить разорвать эту порочащую честь Габсбургов связь. К ужасу императора племянник заявил о желании взять Софию в жены.

«Я могу еще раз упомянуть, что желание вступить в брак с графиней не является плодом настроения, но следствием глубочайшей привязанности, многих лет испытаний и страдания. Брак с графиней, однако, является средством на всю свою жизнь внести меня в число тех, кем я хочу и должен быть: преданным своему делу человеком и счастливым мужчиной. Без сего брака я буду вести мучительное существование, которое испытываю уже сейчас, и которое преждевременно изнурит меня. В другой брак я не хочу и никогда не вступлю, потому сие противоречит мне, и я не желаю связать себя с другой, сделать несчастным меня и ее, тогда как мое сердце принадлежит графине и должно вечно принадлежать ей»...

Тут следует напомнить, что князь Монтенуово был внуком второй жены Наполеона, эрцгерцогини Марии-Луизы от ее морганатического брака с графом Найпергом. Царедворец остро испытывал чувство собственной неполноценности и всячески мстил Софии Хотек, считая ее выскочкой. Францу-Фердинанду дали год на обдумывание отказа от столь неравного брака, причем на него оказывалось мощнейшее давление. Эрцгерцог устоял, и император дал согласие только на морганатический брак, в котором жена не имела прав на привилегии, полагавшиеся мужу, а дети не могли унаследовать права на престол. Для приличия Софии был пожалован титул княгини Гогенберг^[76], которым Франц-Фердинанд пользовался, когда путешествовал инкогнито.

На весьма скромной свадьбе из всех членов многочисленной императорской семьи присутствовали только мачеха жениха Мария-Тереза Португальская с двумя дочерьми. Все прочие, даже родные братья Франца-Фердинанда, демонстративно выразили свое презрение

к сородичу, избравшему невесту ниже себя по рождению. Но супружество действительно оказалось счастливым и гармоничным, в нем родились два сына и дочь. Уже прожив несколько лет в браке, эрцгерцог признавался:

«Моя София – все для меня в сем мире. Она суть моя радость и мое будущее. Я просто не могу себе представить свою жизнь без нее!»

Казалось бы, сказка о Золушке завершилась благополучным финалом, но Софии предстояло еще много вынести, чтобы ее признали полноценным членом клана Габсбургов. Будучи морганатической супругой, она была лишена практически всех привилегий, которыми были наделены прочие жены Габсбургов. В первую очередь, ей не разрешалось появляться с мужем на публике, будь то исполнение им официальных обязанностей (посещение предприятий, открытие школ и памятников) или частный выход в свет, например, посещение автомобильных гонок. Если чиновники обращались к ее мужу с приветствием или докладом, она не имела права находиться рядом с ним. Софии воспрещалось занимать кресло в императорской ложе на скачках или в театре, ей приходилось сидеть в другом месте.

Морганатическая жена не имела права ездить в императорских каретах с позолоченными спицами, но лишь в экипажах, предназначенных для фрейлин императорского двора. Когда ее муж давал официальный прием или ужин для дипломатов, членов королевских семей, правительственных делегаций в своей официальной резиденции, дворце Бельведер, Софии было запрещено присутствовать на них. Тем не менее, для нее в конце стола было оставлено и сервировано место, хотя эта зияющая пустота причиняла острую боль ее мужу.

Даже иногда оказываясь во дворце Хофбург на приемах, она не имела права сопровождать мужа и шла под руку с камергером двора. Все супруги Габсбургов шествовали по правую сторону вереницы гостей, София – по левую, что подчеркивало ее низкий статус. Когда в зал заходили члены императорской семьи, двойные двери были широко открыты, когда наступала очередь супруги Франца-Фердинанда, одна из створок демонстративно закрывалась, так что для вхождения в зал в объемном парадном туалете женщине приходилось повернуться боком. Надо сказать, что София переносила все эти унижения с большим достоинством и терпением, что постепенно стало

пробуждать в обществе сочувствие к ней. Она же полностью посвятила себя своей семье, отдаваясь этому с истинным самопожертвованием, ибо характер у болезненного и подверженного вспышкам беспричинного гнева Франца-Фердинанда был непростым. Муж понимал это и ценил свою супругу. Вот что писал он своей мачехе Марии-Терезе Португальской:

«Ты не представляешь, как я счастлив со своей семьей, и как я могу не благодарить Господа за выпавшее мне счастье?! После Бога я должен поблагодарить вас, дорогая мама, потому что вы были той, кто помог мне обрести это счастье. Самая мудрая вещь, что я сделал в своей жизни – это женитьба на моей Софии. Она для меня все: жена, советник, врач, друг – словом, вся моя радость... Мы любим друг друга так же, как и в первый день нашего брака, и ничто не омрачило наше счастье ни на одну секунду».

Супруги сами занимались воспитанием своих детей, Софи, Макса и Эрнста, проводили вместе с ними очень много времени в своих поместьях. Франц-Фердинанд просто обожал своих детей, как это видно из его письма:

«Я могу лишь сказать, что в них отражается все самое лучшее, что есть в нас. Слава Богу, у нас все хорошо, и наши дети растут и расцветают».

Как известно, оба супруга стали первыми жертвами разразившейся вскоре мировой войны. Перед смертью последние слова Франца-Фердинанда были обращены к жене:

– Софи! Софи! Не умирай! Останься жить ради наших детей!

Мстительный князь Монтенуово устроил похороны таким образом, чтобы окончательно унижить супружескую пару: на погребение не были приглашены, как оно полагалось, главы других государств, гробы установили не в усыпальнице Габсбургов, а в склепе замка Артштеттен, принадлежавшего покойному. При этом гроб Софии опустили ниже гроба Франца-Фердинанда, напоминая о ее низком происхождении, недостойном супруги наследника престола.

Паршивая овца семейства

Младший брат Франца-Фердинанда, эрцгерцог Отто (1865–1905, обратите внимание на продолжительность жизни), второй в порядке рождения, ни капельки не походил на него. По мнению современников, из всех Габсбургов он был наиболее хорош собой: «высокий, стройный, с благороднейшими чертами лица». Женщины сходили по нему с ума, и это окончательно сгубило избалованного чрезмерным вниманием окружающих красавца. Его любовные связи не поддавались счету. Отто не делал тайны как из этих мимолетных увлечений, так и из многочисленных бастардов. Он даже признал своим побочного сына от балерины Марии Шляйнцер и дочь от актрисы Луизы Робинсон. После смерти эрцгерцога Отто император узнал о существовании этих отпрысков и выплатил каждому из них по 100 000 крон помимо царского вознаграждения обеим матерям. В бурном круговороте своих походов Отто в 1886 году мимоходом женился, но, похоже, единственный раз в жизни согласился пойти на такой ответственный шаг во имя спасения чести династии.

Дело обстояло следующим образом. Приспела пора жениться старшему брату Отто, эрцгерцогу Францу-Фердинанду. С политической точки зрения был желателен союз с каким-нибудь германским сувереном, наиболее подходящим на тот момент сочли Георга I Саксонского, у которого было на выданье две дочери, Матильда и Мария-Иозефа, девицы во всех отношениях безупречные. Как нам уже известно, в таком глубоко личном вопросе Франц-Фердинанд собирался следовать голосу сердца, а не призыву долга.

Франца-Фердинанда отправили в Дрезден на смотрины, подкрепив его младшим братом Отто, который тогда еще не успел прославиться скандальными выходками. Несомненно, перед шармом этого красавца не мог устоять ни один человек, тогда как склонный к меланхолии его старший брат был вполне способен произвести неблагоприятное впечатление на будущую родню. Оказавшись в Саксонии, Франц-Фердинанд признал обеих девиц неподходящими для роли своей супруги и наотрез отказался жениться. Король Георг I счел такое поведение потенциального жениха оскорбительным, дело грозило дипломатическим кризисом в отношениях двух стран. Во избежание

ненужных для Австро-Венгрии осложнений из Вены поступил приказ императора Отто жениться на саксонской принцессе Марии-Иосифе. Эрцгерцог беспрекословно повиновался: в конце концов, ему было совершенно безразлично, с кем идти под венец. Молодым выделили в Вене дворец Аугартен и пожелали счастливой и долгой семейной жизни.

Мария-Иозефа была воспитана верной католичкой, и разгульный образ жизни мужа был для нее глубоко неприемлем. Как-то раз он вломился к ней в спальню в сопровождении гурьбы таких же пьяных кутил и заорал:

– Сейчас я вам покажу голую герцогиню! Пусть не прикидывается монашкой!

Мария-Иосифа регулярно жаловалась на мужа императору, но толку от этого было немного. У нее родились два сына, старший в 1916 году стал последним императором Австро-Венгрии Карлом I, ибо был уже не в силах предотвратить развал государства.

Помимо сексуальных похождений, эрцгерцог выкидывал такие номера, которые было невозможно было скрыть от общества. Как-то раз он напился и заявился в один из лучших отелей Вены «Захер», славившийся своей изысканной кухней, в совершенно обнаженном виде, имея на себе лишь саблю, белые перчатки и орден Золотого руна. Как на грех, там же оказался и посол Великобритании. Дипломат не растерялся и попросил устроить ему аудиенцию у императора, которая и была ему без промедления дарована, дабы сгладить неприятное впечатление от поведения племянника Франца-Иосифа I. Выходка Отто настолько разгневала венценосного дядю, что он отправил его на два месяца под арест в монастырь. Поговаривали, что винные погреба этого заведения по окончании срока заточения эрцгерцога существенно уменьшились.

Похождения Отто приобрели столь позорный характер, что их вынесли на рассмотрение парламента. Видный социал-демократ своего времени Энгельберт Пернершторфер в феврале 1888 года поведал коллегам на заседании о «молодом, чрезвычайно высокопоставленном господине», который вместе со своими приятелями, сидя на скакуне, перепрыгивал через гроб проезжавшей мимо погребальной процессии. Хотя никаких имен названо не было, через некоторое время в квартиру депутата вторглись два вооруженных

головореза и как следует отколошматили его. Подозрение пало на Отто, причем ему оказал поддержку наследный принц Рудольф. По крайней мере, об этом можно судить по опубликованному позднее его письму от 5 марта 1988 года к супруге Стефани:

«Полиция допекала меня, они напали на следы и вышли на полк, в котором служили нападавшие! Людей они найти не смогли, мы спрятали одного в Южной Венгрии, другого в Герцеговине. Мне потребовалась вся моя наглость, чтобы вытащить Боллу^[77] и себя из этой истории».

Молодые эрцгерцоги в этой истории явно переборщили по части мести. Но это не повлекло за собой никаких последствий для них, поскольку оба они обладали иммунитетом членов правящей династии. Отто все чаще устраивал кутежи в кабаках самого низкого пошиба. Один из советников императора докладывал:

«Эрцгерцог заявлялся в полном мундире в трактиры с самой постыдной репутацией и кутил с самыми низкопробными проститутками или устраивал дикие дебоши в закрытых комнатах некоторых гостиниц».

Видимо именно у этих спутниц Отто подцепил «французскую болезнь», в данном случае, сифилис. Виновницей считали то ли румынскую цыганку, то ли кокотку из Монте-Карло. Известный тогда профессор Мразек заявил, что «никогда за время всей своей практики не встречал венерическую заразу такой токсичности, как в случае несчастного эрцгерцога, все средства отказывали, и пациент был безнадежно обречен». Он облысел, потерял голос, скелет носа разложился, и ему изготовили протез из каучука. Его последняя любовница Луиза Робинсон преданно ухаживала за ним до конца вместе с мачехой эрцгерцога Марией-Терезой Португальской.

Супружеская месть

Уже при жизни беспутного мужа Мария-Иосифа вступила в связь с актером-премьером Бургтеатра Отто Тресслером (1871–1965). Этот человек прожил совершенно удивительную творческую жизнь. Тресслер родился в Германии, окончил там гимназию и начинал продавцом в книжной лавке. Юноша увлекался игрой в любительском театре, где попал на глаза опытному режиссеру, сменил неприметную фамилию Майер на более благозвучную Тресслер и быстро занял ведущее положение в придворном театре Штутгарта. Затем в 1896 году ему удалось получить ангажемент в венском Бургтеатре, где он прослужил до 1961(!) года, сыграв почти четыре сотни ролей, преимущественно главных, включая такие как Гамлет, Мефистофель и т. п.

За свою театральную карьеру Тресслер собрал все почетные звания и премии, которые только возможно было получить в Вене. Когда наладилось производство художественных фильмов, он начал активно сниматься, причем безболезненно совершил переход из немого в звуковое кино. Любопытно, что в 1955-56 годах актер снялся в роли национального героя, престарелого маршала Радецкого, в популярных фильмах «Сисси» и «Сисси – юная императрица». Тресслер был четыре раза женат, не говоря уже о многочисленных романах.

Ходили слухи, что пренебрегаемая мужем герцогиня даже обращалась к императору с просьбой разрешить ей завести любовника, и Франц-Иосиф будто бы такое разрешение дал. Мария-Иосифа встречалась с актером не только тайно в своем дворце Аугартен, но и приглашала на званые вечера, где неизменно просила продекламировать что-нибудь. Тресслеру это не нравилось, ибо, по его воспоминаниям, «ему хотелось быть просто публикой». Как-то раз он все-таки был вынужден прочесть балладу Шиллера «Перчатка», известную у нас в переводе М. Ю. Лермонтова. После заключительных строк:

Но, досады жестокой пылая в огне,
Перчатку в лицо он ей кинул:

«Благодарности вашей не надобно мне!»
И гордую тотчас покинул, —

актер бросил к ногам Марии-Иосифы свой белый носовой платок и попытался с гордо поднятой головой удалиться из гостиной. Не тут-то было! Бдительный гофмейстер эрцгерцогини схватил его за руку и потащил обратно к хозяйке. Любовь к актеру Мария-Иосифа сохранила до последних дней своей жизни, которые она провела после падения империи в Баварии, часто просматривая старые фильмы с участием Тресслера.

Беспокойная родня

Благодаря плодovitости незабвенной памяти императрицы Марии-Терезии и ее потомков, в особенности Леопольда II с его 18 отпрысками, уж что-что, а вымирание династии Габсбургов явно не грозило. Напротив, их стало чрезвычайно много, кое-кто считал, что уж слишком много. Как уже упоминалось выше, во время торжеств по случаю 80-летия императора Франца-Иосифа в Шёнбрунне был по старинной традиции представлен придворный балет исключительно семейными силами: в нем участвовало 60 человек разных возрастов. С одной стороны, такая мощная опора с виду делала клан несокрушимым, но и забот родня причиняла Францу-Иосифу более чем достаточно. Особенно огорчала его моральная неустойчивость эрцгерцогов.

Эколог с Майорки

Особую главу в историю интимной жизни Габсбургов вписал эрцгерцог Людвиг-Сальватор (1847–1915). Он был ярко выраженным бисексуалом и проявлял свои наклонности без малейшего стеснения. При венском дворе его считали чудаком, поскольку эрцгерцога прямо-таки снедала страсть к морским путешествиям и наукам. В конце концов он поселился на Майорке и прожил там до начала Первой мировой войны. Людвиг-Сальватор был полиглотом, причем предпочитал редкие языки типа фриульского^[78], и автором нескольких капитальных трудов по флоре, фауне и начатках экологии средиземноморского региона. Эти произведения обеспечили ему неплохую репутацию в сфере науки.

Луиджи, как называли его друзья, был сильно равнодушен к чарам молодых мужчин и юношей. Его сначала свел с ума некий Владислав Выборный из Праги, который последовал за ним на Майорку, но там влюбился в молоденькую испанку. Это вывело из себя ревнивого герцога, не переносившего соперников, и положило конец их роману. Замену ветреному чеху Людвиг нашел в Венеции, куда регулярно наезжал. Подобно многим своим родственникам, он подцепил венерическое заболевание, но это не отпугнуло его от амурных приключений. Людвиг вступил в связь с Франческо Спанджа, сыном венецианского гондольера, которого часто выводил на Майорку. Когда Франческо оставался на материке, он писал эрцгерцогу любовные письма, сопровождаемые рисунками весьма похабного свойства.

Большинство из дружков эрцгерцога интересовали исключительно деньги, которые они не стеснялись тянуть с него. Вот какое письмо прислал ему некий Винченцо Атаназιο:

«Любезнейший синьор Луиджи, после того, как я приветствую вас, вы должны знать, что здоровье мое есть наилучшее, надеюсь услышать то же самое от вас, ибо вы в моей собственной жизни дороги моему сердцу более всего. Надеюсь, что по случаю Географического съезда, который состоится 15 сентября [1881 года], вы прибудете в Венецию, поскольку будет устроено много прекрасных праздников, а у вас здесь будет своя программа, и я прошу вас,

дорогой Луиджи, приехать, потому что страстно желаю увидеть вас и выказать вам свою ни с чем не сравнимую любовь, каковую я храню в своем сердце для вас, и каковую я, ваш Винченцино, столь любящий вас, от чистого сердца ношу в себе. Любезный синьор Луиджи, как вам хорошо известно, я должен погасить мои долги у одного знакомого портного; в ноябре и несколько позднее я выслал ему 60 лир, поскольку не мог отправить больше, и он часто писал мне, что хочет получить деньги, но я больше ничего ему не послал, кроме того, что я сообщил вам выше, и сегодня я получил еще одно письмо, в котором он намерен обратиться к вам, чтобы изложить всю правду. Он требует от меня остальные деньги, вследствие чего я вынужден прибегнуть к вашей светлости, дабы от всего сердца просить оказать мне такую милость, чтобы я мог уплатить свои долги, за что Господь да вознаградит вас здоровьем и также за все, что вы сделали для меня, потому что существую единственно только для вас. Сим прошу вас, ваш Винченцино, который очень любит вас, не оставить его в беде, ибо я, пока на мне висит этот долг, не могу спать ночами, но не оставляю надежды на милость Божию. Мне не остается ничего другого, кроме как от всего сердца пожелать вам здоровья, со всеми моими почтительными приветствиями и шлю вам исполненное любви объятие, исходящее от всего сердца, и да получите вы столько поцелуев от вашего Винченцино, пламенно любящего вас, и поверьте мне, что лишь смерть заставит меня забыть вас. С надеждой вскоре увидеть вас, подписываюсь как любящий вас всю жизнь до самой могилы Винченцино Анастасио. Вспоминайте часто того, который столь сильно любит вас и денно и нощно думает о вас».

Неизвестно, сколь долго длилась эта связь, но явно Людвигу-Сальватору приходилось не раз платить своему Винченцино за его любовные услуги. Довольно долго длилось увлечение эрцгерцога своим секретарем Антонио Вивесом. Тот, между прочим, был женат, а его супруга — прекрасно осведомлена о нездоровых сексуальных наклонностях своего мужа, но никакого возмущения не выказывала.

Поселившись на Майорке и приобретя там огромные поместья, эрцгерцог совершенно опростился и был очень доволен, когда местный плебс принимал его за своего собрата. На принадлежавшей ему яхте он создал некоторое социалистическое общество в

миниатюре, где царило полное равенство. Людвиг-Альвадор делил с командой самую тяжелую работу, стол и кров, носил такую же одежду. Бедность среди местного населения была ужасная, и нищие матери за небольшие деньги охотно поставляли своих юных дочек в поместья Людвиг-Сальватора. Он, впрочем, впоследствии заботился как о них, так и о родившихся бастардах. Любопытную карьеру сделала одна из этих босоногих девочек, дочь столяра Каталина Омар (1869–1905). Она сумела набрать хороший багаж знаний, овладела несколькими языками и выросла до управляющей поместьями эрцгерцога на Майорке. Каталина активно занималась выращиванием винограда для производства вина сорта мальвазия, за которое эрцгерцог получил несколько премий на международных выставках.

К концу жизни не сумевший уберечься от сифилиса Людвиг-Сальватор решил вступить в законный брак. Он сделал предложение своей экономке Антонии Ланчеротто, но та от высокой чести отказалась. Эрцгерцог написал своему старому другу Франческо Спонджа:

«Должен сообщить тебе, что наш давно разработанный план найти женищину для жизни втроем не может быть осуществлен».

С началом Первой мировой войны император Франц-Иосиф потребовал от Людвиг-Сальватора, страдавшего онкологическим заболеванием, вернуться в родные пенаты, где он и скончался в октябре 1915 года. Вместо того, чтобы, согласно его завещанию, быть похороненным в своем майоркском поместье «Мирамар», «где солнце своим золотистым светом зальет холмик моей могилы», его гроб установили в одной из темных ниш склепа Габсбургов Капуцинергруфт.

Непреодолимые женские слабости

Нравственно Габсбурги явно измельчали, но если мужчины не всегда могли устоять перед искушением, то относительно моральной устойчивости женщин вопрос раньше даже не вставал: на них можно было положиться, как на каменную гору. К сожалению, в новые времена дурман соблазна охватил собой и слабый пол. В частности, «загуляла» эрцгерцогиня Луиза, причем дело пахло международным скандалом.

Эрцгерцогиня Луиза родилась в 1870 году в семье Фердинанда IV, последнего Великого герцога Тосканского, к тому времени давно утратившего свои владения в Италии. Когда девушка вошла в брачный возраст, объявилось несколько претендентов на ее руку, но родители предпочли саксонского наследного принца Фредерика-Августа. В 1891 году состоялась свадьба, и Луиза переехала в Дрезден. С самого начала ее отношения со строгим этикетом королевского двора не сложились, тем более, что тому способствовали козни свекра, золовки и министра внутренних дел Метц-Райхенбаха. Станным образом это способствовало чрезвычайной популярности принцессы в народе. Луиза добросовестно родила для продолжения саксонской династии пятерых детей, тем не менее, ее свекровь и обергофмейстерина приложили руки к распространению слухов о романе кронпринцессы с дантистом О'Брайеном, а затем с воспитателем младших детей, бельгийцем Андре Жироном. Это был привлекательный брюнет с умопомрачительными усиками, на 9 лет моложе принцессы, щеголеватый, обаятельный, остроумный, с безупречными манерами.

В конце концов жизнь среди враждебно настроенных людей надоела Луизе, тем более, что ее уже в открытую считали психически неуравновешенной и начали угрожать заключением в лечебницу для умалишенных. Будучи беременной шестым ребенком, в декабре 1902 года она уехала для лечения в Зальцбург, куда также прибыл для моральной поддержки старший брат Луизы, эрцгерцог Леопольд-Фердинанд, личность не менее скандальной репутации. Он уже подготовил свой выход из семьи Габсбургов под именем Леопольд Вёльфлинг и как раз пребывал в разгаре романа с уличной проституткой Вильгельминой Адамович, на которой вскоре женился.

При помощи брата Луиза сбежала в Швейцарию, в Женеву, куда направился также Андре Жирон, предварительно наведя полицию на ложный след, будто бы уезжает в Брюссель. Саксонский двор попытался замять скандал, поместив в конце декабря в официальной «Дрезденской газете» следующее сообщение: «Кронпринцесса в состоянии болезненного душевного возбуждения покинула Зальцбург и, порвав все связи с родственниками, отправилась за границу». Но уже вскоре истинная подоплека побега вышла на чистую воду. Саксонский кронпринц, который сначала настаивал на насильственном возвращении жены к семейному очагу, коренным образом изменил свое мнение, когда ему показали перехваченное письмо Жирона к Луизе. Из него было ясно, что она уже давно наставляла мужа рога.

Принцесса Луиза тем временем в Женеве в открытую показывалась везде с Жироном. Вокруг ее скандального поведения, в котором усмотрели поругание всего, что есть приличное, аристократическое и христианское, в Европе поднялся невообразимый шум. Подавляющее большинство считало, что объяснить поведение саксонской кронпринцессы можно только умопомешательством. Все попытки австрийской родни уговорить принцессу не афишировать свою связь с Жироном успеха не имели. Саксонский двор срочно возбудил дело о разводе, решение по которому было вынесено в феврале 1903 года. Вину в супружеской измене возложили, естественно, на неверную супругу. За несколько дней до этого кардинального события Луиза и Жирон по неизвестной причине расстались.

5 мая 1903 года Луиза родила дочь Анну-Монику, и саксонский двор был вынужден привлечь медиков для установления отцовства, сомнения в котором не стеснялись высказывать все кому не лень. Дрезденский доктор Леопольд по внешним признакам – светлым глазам и волосам, а также типу внешности младенца, – объявил, что отцом является саксонский наследный принц, но стопроцентную гарантию дать отказался. Все-таки, во избежание нового раздувания скандала, Фредерик-Август признал ребенка своей дочерью, выделил Луизе годовое содержание и пожаловал титул графини Монтиньозо. Скандальная дама без малейшего смущения путешествовала по всей Европе, но когда она пожелала увидаться со старшими детьми, ей было в этом отказано. Тогда Луиза завела себе нового любовника, графа Карло Гвиччарди, и потребовала увеличения своей пенсии в обмен на

возврат Анны-Моники под опеку саксонского двора. Пенсию увеличили до 40 000 марок.

В 1907 году Луиза вышла замуж за итальянского композитора Энрико Тозелли, который был моложе ее на 12 лет. После этого позорного шага ее лишили всех габсбургских титулов, а саксонский двор наконец забрал Анну-Монику под крылышко отца. Кстати, в 1924 году она вышла замуж за эрцгерцога Иосифа-Франца из венгерской ветви Габсбургов. У Луизы родился сын Карло-Эммануэле, но в 1908 году супруги Тозелли перешли на раздельное проживание, а в 1912 году развелись, причем сын остался с отцом.

В 1911 году Луиза возродила уже несколько подзабытый скандал, опубликовав мемуары «Моя жизнь», в котором приписала все свои несчастья интригам королевской семьи и ее министров: они-де завидовали ее популярности в народе. Разжалованная принцесса сравнила себя с Марией-Антуанеттой, которая также не могла смириться с этикетом версальского двора и отстранилась от подавляющей части придворных, приверженных этой закостеневшей системе. После того как в 1918 году рухнула империя Габсбургов, Луиза проживала в Бельгии под именем Антуанетты-Марии, графини д'Изетт. После вторжения немецких войск она лишилась денежной поддержки от родственников и оказалась без гроша. Старуха умерла весной 1947 года, зарабатывая себе на хлеб продажей цветов.

После смерти принцессы ученые сочли ее прекрасным образцом последствия кровосмесительных династических браков, тем более, что она сама признавала: «Смесь французской, итальянской и габсбургской крови в моих венах любой несколько более здравомыслящей семье дала бы основание серьезно призадуматься... Да, мой тесть совершенно правомерно говорил, что габсбургско-бурбонский темперамент обладает странными свойствами».

Ее генеалогическое древо просто вопиет о постоянном кровосмешении. Генеалог Георг Амборст не поленился и подсчитал, что в шести предшествующих поколениях Луизы вместо 64 различных предков насчитывалось всего 14! 12 раз она вела свое происхождение от испанского короля Филиппа V и его супруги Елизаветы Пармской. А ведь этот король впал в умопомрачение! На Луизе сошлись 612 нисходящих линий от Хуаны Безумной, жены Филиппа Красивого Габсбурга. Все это были последствия порочной брачной политики,

преследуемой династией Габсбургов. Сама принцесса по этому поводу ясно высказалась: «Мне кажется, что в определенные кризисные моменты нашу жизнь охватывают ненормальные, дремлющие в нас силы, иногда вызывающие невротические нарушения, под воздействием которых мы совершаем импульсивные поступки, влекущие за собой последствия, воздействующие на всю жизнь». Но не в ней одной проявились признаки вырождения династии.

Что сестра, что братья

Ее брат, вышеупомянутый эрцгерцог Леопольд-Фердинанд (1868–1935), также не избежал бремени семейного проклятия и окончил свое существование самым печальным образом, нанеся непоправимый вред образу династии Габсбургов. Он служил во флоте, загубив себе карьеру тем, что вчистую разругался с наследником престола Францем-Фердинандом во время совместного кругосветного путешествия. Причиной послужило увлечение Леопольда привлекательными молодыми матросами. Как-то раз он провел длительное время в своей каюте, запершись там в обществе красивого кадета. Во избежание дальнейших осложнений наследник престола высадил кузена на сушу в Сиднее.

В молодости Леопольд-Фердинанд хотел жениться на принцессе Эльвире Бурбонской, дочери претендента на испанский трон дона Карлоса, но император запретил ему даже думать об этом во избежание политических осложнений. После крушения надежд реализовать себя в высоких сферах эрцгерцог с горя связался с некой Вильгельминой Адамович (хотя примерно в это же время другая женщина родила от него ребенка), которая была занесена в «Книгу здоровья» венской полиции за уличную проституцию. «Книга здоровья» была учреждена в Вене в 1873 году полицмейстером Антоном фон Лемонье для учета женщин, «каковые профессионально занимаются развратом». Проституткам вменялось дважды в неделю проходить осмотр у врача. В 1911 году было внесено дополнение, что в случае обнаружения болезни их надлежало отправлять в больницу.

После скандала с наследником престола император отправил Леопольда-Фердинанда в заштатный полк в Брно, куда тот забрал с собой в качестве экономки Вильгельмину Адамович. Там эрцгерцог нанял ей преподавателей, занимавшихся ее образованием и обучением хорошим манерам. Помимо тяготения к женщинам с улицы, Леопольд-Фердинанд был еще и законченным алкоголиком, отчего его даже направляли на лечение в закрытую клинику. После скандала с сестрицей Луизой он запросил разрешение выйти из дома Габсбургов, о чем в декабре 1902 года и подал соответствующее прошение императору:

«Прошу ваше величество пожаловать мне соизволение отказаться от моего места и ранга и принять имя Леопольд Вёльфлинг».

Деньгами его теперь снабжал только отец, эрцгерцог Фердинанд Тосканский. После утряски всех финансовых вопросов Леопольду-Фердинанду разрешили выйти из семьи Габсбургов, но он не стал придерживаться договоренности о хранении молчания и частенько давал разоблачительные интервью о тайнах габсбургского двора.

В 1903 году обыватель Вёльфлинг женился на Вильгельмине Адамович. В 1907 году скандальный союз был расторгнут, и всего несколькими днями позднее Леопольд-Фердинанд вступил в брак с Марией-Магдаленой Риттер, которая также состояла на учете в «Книге здоровья». Это супружество продержалось до 1912 года, когда разжалованный эрцгерцог обосновался в среде сутенеров Мюнхена, торгуя прелестями своей новой спутницы жизни, уличной проститутки Марии Швайкхардт.

Как только разразилась Первая мировая война, подданный Вёльфлинг в порыве патриотизма попытался вернуться в австрийскую армию, но его, надо полагать, на основании сильно подорванного здоровья, туда не взяли. После падения монархии пришлось зарабатывать себе на жизнь. Леопольд-Фердинанд служил переводчиком, агентом отдела газетных объявлений, гидом по дворцам Хофбург и Шёнбрунн (видимо, его, небезосновательно, сочли экспертом в этой области) и даже продавцом сосисок. В 1933 году он еще раз повел к алтарю некую Клару-Гедвигу Павловски, на 30 лет моложе его. Но семейное счастье не продлилось долго: в 1935 году Леопольд-Фердинанд скончался в Берлине в полной нищете.

После крушения империи многие Габсбурги не только вступали в браки с особами намного ниже их по рождению, но впоследствии расторгли их и женились во второй и даже третий раз. Эрцгерцог Йозеф Фердинанд Сальватор (1872–1942), младший брат Леопольда-Фердинанда, смолоду проявил тяготение к простолюдинкам. Перед производством в подполковники его, в качестве наказания, перевели из Зальцбурга в Любляну, поскольку он в открытую с самыми серьезными намерениями ухаживал за дочерью городского чиновника. Говорили, что позднее эрцгерцог планировал жениться на дочери содержателя ресторана в Вене. Когда началась война, он служил на командных постах в армии, в частности, возглавил 4-ю армию, штаб

которой располагался в Луцке на реке Стырь. Как писал один из современников, эрцгерцог перенес на фронт венскую жизнь с музыкой, шансонетками, выездами на охоту и обильными застольями со своими офицерами. «Разрывы артиллерийских обстрелов заглушались звуками музыки». Летом 1916 года его армия была разбита 8-й армией генерала Каледина в ходе Брусиловского прорыва. Эрцгерцог был снят с поста командующего «по состоянию здоровья» и назначен инспектором ВВС, поскольку всегда проявлял ярко выраженный интерес к воздухоплаванию.

После падения монархии жизнерадостный эрцгерцог в 1921 году женился на простолюдинке Розе Кальтенбруннер. В 1928 году супруги развелись, и в 1929 году Иосиф-Фердинанд вступил в брак с дворянкой Гертрудой Томанек Эдле фон Байерфельс. И эта невеста все равно была значительно ниже его статуса, зато на 30 лет моложе жениха. Видимо, он решил хотя бы на старости лет познать радости истинного семейного очага и потому обзавелся сыном и дочерью.

Эрцгерцог Генрих Фердинанд Сальватор (1878–1963), еще один брат Леопольда-Фердинанда и Луизы, хоть и тянул некоторое время лямку в армии, как полагалось любому Габсбургу, но в любую свободную минуту либо садился за написание акварелей, либо с помощью фотоаппарата пытался увековечить все то, что казалось ему интересным и прекрасным. Надо сказать, что путем самообразования он накопил существенный запас знаний в некоторых сферах искусства и техники. Ничто человеческое, тем не менее, ему не было чуждо, и он до 1907 года сожительствовал с девицей Сесилией Обермайр. К тому времени у него будто бы обнаружились нелады со здоровьем, и эрцгерцог подал в отставку. Одновременно выявились нелады и в отношениях с Сесилией. Видимо, молодая женщина не позволила так просто отделаться от нее и согласилась прекратить роман лишь при условии выплаты отступных в сумме 100 тысяч гульденов.

Ее место заняла Мария-Каролина Людешер, также простолюдинка. Уже в 1908 году она родила сына, за которым в 1910 и 1912 годах последовали еще один сын и дочь. С началом Первой мировой войны эрцгерцог вернулся в ряды армии, но, по воспоминаниям современников, толку от него было немного. В 1919 году, после падения монархии, Генрих-Фердинанд отказался от права называться членом династии Габсбургов, женился на Марии-Каролине и мирно

доживал свой век в Зальцбурге, активно участвуя в жизни местного общества художников. Помимо офицерской пенсии, его средства к существованию дополнялись также доходами от продажи выполненных им фотографий и живописных произведений.

Без вести пропавший

Не менее интересен, но натурально трагичен жизненный путь дядюшки уже упомянутых нам принцессы Луизы и трех ее братьев, эрцгерцога Иоганна Непомука Сальватора, родившегося во Флоренции в 1852 году. Он в 27 лет, что неудивительно для Габсбурга, дослужился до генерал-лейтенанта, участвовал в нескольких кампаниях, но имел обыкновение в открытую критиковать при дворе постановку военного дела в империи. В частности, выпустив в 1883 году скандальную брошюру «Дрессировка или воспитание», эрцгерцог в пух и прах разбил систему подготовки солдат и требовал проведения реформ в армии. Во время болгарского кризиса 1885-87 годов Иоганн Непомук Сальватор попытался было претендовать на место царя Болгарии, но Францу-Иосифу такой беспокойный человек на болгарском троне был не нужен, и слишком шустрого родственника осадили.

Для усмирения бунтаря его отправили в отставку и повелели жить в альпийской глуши в своем замке Орт на берегах озера Гмунден. Красота тамошних мест склоняла к творчеству, и на природе таланты ссыльного эрцгерцога развернулись в полную силу. Иоганн-Сальватор под псевдонимом Иоганн Траунварт неплохо сочинял музыку – будто бы его вальсы удостоились похвалы самого Штрауса, – и писал либретто для балетов. Так что он был своим человеком в мире кулис, где завел роман с балериной Людмилой Штубель, известной под кратким именем Милли. Эта связь длилась очень долго, император даже подсылал к танцовщице агентов, предлагавших ей солидные суммы денег, лишь бы она отказалась от высокопоставленного любовника и не позорила династию этой связью.

Иоганн-Сальватор крепко дружил с престолонаследником Рудольфом, исповедовавшим либеральные взгляды и очень рассчитывал на то, что при его правлении сможет претворить в жизнь некоторые свои замыслы. После гибели Рудольфа в октябре 1889 года он подал императору прошение следующего содержания:

«Ваше величество! Будучи слишком молодым, чтобы навсегда уйти на покой, слишком гордым, чтобы жить как оплачиваемый бездельник, я пришел к тому, что мое положение стало для меня мучительным, даже непереносимым. Определенное оправданное

чувство чести мешает мне просить о восстановлении в армии, и я поставлен перед выбором: либо и далее вести недостойное существование княжеского тунейдца, либо искать новое существование обычного человека, искать новое ремесло. Сие, в конце концов, подтолкнуло меня к решению по второму варианту также потому, что все мое существо не уместится в рамках сего прозябания, и, по крайней мере, личная независимость может предложить мне замену потерянного положения. Таким образом, я добровольно и независимо отказываюсь от своего статуса и ранга, вследствие чего с благоговением возвращаю титул и права эрцгерцога, а также мой военный чин в руки вашего величества, низжайше прося ваше величество даровать мне гражданскую фамилию».

Одновременно этим патетическим прошением эрцгерцог отказывался от годового дохода в примерно 100 тысяч гульденов. Император не стал отговаривать племянника, но одним условием поставил, чтобы тот уехал за границу и принял подданство иной страны. Строптивый Иоганн-Сальватор уперся, настаивая на том, что желает оставаться австрийским подданным, каковым и родился. Он получил фамилию Орт по названию своего замка и женился на Милли Штубель. Видимо, его давно тянуло в дальние края, потому что разжалованный эрцгерцог начал усердно изучать морское дело и успешно сдал экзамены на шкиперский патент.

Далее он купил в Гамбурге шхуну «Св. Маргарита» и в марте 1890 года отбыл на ней вместе с женой в Южную Америку. Летом один из его венских друзей получил письмо от 10 июля 1890 года с известием, что Иоганн-Сальватор доплыл до Буэнос-Айреса и намерен отправиться к мысу Горн. Это было последнее известие о нем. По-видимому, шхуна потерпела кораблекрушение. После длительных поисков Иоганна-Сальватора в 1911 году объявили умершим. Поскольку тело найти так и не удалось, это дало повод для хождения всякого рода легенд, что Орт не погиб, а вместе со своей спутницей счастливо проживает где-то в благословенных местах, далеких от скучного венского двора.

Парад браков по сердечной склонности

Эпидемия браков эрцгерцогов с простолюдинками после падения монархии сильно напоминает сходный процесс в России, когда после отречения Николая II великий князь Гавриил Константинович Романов обвенчался с балериной Антониной Нестеровской, а Александр Георгиевич, 7-й герцог Лейхтенбергский^[79], в тот же день вступил в брак с дважды разведенной Надеждой Николаевной Игнатьевой. Великий князь же Сергей Михайлович сделал предложение руки и сердца балерине Матильде Феликсовне Кшесинской, но получил отказ, ибо она уже давно связала свою жизнь с другим великим князем, Андреем Владимировичем. С ним она смогла соединить свою жизнь только в эмиграции, после смерти его матери, при жизни отказывавшей им в благословении.

В вопросах заключения браков Габсбурги стали более легкомысленными, не гнушаясь разводов. Плохо держались даже браки с особами королевской крови: в 1931 году эрцгерцог Антон Габсбург (1901–1987) женился на принцессе Илеане Румынской, правнучке царя Александра II и королевы Виктории, младшей дочери румынского короля Фердинанда I. Ввиду неприязненного отношения к Габсбургам супруги не могли обосноваться в Румынии и жили то в Австрии, то в Германии.

В противовес большинству Габсбургов, эрцгерцог Антон был настроен профашистски и после присоединения Австрии к Германии вступил в национал-социалистскую партию, после начала войны служил летчиком в немецкой армии. Естественно, с таким послужным списком ему пришлось после окончания Второй мировой войны эмигрировать сначала в Европу, затем в США. В 1954 году супруги развелись, причем наличие шестерых детей не послужило препятствием к расторжению брака. Илеана, невзирая на все жизненные перипетии, оставалась ярой патриоткой Румынии и вскоре вышла замуж за румынского эмигранта. Подобных примеров можно привести много – теперь Габсбурги стали обычными гражданами различных стран.

Бельгийские принцессы – хоть и дальняя, но родня^[80]

Смерть наследника престола Рудольфа действительно освободила его супругу Стефани от уз ненавистного брака, тем более, что она в этот период переживала апогей любовного романа. В 1887 году, во время поездки вместе с мужем в Галицию, молодая женщина по уши влюбилась в графа Артура Потоцкого. Он был на 15 лет старше ее, вдовец с двумя дочерьми. Стефани буквально обезумела от любви, но прилагала все усилия к тому, чтобы держать это увлечение в тайне – она слишком дорожила своим положением при дворе. Однако принцесса даже отказалась сопровождать мужа в Лондон на празднование пятидесятилетнего юбилея правления королевы Виктории, лишь бы предаваться любовным утехам с Потоцким в Вене. Скрывать адюльтерные похождения ей помогала родная сестра Луиза-Мария (1858–1924).

Вкратце следует коснуться истории замужества этой женщины, столь типичной для высокопоставленных браков. В 16 лет ее выдали замуж на принца Филиппа Саксен-Кобургского, состоявшего на службе у императора Австро-Венгрии. Принц был чрезвычайно обаятельным мужчиной с отменными манерами, и девушка влюбилась в него, предвкушая безоблачную семейную идиллию. Иллюзия разбилась в первую же брачную ночь. Будучи другом Рудольфа по развлечениям, привыкший к утехам с публичными женщинами, принц настолько грубо обошелся с новобрачной, что та сбежала с супружеского ложа в дворцовую оранжерею, где ее, горько рыдавшую, обнаружил садовник. После воспитательной беседы, исходившей от тещи, принц Филипп сменил тактику и сумел наладить отношения с женой.

Одновременно он исподволь занялся ее сексуальным воспитанием, постепенно пробуждая в молодой женщине чувственность и обучая ее премудростям любовной науки. Родив сына и дочь, Луиза-Мария, весьма привлекательная, аппетитная и элегантная женщина (ее называли «самой светской дамой Вены») последовательно заводила романы с адъютантами мужа, бароном ван Гиссенбургом и бароном де

Иобахаза. Поговаривали также о ее подозрительно близких отношениях с принцем Рудольфом, семейная жизнь которого с ее родной сестрой, как известно, потерпела полный крах.

В 1895 году Луиза-Мария безумно влюбилась в хорвата, графа фон Матачича-Кеглевича, и забылась настолько, что потребовала у мужа развод. Вспыхнул скандал, император отлучил согрешившую даму от двора и потребовал от принца Филиппа вызвать графа Матачича на дуэль. Дуэль состоялась, причем Матачич прострелил принцу руку, за что его посадили на шесть лет, а Луиза-Мария потом еще долго скиталась по лечебницам для умалишенных. Целая вереница профессоров с солидной репутацией последовательно признавала ее «интеллектуальную и нравственную неполноценность», не позволявшую доверить ей воспитание детей. Вокруг дела Матачича шум подняли социал-демократы в парламенте, поэтому его выпустили, а в 1906 году графу удалось устроить своей возлюбленной побег из лечебницы. Отец, король Бельгии, к тому времени овдовевший, отказался от дочери и запретил ей появляться в Бельгии, так что Луиза-Мария с любовником разъезжала по Европе, без удержу мотая деньги в расчете на огромное наследство после смерти Леопольда II^[81]. В 1907 году ее брак с Филиппом Саксен-Кобургским был расторгнут, поскольку муж, также рассчитывавший на большое наследство, понял, что проклятой дочери рассчитывать не на что. После долгих мытарств она в глубокой бедности в 1924 году умерла в Германии (Матачич скончался годом ранее), успев издать свои мемуары под названием «Я видела, как рушились троны».

Но все это случится намного позднее, а пока Луиза-Мария надежно прикрывала похождения своей сестры. Не найдя идеальной любви в семейной жизни, принцесса Стефани обставила свою супружескую измену по всем правилам романтических историй: она называла Потоцкого не иначе как «Гамлет», а себя именовала «Офелией». Так, она писала сестре:

«Я сгораю от нетерпения с тех пор, как узнала о пребывании Артура в Вене. Офелия должна увидеться с ним, но как это устроить? Гамлет останется в Вене только на два дня. Тотчас же ответь мне, чем можно прикрыться. Я уже подумала об обеде или ужине у тебя. Дай мне хороший совет! Постарайся устроить что-нибудь».

Смерть Рудольфа, тем не менее, глубоко потрясла Стефани, к тому же она потеряла свое блестящее положение при дворе, ибо титул вдовствующей кронпринцессы не сулил ей ничего, кроме вечного ношения траура. Молодая женщина находила утешение только в обществе Потоцкого, но вскоре оказалось, что он болен раком языка. Невзирая на две операции, в марте 1890 года Артур скончался. Стефани была безутешна, о чем и писала сестре:

«Я была подготовлена к сему, однако, не могла примириться с мыслью об его потере и все надеялась на выздоровление. Тщетно. Я потеряла своего лучшего друга, мужчину, которого так высоко ценила и так любила. Сия утрата все еще доставляет мне ужасную боль! Со смертью Артура Господь послал мне испытание!»

Ее пытались выдать замуж за наследника престола Франца-Фердинанда, но тот уже был увлечен графиней Софией Хотек и даже слышать не хотел о неуклюжей долговязой вдовице. Тем не менее, жизнь смилостивилась над Стефани и послала ей любовь и семейное счастье: в 1900 году она вышла замуж за венгерского графа Элемера Лоньяи. Поскольку брак этот считался неравным из-за более низкого положения супруга, Стефани отказалась от своего титула вдовствующей кронпринцессы, за что была проклята отцом, королем Леопольдом II. Тем не менее, она сохранила вполне приличные отношения со своим бывшим свекром, императором Францем-Иосифом, и едва поддерживала совершенно холодные с дочерью Эржи. Стефани прожила долгую и счастливую жизнь в своем венгерском замке Орошвар и в 1935 году написала мемуары под названием «Я должна была стать императрицей». Дочь нашла, что мать привела в своих воспоминаниях слишком много неприглядных фактов о своей семье и добилась через суд запрещения распространения книги в Австрии. Старость Стефани была омрачена тем, что ей пришлось покинуть свой замок при вторжении советских войск в Венгрию и найти убежище в бенедиктинском аббатстве, где она и скончалась в августе 1945 года.

Любимая внучка императора

Невзирая на порушенную семейную жизнь, принц Рудольф в своем завещании попросил отца стать его душеприказчиком и опекуном дочери Елизаветы, которую назначил единственной наследницей своего движимого и недвижимого имущества. Супруге Стефани предоставлялась пожизненная возможность пользоваться его состоянием, которая прекращалась в случае ее вступления в повторный брак. Маленькая Эржи росла при венском дворе, и любящий дед всячески баловал ее. В многочисленных письмах Катарине Шратт он с наслаждением рассказывал о часах, проведенных с нею в прогулках, посещениях зоопарка в Шенбрунне. В результате девочка совершенно не знала никаких преград своим желаниям, что при ее вступлении в брачный возраст вылилось в весьма неприглядную историю.

В 1900 году Эржи влюбилась в принца Отто фон Виндишгреца, отпрыска одной из самых аристократических семей империи, и пожелала немедленно выйти за него замуж. Самое интересное заключалось в том, что объект ее страсти даже не подозревал о том, какое счастье ему привалило. Однако он не происходил из правящей династии, а потому был по положению ниже внучки императора. Мы знаем, сколь отвратительны были Францу-Иосифу неравные браки, к тому же он планировал выдать Елизавету замуж за наследного принца из немецкой династии Гогенцоллернов. Эрцгерцог Райнер, пользовавшийся большим авторитетом у императора, немедленно выставил веские возражения:

– Ни в коем случае, это стало бы настоящим несчастьем! Наша Елизавета столкнула бы лбами Габсбургов с Гогенцоллернами и перевернула вверх тормашками двор в Потсдаме! Она никак не сможет обрести дисциплинированность германской императрицы! Будет лучше, если этого не случится!

Для начала император упростил Эржи подождать год и еще раз хорошенько подумать, ибо до исполнения 18 лет о помолвке нечего и думать. Чтобы ублажить девицу, он подарил ей на Рождество нитку жемчуга ценой в 10 тысяч гульденов и отправил отдыхать в замок Мирамар в надежде, что переменчивое девичье сердце найдет себе

иной предмет для обожания. Год пролетел быстро, но Эржи не изменила своего решения, и дед был вынужден, скрепя сердце, согласиться на ее выбор. Правда, Франц-Иосиф потребовал, чтобы внучка, подобно другим членам династии Габсбургов, вступавшим в неравный брак, отказалась от наследственных прав на престолонаследование. Далее император вызвал к себе принца и сообщил о том, как судьба облагодетельствовала его. Но принц отнюдь не пришел в восторг, а смущенно заявил, что он уже тайно помолвлен и не может нарушить данное невесте слово. Однако Эржи отчаянно продолжала настаивать на своем, и император пришел к следующему заключению:

– Но я тоже дал своей внучке свое слово императора, что вы станете ее супругом. Вы не можете допустить, чтобы я нарушил его.

На попытку Виндишгреца утверждать, что он уже практически связан брачными узами, император гневно заявил:

– Вы носите звание старшего лейтенанта, так что должны подчиняться моему приказу как верховного главнокомандующего. А в качестве такового я приказываю вам жениться на моей внучке. Разговор закончен.

Жениху поневоле оставалось только подчиниться приказу. 22 января состоялась свадьба, в качестве подарка император пожаловал жениху княжеский титул. Эрцгерцог Райнер высказался в том духе, что Габсбурги должны быть благодарны Отто фон Виндишгрецу, ибо он оказал династии услугу и любезность, взяв на себя все дальнейшие заботы о капризной принцессе.

Зато эти заботы легли тяжким бременем на плечи мужа Элизабет. Она унаследовала от отца сильный сексуальный темперамент, который весьма досаждал фон Виндишгрецу, планировавшему жениться на совсем другой женщине. У них родились три сына и дочь, так что апартаменты в Праге оказались тесноваты. Тогда Франц-Иосиф предоставил в их распоряжение замок в Северной Богемии, в ужасной дыре, где не было никакой светской жизни. Молодая княгиня принялась путешествовать, оставляя мужа дома с детьми под тщательным присмотром, ибо была болезненно ревнива и не могла допустить, чтобы он изменил ей.

Однажды во время ее пребывания в Вене ей подали письмо с известием, что во время ее отсутствия муж вступил в связь с оперной

певицей Мари Циглер и должен встретиться с ней в 4 часа дня на пражской вилле Грёбе. Елизавета тут же села в поезд на Прагу, явилась на виллу и застала любовников на месте преступления. Она ворвалась в помещение, отталкивая слуг, уверявших, что князь занят деловым разговором. Елизавета распахнула дверь, выхватила пистолет и выстрелила. Певица вскрикнула диким голосом и упала бездыханной; по ее груди текла тонкая струйка крови. Ранение оказалось тяжелым, но историю удалось замять. В другой раз Эржи выстрелила в слугу, который преграждал ей вход в спальню мужа. Пуля просвистела в нескольких сантиметрах от насмерть перепуганного мужчины, пробила толстое дерево двери и воткнулась в паркет неподалеку от кровати Отто.

Невзирая на подобные выходки Елизаветы, супруги продолжали нести опостылевшие брачные цепи. Ею овладела тяга к странствиям, по-видимому, унаследованная от бабушки Елизаветы: Эржи либо путешествовала, либо отдыхала в замке Шёнау к югу от Вены или в арендованных виллах, окружая себя обществом молодых людей. Они были обязаны развлекать хозяйку, играть с ней в теннис, а также удовлетворять ее повышенные сексуальные запросы. В 1913 году Эржи влюбилась в морского офицера Эгона Лерха и даже не прилагала никаких усилий скрывать эту связь. Молодой человек имел обыкновение ночевать в ее спальне два-три раза в неделю.

В 1915 году подводная лодка Лерха бесследно пропала, что на некоторое время привело Елизавету в крайнее отчаяние. Деду она заявила, что у нее пропало всякое желание жить дальше, а супруга известила о своем намерении развестись с ним, против чего тот не возражал. Но тут вмешался Франц-Иосиф, принципиально не признававший разводов, и супругов кое-как уговорили продолжить совместную жизнь ради детей. Но в ноябре 1916 года император скончался, и Елизавета вновь потребовала развода. Началась судебная тяжба, причем оба супруга укоряли противную сторону в неверности. Елизавета жаловалась на связь мужа с дамой полусвета по фамилии Фогт-Ферида, которая всю тянула с него большие деньги. Отто фон Виндишгрец в подробностях рассказывал о связи жены с Эгоном Лерхом. На это Елизавета с гордостью заявила:

«При продолжительном последовательном пренебрежительном отношении со стороны собственного мужа я стремилась к общению

с мужчинами духовно более высокого уровня. Именно к их числу относился лейтенант Лерх, личность, чьи героические подвиги золотыми буквами занесены на скрижали австрийской истории, личность, которая буквально во всем подобно башне возвышается над ограниченным кругозором моего, к сожалению, столь мало образованного мужа, пробудила мой интерес. Я горжусь тем, что этому герою в тяжелейшее время, полное славы исполнения долга в несказанно жесткой действительности, его опасной, жертвенной службы, посвященной императору и отечеству, я была верной подругой, сумевшей оказать ему поддержку, утешение и превозношение».

В свою очередь муж изложил в своей жалобе следующие претензии:

«...я осознал, что моя супруга имела обыкновение окружать себя толпой молодых людей, развлечения с которыми носили сомнительный характер. Такое поведение усугублялось из года в год, так что это неоднократно давало мне повод делать ей серьезные замечания и требовать от нее соблюдения внешних приличий. Первоначально мне еще удавалось кое-как сдерживать поведение моей супруги в соответствующих рамках. Однако оно постепенно становилось все более сомнительным, и после одной в высшей степени безобразной сцены, которую она устроила в баре в 1914 году в Поле с незнакомыми офицерами, я должен был сделать ей дома выговор и подать жалобу ее деду-императору... Позднее я узнал, что моя жена в Бриони, Мирамаре и других местах вела себя с молодыми офицерами, в особенности с моряками, столь отталкивающим общественность образом, который давал повод поверить в интимные отношения с ними. Она даже пригласила на ужин одного из моих родственников, морского лейтенанта князя Альфреда Виндишгреца, в 1912 году в Мирамаре и предложила ему прийти в два часа ночи к ней в спальню. Ответчица (т. е. Елизавета) с середины 1913 до его смерти в августе 1915 поддерживала откровенную длительную адюльтерную связь с лейтенантом, служившим на линкоре, Эгоном Лерхом».

Елизавета этой связи не скрывала, гордо заявив в ходе разбирательства дела:

– Было бы ниже моего достоинства пожелать солгать, что я не имела связи с лейтенантом Эгоном Лерхом.

Решение по раздельному проживанию было вынесено 24 марта 1924 года, дети остались под опекой матери, развод же состоялся без особого шума лишь в 1948 году. Елизавета круто изменила свой образ жизни, ибо с 1919 года рядом с ней находился уже другой мужчина, учитель-социалист мещанского происхождения Леопольд Петцнек. Примерно в то же время Елизавета вступила в Социал-демократическую рабочую партию. Официально брак был зарегистрирован в 1948 году. Габсбургам этот союз был глубоко неприемлем, но Елизавете неодобрение родни было абсолютно безразлично. Второму мужу она хранила верность, во всяком случае, никаких сведений об ее изменах Петцнеку не существует. Со своими детьми от первого брака ветреная мать постепенно рассорилась и умерла в 1963 году в полном одиночестве. В историю Австрии любимая внучка Франца-Иосифа I вошла как «Красная эрцгерцогиня».

Конец империи

Франц-Иосиф I старел, дряхлел, но не желал ничего менять в привычном ему порядке вещей. Влияние империи на международной арене стремительно падало, устаревшая система управления мешала развитию экономики государства, усиливались устремления различных национальностей к независимости. Пытаясь возродить былое величие, Австро-Венгрия в 1908 году аннексировала две бывшие османские полуавтономные провинции Боснию и Герцеговину с населением около двух миллионов человек. Примерно половина из них была православными, тесно связанными с королевством Сербия. Другая половина населения, состоявшая из мусульман и католиков, опасалась расширения сербского влияния и предпочитала покровительство Австрии. После двух победоносных войн Сербия превратилась в крупное государство с населением в четыре с половиной миллиона человек, по мнению ряда политиков, представлявшее угрозу Австро-Венгрии. После убийства в столице Боснии Сараеве эрцгерцога Франца-Фердинанда и его супруги воинственно настроенные сановники в Австро-Венгрии были настроены на то, чтобы поднять престиж страны и проучить Сербию. Они придерживались старой истины, что «небольшая победоносная война» и вызванный ею небывалый подъем патриотизма решат все внутренние и внешние проблемы. Командующий австрийским флотом адмирал Гаус прямо заявил в министерстве иностранных дел:

– Не могли бы вы устроить нам войну?

Министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Леопольд фон Берхтольд (1863–1942, в 1906-12 годах посол в Санкт-Петербурге) приложил все усилия к тому, чтобы война разразилась. Ультиматум Сербии был составлен таким образом, чтобы она никоим образом не могла его принять; императоры Франц-Иосиф и Вильгельм II ознакомились с ним уже после его отправки, когда ничего нельзя было изменить. Война стала неизбежной, вскоре приняла всемирный масштаб и стоила человечеству очень дорого.

После смерти императора Франца-Иосифа в 1916 году на трон под именем Карла I взошел его внучатый племянник, женатый на

принцессе Ците^[82] Бурбон-Пармской. Он еще делал попытки не дать государству развалиться, но это было уже не в его силах. Проигравшая Вторую мировую войну лоскутная империя в 1919 году распалась на ряд небольших стран, в самой Австрии была провозглашена республика. От населения в 50 миллионов человек в ней осталось немногим более шести. Членов клана Габсбургов выслали из страны, запретив им возвращаться в Австрию, национализировали их имущество (при этом бесследно пропала часть знаменитых драгоценностей императорской семьи, включая прославленный бриллиант «Флорентиец») и упразднили столь предусмотрительно учрежденный еще Марией-Терезией «Фонд семейного обеспечения», в котором было сосредоточено личное имущество монаршей семьи.

Императора Карла с женой и детьми англичане вывезли на остров Мадейру. Памятуя о том, что он был коронован еще и королем Венгрии, Карл в 20-х годах предпринял две неудавшиеся попытки восстановить там свое правление. Низложенный император скончался 1 апреля 1922 года от воспаления легких, оставив вдове 8 человек детей. Цита, невзирая на все трудности, сумела воспитать их достойным образом. У этой монаршей четы была крепкая семья, так что последний из Габсбургов ни фаворитов, ни фавориток не имел.

В 1935 году канцлер Шушниг признал правомочность существования габсбургского фонда. Однако после присоединения Австрии к Германии по личному указанию Гитлера фонд вновь был заморожен с условием, что ни одному из членов семьи Габсбургов не могут быть выплачены возмещения, ибо фюрера выводила из себя антинацистская деятельность разъехавшихся по миру влиятельных представителей династии. Это отчужденное имущество имело весьма внушительный объем: 20 000 га лесных угодий, 7 000 сельскохозяйственных, более сотни домов и ресторанов в Вене, 11 замков, целый ряд небольших промышленных предприятий. В 1945 году часть недвижимого имущества перешла в собственность Австрийской республики.

Сегодня в мире насчитывается около двух сотен потомков Габсбургов, расселившихся по всему свету. Они обладают паспортами различных стран, вынуждены зарабатывать себе на жизнь, освоив самые различные специальности, и не гнушаются вступать в браки с лицами, социальное положение которых вызвало бы чрезвычайное

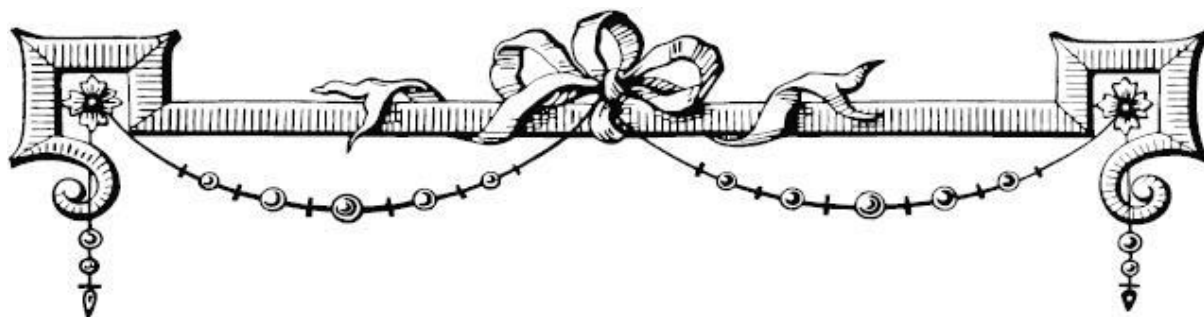
возмущение почившего в бозе императора Франца-Иосифа. Так, фактический глава династии Карл в 1993 году женился на баронессе Франческе Тиссен-Борнемис, дочери в третьем браке барона Ганса-Генриха Тиссен-Борнемиса^[83], в ту пору владельца самого ценного частного собрания картин мира. Ее матерью была дочь английского адмирала Фиона, очень известная модель и одно время спутница жизни единственного сына миллиардера Онассиса Александра. Именно от нее Франческа унаследовала англиканское вероисповедание, что само по себе выглядело скандально для кандидатки на вступление в семью Габсбургов, всегда почитавшихся столпами католической веры. Глава династии Отто, мирно проживавший в Австрии и являвшийся членом Европарламента, издал специальный указа, разрешавший этот брак.

Десять лет супружеская пара вела примерную семейную жизнь, родив двух дочерей и сына, в 2003 году они перешли на раздельное проживание, а в 2017 развелись. Мыслимо ли было такое во времена блаженной памяти императора Франца-Иосифа? Ни в коем случае. Точно также был бы невозможен брак женщины из рода Габсбургов с русским князем Николаем Гагариным, но он состоялся, причем в семье успешно выросли четыре дочери и сын. О некоторых прискорбных событиях в клане Габсбурги предпочитают не упоминать, ибо они совершенно не красят его репутацию. Например, смерть в Лондоне в 90-х годах прошлого века принцессы Софи фон Габсбург от СПИДа.

Часть клана Габсбургов объединилась и потихоньку судится с австрийским государством на предмет реституции бывшего имущества. Специальная историческая комиссия признала правомочность их притязаний не как представителей правившей монархической династии, пострадавшей от Австрийской республики, а как жертв национал-социалистов. Им обидно, что в настоящее время на торжественных правительственных приемах столы до сих пор накрываются белоснежными скатертями с виллы императрицы Елизаветы на острове Корфу, сервируются фамильным габсбургским серебром, украшенным эмблемой с двуглавым орлом, и фарфоровым сервизом императора Франца-Иосифа. Правда, из 150 приборов в нем осталось лишь чуть больше половины. На семейное имущество они претендуют, а вот на власть – нет. Габсбурги, похоже, хорошо выучили уроки истории: почти шесть с половиной веков их семья правила в

Австрии, а что осталось в результате? Небольшая нейтральная страна да 138 гробов в склепе при венской церкви капуцинов.

Библиография

Andics, Helmut, "Die Frauen der Habsburger", Jugend & Volk Edition, Wien, 1993

Badinter, Elisabeth, «Isabelle de Bourbon-Parme. Je meurs d'amour pour toi», Tallandier, Paris, 2008.

Balansó, Juan, «Los diamantes de la Corona», Plaza & Janés Editores, S. A. Travessera de gràcia, Barcelona

Benzoni, Juliette, «Dans le lit des rois», Plon, Paris, 1983

Bled, Jean-Paul, «Marie-Thérèse d'Autriche», Fayard, Paris, 2001

Castelot, André, «Napoleon et les femmes», Perrin, Paris, 1998

Castelot, André, «Maximilien et Charlotte du Mexique: la tragédie de l'ambition», Paris, Perrin, 2002

des Cars, Jean, «La saga des Habsbourg», Perrin, Paris, 2013

des Cars, Jean, «Le roman de Vienne», Perrin, Paris, 2008

des Cars, Jean, «Sissi, impératrice d'Autriche», Perrin, Paris, 2005

«Die großen Dynastien», Karl Müller Verlag, Erlangen, 1996

Ehrlich, Anna, Mayr, Bernadette «Szepter und Rose», Fischer Tachenbuch Verlag, Frankfurt am Main, 2006

Elgers, Paul, «Ein Giftpilz für die Kaiserin», Rudolstadt, Greifenverlag, 1983

Hammer, Elke «Anne Plochl und Erzherzog Johann – Kehrseiten einer "lieblichen Romanze"», Zeitschrift «Mitteilungen des Steiermärkischen Landesarchivs», Nr. 48, 1998

«Io, la regina Maria-Carolina d'Asburgo-Lorena, tra politica, arte, fede e cultura», a cura di Gulio Sodano e Giulio Brevetti, «Quaderni Mediterranea – ricerche storiche», No. 33, 2016

Kugler, Georg, «Franz Joseph und Elisabeth», Bonechi Verlag, Styria, 1994

Mourousy, Paul, «Charlotte de Belgique», Editions du Rocher, Paris, 2002

Ricci, Bianca-Maria, «Casa Farnese», Grafiche Step, Parma, 1994

Seydel, Robert, «Die Seitensprünge der Habsburger», Piper München Zürich, 2008.

Solnon, Jean-François, «Les couples royaux dans l'histoire: le pouvoir à quatre mains», Perrin, Paris, 2018.

Swistun, Hermann, «Mary Vetsera. Gefährtin für den Tod», Wien, 1999.

Szaszi, Julia, «Mein Wien. Unbekannte Facetten einer Weltstadt», Leykam Bücherverlagsges. m. b.H. Nfg. & Co KG, Graz, 2006

Вулманс, Сью, Кинг, Грег, «Первая мировая. Убийство, развязавшее войну», АСТ, Москва, 2014

Йена, Детлеф, «Екатерина Павловна, великая княжна, королева Вюртемберга», «АСТ» – «Астраль», Москва, 2006

Кастело, Андре, «Сын Наполеона», «Захаров», Москва, 2007

A detailed oil painting of a woman, likely Empress Elisabeth of Austria, in a white, off-the-shoulder, ruffled gown. She has long, dark, wavy hair adorned with small white flowers and a pearl necklace. She is holding a fan in her left hand. The background is a soft, hazy landscape with a large pink flowering bush on the right.

НАТАЛИЯ СОТНИКОВА
ФАВОРИТКИ И ФАВОРИТЫ

*Австро-
Венгерская
династия
Габсбурги на обломках империи*

Примечания

1

Усыпальница династии Габсбургов при церкви и монастыре капуцинов.

[Вернуться](#)

2

Корона Богемии, Святой Вацлав – покровитель этого королевства.

[Вернуться](#)

3

Цита, урожденная принцесса Бурбон-Пармская, триумфально вернулась в Австрию в 1982 и скончалась в 1989 году.

[Вернуться](#)

4

Точнее говоря, существованию Священной Римской империи германской нации был положен конец согласно Пресбургскому мирному договору от 26 декабря 1805 года после победы французской армии над соединенными силами Австрии и России под Аустерлицем.

[Вернуться](#)

5

Пока другие ведут войны, ты, счастливая Австрия, вступаешь в браки. Те королевства, которые Марс дарует другим, тебе их дарует Венера (лат.).

[Вернуться](#)

6

Есть и другие варианты расшифровки этой аббревиатуры: «Austria erit in orbe ultima» (лат.) – «Австрия будет существовать вечно» или «Alles Erdreich ist Oesterreich untertan» (нем.) – «Все царство земное подчинено Австрии».

[Вернуться](#)

7

Немалый вклад в его распространение внесли солдаты из войск Карла V.

[Вернуться](#)

8

Характерно высказывание одного из них: «Там, где нет опасности, нет славы».

[Вернуться](#)

9

Вторым был Алессандро Фарнезе, принц Пармский, сын Маргариты Австрийской, правительницы Нидерландов.

[Вернуться](#)

10

Семьи из высшего слоя бюргерских семей, которые сумели зарезервировать для себя места в городском совете, передававшиеся по наследству. Их называли патрициями в подражание древнему Риму.

[Вернуться](#)

11

По некоторым данным, Мария-Луиза была дочерью короля Людовика XIV от его связи с ее матерью, Генриэттой Английской. См. мою книгу «Король-Солнце Людовик XIV и его прекрасные дамы».

[Вернуться](#)

12

Его обязанностью было ежегодное составление календаря и астрологических прогнозов на будущий год.

[Вернуться](#)

13

Он был создателем идеи «британской империи», считается, что именно он первым использовал этот термин.

[Вернуться](#)

14

Земля, воздух, вода и огонь.

[Вернуться](#)

15

Капитан потерял глаз в сражениях с пиратами, которыми тогда кишело Средиземное море.

[Вернуться](#)

16

Остров Сардиния был обменян на остров Сицилия.

[Вернуться](#)

17

Ее сестра, принцесса София-Шарлотта (1694–1715), вышла замуж за царевича Алексея Петровича, сына императора Петра I, отсюда понятно, почему бежавший из России царевич сначала нашел убежище у свояка в Вене.

[Вернуться](#)

18

Так ласково называл Марию-Терезию отец.

[Вернуться](#)

19

Псевдоним, переименованная на итальянский манер ее настоящая фамилия Файгель, что на одном из немецких диалектов означает «фиалочка».

[Вернуться](#)

20

Пратер ранее был огороженной зоной императорских охотничьих угодьев, но с 1766 года открыт для всеобщего доступа в качестве места для народных гуляний.

[Вернуться](#)

21

Прозвище проституток на одной из центральных улиц Вены. Одно время активно исследовалась та версия, что именно одна из них наградила сифилисом великого композитора Людвиг ван Бетховена, а

лечение соединениями ртути вызвало у него преждевременную глухоту. Эта версия будто бы не подтвердилась. Совершенно точно жертвой сифилиса стал талантливейший австрийский композитор Гуго Вольф (1860–1903), потерявший рассудок на почве этого заболевания.

[Вернуться](#)

22

Имеются в виду фаворитки королевы Марии-Антуанетты, принцесса Мари-Терез де Ламбаль и герцогиня Габриэль-Иоланда де Полиньяк.

[Вернуться](#)

23

Буквально: делатель (франц.)

[Вернуться](#)

24

Предполагается, что речь идет о принце Карле-Александре Лотарингском, брате мужа императрицы Марии-Терезии, Франца-Стефана. Он был женат на сестре императрицы Марии-Анне, которая скончалась в первых же родах.

[Вернуться](#)

25

Так звали Марию-Кристину родственники в императорской семье. Поскольку Мария-Терезия явно отличала свою дочь среди прочих детей, братья и сестры бешено завидовали ей.

[Вернуться](#)

26

Лоретта и Зербен являются главными действующими лицами комической оперы Луи Ансёма (1721–1784) под названием «Художник, влюбленный в свою натурщицу», поставленную впервые в 1757 году.

[Вернуться](#)

27

Согласно древнегреческим мифам герой Геракл погиб от того, что жена Деянира, пытавшаяся сохранить его любовь, дала ему одежду, пропитанную ядовитой кровью кентавра Несса, убитого Гераклом.

[Вернуться](#)

28

По понятиям того времени – явный перестарок.

[Вернуться](#)

29

Подробности см. в моей книге «Мария-Антуанетта».

[Вернуться](#)

30

Heldenberg – гора героев (нем.)

[Вернуться](#)

31

«Kaiser Josephs Sohn, Joseph Pargfrider, vivi fecit» – «Сын императора Иосифа, Иосиф Паргфридер, жизнь прожил» (лат.).

[Вернуться](#)

32

Ее крестными родителями были французский король Людовик XV и его супруга, поэтому младенца окрестили Мария-Шарлотта, но после замужества с королем Неаполя и обеих Сицилий имя итальянизировали.

[Вернуться](#)

33

Особенно безобразил его лицо огромный нос, который заработал ему в народе прозвище «Назоне» (Nasone – носище (итал.)).

[Вернуться](#)

34

Lazzaroni (итал.) – название нищего неаполитанского бездельника.

[Вернуться](#)

35

Для сохранения семейных состояний браки между двоюродными братьями и сестрами на юге Италии стали практически правилом.

[Вернуться](#)

36

Поппея Сабина (30–65 годы н. э.) – вторая жена императора Нерона (он у нее был вторым мужем), отличавшаяся исключительной красотой. Современники обвиняли ее в том, что в выборе мужей и возлюбленных она руководствовалась не чувствами, а корыстью и властолюбием.

[Вернуться](#)

37

См. новеллу «Путеводная звезда адмирала» в моей книге «Музы героев».

[Вернуться](#)

38

Александра Осиповна Смирнова-Россет (1809–1882) – фрейлина императорского двора, приятельница А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, Н. В. Гоголя и прочих видных современников, автор интереснейших мемуаров.

[Вернуться](#)

39

Россет, Александр-Карл Осипович (1813–1851) – не без содействия сестры дослужился до полковника лейб-гвардии Преображенского полка.

[Вернуться](#)

40

Герцог Арман-Эммануэль дю Плесси де Ришелье (1766–1822) – французский аристократ на русской службе, основатель и первый градоначальник Одессы, в 1804–1815 годах – генерал— губернатор Новороссии и Бессарабии. Крестный отец Александры Смирновой-Россет.

[Вернуться](#)

41

Подробно жизнь королевы Франции Марии-Антуанетты изложена в моей книге «Мария-Антуанетта. Верховная жрица любви».

[Вернуться](#)

42

С 1789 года у фон Ферзена также началась связь с ослепительно красивой итальянкой Элеонорой Салливен (1750–1833), которая продолжалась до 1797 года. Элеонора, очень богатая женщина, активно содействовала его усилиям по помощи королевской чете. Фон Ферзен после казни Марии-Антуанетты даже предлагал ей выйти за него замуж, но итальянка не пожелала жить в холодной Швеции.

[Вернуться](#)

43

См. мою книгу «Мария-Антуанетта. Верховная жрица любви».

[Вернуться](#)

44

Овдовев в 1801 году, в 1803 эрцгерцог Иосиф приезжал в Санкт-Петербург.

[Вернуться](#)

45

Читателю следует обратить внимание на характеристику эрцгерцога, ибо ниже история его брака будет изложена более детально.

[Вернуться](#)

46

Ныне Львов.

[Вернуться](#)

47

В то время итальянская провинция Ломбардия входила в состав Австрии.

[Вернуться](#)

48

Эрцгерцог Франц Модена-Эсте, брат мачехи Марии-Луизы, императрицы Марии-Людовики.

[Вернуться](#)

49

Следует отметить, что казненная Мария-Антуанетта, хоть и была женой короля Людовика XVI, но не была коронована на царство. В мае 1710 года супруга короля Генриха IV Мария Медичи настояла на своей коронации. На следующий день король пал жертвой покушения фанатика Равальяка. После этого коронация супруги короля была сочтена дурным предзнаменованием, и династия Бурбонов от нее отказалась.

[Вернуться](#)

50

Эрцгерцог Карл (1771–1847) – брат императора Франца I, одаренный полководец и реформатор австрийской армии, один из наиболее ярых противников Наполеона эпохи сражений с революционной Францией. Одержал победу над Наполеоном при Асперне-Эсслинге, но был разбит под Ваграмом.

[Вернуться](#)

51

Сын Наполеона, содержащийся в Вене на положении пленника, был лишен права выезда за границу Австрийской империи и поэтому не мог поехать к матери.

[Вернуться](#)

52

Ранняя смерть избавила Наполеона от разочарования в том, сколь мало его вторая жена ценила как его, так и то прославленное имя, которое носила. В качестве иллюстрации того, какое значение придавал этому Наполеон, обычно приводят такой случай. Во время одного из посещений севера Франции ему представили некую даму, фамилия которой ничего ему не говорила. Префект пояснил, что эта женщина — вдова одного из предводителей антимонархистского мятежа в Вандее во времена Великой французской революции, Франсуа Шаретта, расстрелянного республиканцами в 1796 году, но после его смерти она вступила во второй брак. Наполеон, считавший Шаретта «единственно великим человеком Вандейского восстания, настоящим героем», облил даму презрением, заявив: «Когда носят имя героя, его сохраняют!»

[Вернуться](#)

53

Нейперг на одном из немецких диалектов буквально означает «новая гора», по-итальянски это «монте нуово».

[Вернуться](#)

54

Зима в тот год наступила в октябре, погубив весь урожай на полях, что привело к голоду во многих европейских государствах и оттоку населения Западной Европы в Соединенные Штаты Америки. В королевстве Вюртемберг населению оказывала активную помощь жена

короля Вильгельма I, Екатерина Павловна, сестра российского императора Александра I.

[Вернуться](#)

55

Образуется круг, в котором мужчины попеременно кружатся сначала с соседкой справа, а затем с партнершей слева.

[Вернуться](#)

56

Короля Вюртембергского заставил жениться на Каролине-Августе сам Наполеон, но монарх, испытавший огромное унижение, демонстративно не стал жить с навязанной ему женой и после поражения Наполеона брак был аннулирован.

[Вернуться](#)

57

В словах Наполеона «я бы предпочел, чтобы моего сына задушили, нежели когда-нибудь увидеть его в Вене в качестве австрийского принца» была скрыта глубокая истина.

[Вернуться](#)

58

Перевод стихов императрицы Елизаветы выполнила поэтесса Тамара Романова.

[Вернуться](#)

59

Злые языки при дворе подшучивали, что адъютанты были обязаны разносить сапоги для главнокомандующих, тогда как императрица разносит туфли для своих горничных. Именно по этой причине в приданое Сисси были включены сто двадцать пар обуви.

[Вернуться](#)

60

Сисси проявляла полное равнодушие к своим внукам. Так, навестив после родов дочь Гизелу, она поделилась в письме к сыну Рудольфу своими впечатлениями: «Ребенок чрезвычайно безобразен, но очень живой, собственно говоря, точно как Гизела».

[Вернуться](#)

61

Чарльз Фредерик Ворт (1825–1895) был англичанином.

[Вернуться](#)

62

Относительно происхождения этого прозвища мнения разделяются. Некоторые современники считали, что основанием послужил рыжий с каштановым оттенком цвет волос Миддлтона, другие – что кличка скакуна, выигравшего престижнейшие скачки Дерби в Эпсоме в 1836 году.

[Вернуться](#)

63

Связь между композитором и Хелен носила характер не просто сексуального влечения, но и высокого духовного сродства. Когда отец девушки особенно давил на нее, Альбан ободрял свою избранницу в письме: «Не бойся, я буду держаться за тебя как репей». Хелена отказалась от публичной карьеры певицы и посвятила свою жизнь

созданию условий для творчества мужа, автора музыки, в частности, современных опер «Воцек» и «Лулу». Она пережила композитора на 40 лет, не прекращая деятельности по пропаганде его произведений.

[Вернуться](#)

64

Gugelhopf (нем.) – особого рода выпечка, нежный кекс цилиндрической формы с отверстием в середине.

[Вернуться](#)

65

В девятнадцатом веке театральные актеры, как правило, обеспечивали себя сценическими костюмами за свой счет.

[Вернуться](#)

66

У Шратт была вилла в пригороде Хитцинг. неподалеку от Шёнбрунна, в Вене она также проживала в квартире площадью 500 м² во дворце Кёнигсвартер на Рингштрассе наискосок от Оперы, принадлежавшем ее мужу. После смерти мужа в 1909 году дворец по завещанию отошел к ней, и актриса оставалась там до самой кончины. В девяностых годах прошлого века в одной из российских газет было размещено объявление, что наследники продают «Виллу Шратт» «с подлинной мебелью и картинами».

[Вернуться](#)

67

Воспитанием дочерей занималась лично мать, которая не гнушалась собственноручно применять розги.

[Вернуться](#)

68

Двугорбый верблюд.

[Вернуться](#)

69

Эржебет.

[Вернуться](#)

70

В католической церкви — изображение Богородицы Марии, предающейся горю из-за страданий сына.

[Вернуться](#)

71

В 1896 году его величина составила 3 миллиона 873 тысячи гульденов.

[Вернуться](#)

72

Габсбурги были не очень довольны этой кандидатурой невесты, ибо дедом Марии-Амалии был пасынок Наполеона, сын его супруги Жозефины от первого брака Евгений Богарне, потомок незначительного французского дворянина.

[Вернуться](#)

73

Император Франц-Иосиф был недоволен выбором матери и брата, ибо считал достойными невестами для Габсбургов принцесс либо из династии баварских Виттельсбахов, либо королей Саксонских. Бельгийскую родню он не любил именно за их слишком активное занятие развитием промышленности и коммерции в королевстве и пренебрежительно называл их «торгашами».

[Вернуться](#)

74

Он отведал дурного грибка (нем.).

[Вернуться](#)

75

После 1919 года территория Южного Тироля, на которой располагается Больцано, отошла от Австрии к Италии.

[Вернуться](#)

76

В 1245 году глава рода Габсбургов Рудольф IV женился на немецкой графине Гертруде фон Гогенберг из Южной Германии. В 1273 году он был избран «римским королем», и его жена приняла имя «королевы Анны». Считается праматерью династии Габсбургов (она родила 14 детей).

[Вернуться](#)

77

Прозвище эрцгерцога Отто.

[Вернуться](#)

78

Язык этнического меньшинства, на котором говорит только ограниченная группа людей на северо-востоке Италии в области Фриули.

[Вернуться](#)

79

По отцу герцог Александр Лейхтенбергский (1881–1943) являлся правнуком императора Николая I (внуком его дочери, великой княгини Марии Николаевны) и пасынком императора Наполеона I Евгения Богарне (внуком его сына, герцога Максимилиана Лейхтенбергского). И мать, и отец Александра Георгиевича были потомками императора Павла I.

[Вернуться](#)

80

Напоминаем, что матерью обеих принцесс и супругой короля Бельгии Леопольда II была урожденная австрийская эрцгерцогиня Мария-Генриэтта.

[Вернуться](#)

81

Леопольд II был несметно богат, ибо являлся единственным владельцем богатейшей африканской колонии Конго. Будучи безжалостным самодуром, он лишил всех своих трех дочерей наследства (третью дочь, Клементину, после смерти матери исполнявшую представительские обязанности первой дамы при отце, – за то, что она имела несчастье полюбить главу клана Бонапартов принца Виктора). После смерти отца дочери затеяли судебный процесс, но получили относительно немного от того, на что рассчитывали; все остальное отошло государству. За три дня до смерти в декабре 1909 года король женился на своей любовнице Бланш

Делакруа, родившей ему двух сыновей, очень красивой француженке, почти на 50 лет моложе него.

[Вернуться](#)

82

Редкое имя Цита объясняется тем, что принцесса родилась в Италии и получила имя в честь итальянской святой.

[Вернуться](#)

83

Отец Франчески был женат 5 раз, и каждый раз на красавице.

[Вернуться](#)